

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск (849)

4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

4

Issue (849)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4(849)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденоко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4(849)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Биотерроризм: реальность или миф? БЕРЛАДИР Ю. В., ХАРИЧКИН И. К.	9
Система мироустройства и ее трансформация в современных условиях БОБЫЛЕВ В. Ю.	18
Курдский вопрос в Ираке, его теоретические и практические аспекты в свете понятия «failed state» («несостоявшееся государство») ДЮРРЕ М. Э.	26
Экспансия как имманентное свойство цивилизации КИСЕЛЕВ С. Г.	34
Российская стратегическая культура как объект научного исследования КОЖУХОВА К. Е.	39
«Зеленый» переход ФРГ: политические аспекты РУКАВИЦЫН П. М.	46
Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики СИНЧУК Ю. В., ВЛАСОВ Б. Е., ОГУРЦОВ А. Е.	52

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Илья Семенович Кремер – фронтовик, мыслитель, человек БОЖИК К. Б.	62
Политические причины принятия решения об экономической реформе 1957 года в СССР ГОРЛОВ В. Н.	67
Борьба с украинскими националистами на Западной Украине в 1944 году КЛИМОВ А. А., ЗАБРОДЧЕНКО Г. Е.	74
Последователи Хорста Весселя в Прибалтике и их попытки «окончательного решения еврейского вопроса» (1939–1944) МАРКОВЧИН В. В.	79
Политика памяти в современной России НЕФЕДЬЕВ А. В., СОКЛАКОВ А. Ю.	87

«Либеральная империя» и электоральные процессы во Франции (1869–1870)	
УВАРОВА М. А.	94

Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)	
ХОХЛОВА А. А., НИКИТИНА А. А.	102

Проблемы определения владельцев территории Верхней Оки на рубеже XI–XII столетий	
ЦЫБАКОВ Д. Л.	110

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лояльность персонала инфекционной службы в период пандемии: ключевые факторы и некоторые вопросы управления	
БОГДАН И. В., ДРЕНЕВА А. А., КУЗЬМЕНКОВ В. А., Чистякова Д. П.	118

Родительское благополучие в контексте социологических исследований	
МАРКОВА Т. Л., АКУЛОВА П. Е.	127

Факторы, влияющие на формирование патриотизма российской молодежи: социологический и эмпирический анализ	
РАЗОВ П. В., ФАРИСОВ Ф. Ф.	137

Социальная напряженность в российском социуме в условиях санкционного давления	
САБЛУКОВ А. В.	142

Гендерные особенности участия в волонтерстве во время и после олимпийских игр	
СУХАРЬКОВА М. П.	150

Факторы социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда современного мегаполиса	
ШИШКОВ И. В.	159

POLITICAL SCIENCES

Bioterrorism: Reality or Myth? BERLADIR Y. V., KHARICHKIN I. K.	9
The System of World order and Its Transformation under Modern Conditions BOBYLEV V. YU.	18
The Kurdish Issue in Iraq, His Theoretical and Practical Aspects in the Light of the «Failed State» Concept DURRE M. E.	26
Expansion as an Immanent Property of Civilization KISELEV S. G.	34
Russian Strategic Culture as an Object of Scientific Research KOZHUKHOVA K. E.	39
Political Aspects of «Green» Transition in Germany RUKAVITSYN P. M.	46
Digital Diplomacy as a Tool of Foreign Policy SINCHUK YU. V., VLASOV B. E., OGURTSOV A. E.	52

HISTORICAL SCIENCES

Ilya Semenovitsch Kremer – War Veteran, Thinker, Human BOZHIK K. B.	62
Political Reasons for the Decision on Economic Reform in 1957 in the USSR GORLOV V. N.	67
Struggle against Ukrainian Nationalism in Western Ukraine in 1944 KLIMOV A. A., ZABRODCHENKO E. G.	74
The followers of Horst Wessel in the Baltic States and their Attempts to «Finally Solve the Jewish Question» (1939–1945) MARKOVCHIN V. V.	79
Politics of Memory in Modern Russia NEFEDIEV A. V., SOKLAKOV A. YU.	87

CONTENTS

The «Liberal Empire» and Electoral Processes in France in 1869–1870 UVAROVA M. A.	94
The Financial and Economic Situation of the Rural Parish Clergy of Kazan Province in the Post-Reform Period (based on the materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan) KHOKHLOV A. A., NIKITIN A. A.	102
Problems of Determining the Medieval Owners of the Upper Oka Territory at the Turn of the XI–XII Centuries TSYBAKOV D. L.	110

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Loyalty of Infection Service Personnel During the Pandemic: Key Factors and Management Issues BOGDAN I. V., DRENEVA A. A., KUZMENKOV V. A., CHISTYAKOVA D. P.	118
Parental Well-Being in the Context of Sociological Research MARKOVA T. L., AKULOVA P. E.	127
Factors Influencing the Formation of Patriotism of Russian Youth: Sociological and Empirical Analysis RAZOV P. V., FARISOV F. F.	137
Social Tensions in Russian Society in the Context of Sanctions SABLUKOV A. V.	142
Gender Differences of Olympic Volunteer Participation in Post-Game Volunteer Practices SUKHARKOVA M. P.	150
Factors Affecting the Social Adaptation of Young Employee to the Labour Market of a Modern Megalopolis SHISHKOV I. V.	159

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_9

Биотерроризм: реальность или миф?

Ю. В. Берладир¹, И. К. Харичкин²

¹Институт деловой карьеры, Москва, Россия

berladir77@yandex.ru

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

harichkin@starlink.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена критическому анализу защищенности планеты и в первую очередь России, от угроз, связанных с наличием во многих странах, в том числе вокруг нашей страны, разветвленной сети биологических лабораторий, созданных при непосредственном участии Пентагона. Отмечается, что хранилища штаммов опасных микроорганизмов могут выступать в качестве объекта устремлений злоумышленников, в частности, террористических организаций.

Ключевые слова: биологическое оружие, терроризм, генная инженерия

Для цитирования: Берладир Ю. В., Харичкин И. К. Биотерроризм: реальность или миф? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). 9–17. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_9

Original article

Bioterrorism: Reality or Myth?

Yulia V. Berladir¹, Igor K. Kharichkin²

¹Business career institute, Moscow, Russia

berladir77@yandex.ru

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

harichkin@starlink.ru

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the protection of the planet and, first of all, Russia from the threats associated with the presence in many countries, including around our country, of an extensive network of biological laboratories created with the direct participation of the Pentagon. It is noted that the storage of strains of dangerous microorganisms can act as an object of aspirations of intruders, in particular, terrorist organizations.

Keywords: biological weapons, terrorism, genetic engineering

For citation: Berladir, Yu. V., Kharichkin, I. K. (2022). Bioterrorism: reality or myth? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 9–17. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_9

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 актуализировала вопрос готовности отдельных стран и мирового сообщества противостоять биологическим угрозам.

В ходе нарастания данной пандемии пришло осознание правительствами государств планеты низкой готовности большинства стран к противостоянию постоянно развивающимся биологическим угрозам, а в контексте обсуждения возможного искусственного создания возбудителя COVID-19 (так как его исключительно, природное происхождение пока окончательно не доказано) в обществе остро встал вопрос о том, чем занимаются лаборатории биологической направленности, расположенные в различных регионах мира, значительная часть которых создана и / или финансируются США. Так, по некоторым данным, именно армейский научно-исследовательский институт и произвел коронавирус: в 2015 г. в журнале «Nature» была опубликована статья, в которой указано, что коронавирус был создан в США в 2015 г. в секретной лаборатории Пентагона – армейском научно-исследовательском институте Уолтера Рида в Форте Детрик¹. Совсем недавно другой авторитетный научный журнал «Lancet» косвенно подтвердил данный вывод.

Такая обеспокоенность имеет ряд причин. В первую очередь волнуют существующие во многих странах мира биологические лаборатории двойного назначения, под которыми «...следует понимать те биолaborатории третьего и четвертого уровня биобезопасности, деятельность которых направлена на проведение исследований наиболее опасных вирусов и бактерий, против которых в настоящее время не существует ни лечения, ни вакцины, либо же найти таковое довольно затруднительно и которые могут использоваться как для разработки новых способов лечения различного рода опасных заболеваний, так и для создания бактериологического (биологического) оружия и способов его доставки» [Делевер, 2021, с. 170].

Определенную тревогу вызывает и то, что биологические лаборатории, в которых осуществляются исследования опасных патогенов и хранятся коллекции штаммов опасных микроорганизмов, являются их искусственным резервуаром и могут выступать в качестве объекта устремлений злоумышленников, в частности террористических организаций. В настоящее время известно около 20 лабораторий такого уровня безопасности

в мире, однако предполагается, что картина может быть неполной².

Острой проблемой для будущего человечества является и то, что целый ряд новых научных исследований и разработок в различных отраслях науки, включая микробиологию, являются разработками двойного назначения, которые могут быть использованы как в мирных, так и в военных целях, а при попадании к злоумышленникам нанести существенный вред (так называемые Dual Use Research of Concern – DURC). Уровень развития науки в наше время делает потенциально возможным реализацию тех угроз, которые еще полвека назад казались научной фантастикой.

ИСТОЧНИКИ БИОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К числу основных источников биологических угроз, влекущих возможное возникновение эпидемий и эпизоотий, относятся:

- вспышки инфекционных заболеваний людей или животных природного происхождения (в результате распространения из естественных резервуаров патогенных микроорганизмов и из очагов заражения);
- аварии и диверсии на биологически опасных объектах, включая научно-исследовательские лаборатории;
- биологический терроризм;
- применение биологического оружия.

При этом сохраняется угроза незаконного приобретения биологических отравляющих веществ и патогенных микроорганизмов, источниками которых могут быть: военно-биологические, промышленные, научно-исследовательские объекты; работники таких объектов; незаконный ввоз биологических отравляющих веществ и патогенных микроорганизмов из других стран; их изготовление в нелегальных лабораториях [Саранкина, 2016].

Осуществить оценку последствий развития биологической угрозы от каждого из источников довольно сложно, поскольку на данный процесс влияет множество факторов. Так, при оценке степени реальной угрозы со стороны биологического терроризма на современном этапе целесообразно сопоставить между собой последствия самой успешной за последнее время террористической биологической атаки – «почтовой атаки» со спорами сибирской язвы, предпринятой в США в сентябре – октябре 2001 г. [Jernigan, 2002], и последствия

¹URL: https://www.fsvps.ru/fsvps/download/attachment/11432/FMD_BI_ALERT_108.pdf

²URL: <https://www.molodostivivat.ru/vsyo-znat-govorit-i-umnichat/laboratorii-po-izucheniyu-osobo-opasnyx-patogenov.html>

природной «комариной атаки» с возбудителем лихорадки Западного Нила, имевшей место там же в августе – сентябре 1999 года.

В первом случае, несмотря на внезапность самой биоатаки, помноженную на удачный выбор ее целей и способ применения использованного патогена, а также напряженность в стране после террористических актов 11 сентября того же года, правительственные структуры США отреагировали своевременно и квалифицированно: панические настроения в обществе были купированы, вспышка

заболевания ликвидирована, соответствующие учреждения получили дополнительное финансирование, а в целом система здравоохранения США не только продемонстрировала высокую устойчивость к подобным угрозам, но и вышла на новый уровень готовности к их отражению в будущем.

Напротив, в случае вспышки лихорадки Западного Нила последствия оказались гораздо более серьезными, особенно с течением времени: нозоформа вышла за пределы первоначального очага (Нью-Йорк), распространилась по территории

Таблица 1

ПОСЛЕДСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ «ПОЧТОВОЙ АТАКИ» 2001 г. И ПРИРОДНОЙ «КОМАРИНОЙ АТАКИ» 1999 г.

Сравнительная оценка террористической биоатаки («почтовая атака», 2001) и природной «комариной атаки» (1999) в США		
	«почтовая атака» (сентябрь – октябрь 2001 г.)	«комариная атака» (август – сентябрь 1999 г.)
Возбудитель	Порошок спор сибирской язвы в почтовых конвертах	Вирус лихорадки Западного Нила, переносчики – зараженные комары
Объект («мишень»)	Сотрудники средств массовой информации, сенаторы от Демократической партии США	Население Нью-Йорка
Ближайший эффект	Заболело 22 человека, умерло 5	Заболело 62 человека, умерло 7
Отдаленный эффект	1. На 2 мес. парализована работа Федеральной почтовой службы.	1. В 2003 г. переболело 2 866 человек, умерло 264 (летальность – 9,2 %)
	2. Создан Центр по чрезвычайным ситуациям.	2. В течение последующих 5 лет вирус интродуцировался в 40 штатов США, Канаду, Мексику и Латинскую Америку. К 2007 г. в США было зарегистрировано 16 706 случаев болезни, из них 7 096 – нейроинвазивной формы.
	3. Созданы бригады быстрого реагирования.	3. Нарушен экологический баланс внутри местной фауны, возникла постоянная угроза гибели для 27 видов птиц, лошадей и других видов животных
	4. Расширена до 100 сеть национальных диагностических лабораторий, протестировано 125 тыс. клинических образцов, 1 млн проб из окружающей среды. Эпиднадзору подвергнуты 10,5 млн чел., антибиотикотерапию получили 32 тыс. чел., по полному курсу (60 сут) – 10,3 тыс. чел.	4. Возникла дополнительная нагрузка для учреждений здравоохранения, ветеринарного надзора и охраны природы. Потребовалось дополнительное количество аппаратов искусственной вентиляции легких
	5. Обновлен Национальный фармацевтический запас, поставивший в период с 08.10.2001 г. по 11.01.2002 г. 3,75 млн таблеток.	
	6. Созданы программы соответствующих учебных занятий и тренингов, проведены соответствующие учения	
Общие меры противодействия	Повышение настороженности и информированности работников учреждений здравоохранения, правоохранительных органов, врачей «первой линии»	Организация постоянного эпидемиологического и эпизоотологического надзора, подготовка специалистов соответствующего профиля (клиницистов, эпидемиологов и т. д.), дальнейшее изучение инфекции

США, преодолела границы страны и в настоящее время представляет собой постоянную эпидемиологическую и экологическую угрозу для населения как Северной, так и Южной Америки.

Сравнительная оценка последствий террористической «почтовой атаки» 2001 г. и природной «комариной атаки» 1999 г. приведена в таблице [Лобзин и др., 2018].

Вместе с тем последствия реализации антропогенных («рукотворных») биологических угроз могут стать катастрофическими для всего человечества. В наши дни хорошо известна история создания в начале 30-х гг. XX века и дальнейшего функционирования на протяжении более 10 лет японских бактериологических отрядов № 731 и № 100 с подразделениями, расположенными на оккупированных территориях Китая недалеко от границы с СССР. Данные подразделения занимались разработкой бактериологического оружия: разведением бактерий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний, проведением экспериментов над людьми (в том числе советскими военнопленными) по заражению их этими и иными заболеваниями, использованием бактериологического оружия против Китая (*Regnum*, 30.12.2019).

Вдохновитель создания специальных биологических отрядов, биолог по образованию полковник Сиро Исии (командовал отрядом № 731 с 1932 по июнь 1942 года, закончив службу в звании генерал-лейтенанта) отмечал в своем докладе высшим военным чинам Японии: «В отличие от артиллерийских снарядов, бактериологическое оружие не способно мгновенно убивать живую силу, зато оно без шума поражает человеческий организм, принося медленную, но мучительную смерть. Производить снаряды не обязательно, можно заражать вполне мирные вещи – одежду, косметику, пищевые продукты и напитки, можно распылять бактерии с воздуха. Пусть первая атака не будет массовой, всё равно бактерии будут размножаться и поражать цели» [Долмов, 2008, с. 69]. По экспертным оценкам, изготовленных за время существования отряда № 731 объемов бактериологического оружия хватило бы для уничтожения населения всей Земли¹.

Оценивая наличие угроз биотерроризма, следует учитывать, что основными объектами интереса террористов могут являться созданные / хранящиеся штаммы опасных патогенов в биологических лабораториях третьего и четвертого уровней биологической безопасности, в том числе и условно пригодные для создания биологического

оружия, а также очаги инфекций природного происхождения, которые могут быть использованы террористическими организациями, тем более что они являются в большей степени доступными. Так, в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 г. отмечались призывы террористических организаций к ее дальнейшему умышленному распространению².

Объектами же биологической атаки могут быть места массового скопления населения: «станции метро, вокзалы, аэропорты, крупные здания, магазины, закрытые концертные и спортивные залы, системы водоснабжения, партии продуктов питания, вентиляционные системы» [Саранкина, 2016, с. 17], последствия которой просчитать не представляется возможным.

Отсюда и вытекают повышенные требования, предъявляемые к оснащению и обеспечению безопасности объектов высоких уровней биологической безопасности. Однако полностью исключать возможность получения несанкционированного доступа к имеющимся в их распоряжении патогенам нельзя. При этом, как показал опыт борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, распространение патогенна даже с невысоким уровнем летальности может повлечь за собой серьезные социальные, экономические и политические последствия во всем мире и дестабилизацию ситуации в целых регионах.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА БИОЛАБОРАТОРИЯМИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Осознание человечеством серьезности подобных угроз повлекло за собой принятие в прошлом столетии целого ряда международных договоренностей о запрете производства и распространения оружия массового поражения, включая биологическое. Особое место в предотвращении биологических угроз человечеству принадлежит подписанной в 1972 г. и вступившей в силу в 1975 г. международной Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО). Содержание данной Конвенции направлено на минимизацию угроз развязывания биологической войны, создания и накопления соответствующего биологического потенциала. Так, в ст. 1 Конвенции четко зафиксировано, что «...каждое государство-участник настоящей Конвенции обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не

¹<https://wwii.space/%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%B6%D0%B8%D0%B5-%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8/>

²<https://riafan.ru/1263019-biologicheskoe-oruzhie-2020-goda-kak-terroristy-ispolzuyut-koronavirusnyu-pandemiyu>

производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять:

1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей;

2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах»¹.

При оценке деятельности биологических лабораторий различного типа на предмет их потенциальной опасности с точки зрения возможностей создания неконтролируемого биологического материала для разработки биологического оружия следует учитывать имеющиеся несовершенства в КБТО:

1) КБТО не имеет точного определения биологического и токсинного оружия;

2) в соответствии с Конвенцией запрет на разработку, производство, накопление или иное приобретение или сохранение биологических агентов и токсинов не является обязательным. Закон применяется только к тем типам биологических агентов (с учетом их количества), которые не могут быть использованы для профилактических, защитных или других мирных целей;

3) в КБТО нет ограничений, которые бы запрещали биологическую исследовательскую деятельность, однако исследования в гражданских целях зачастую сложно отличить от тех, которые направлены на создание оружия;

4) не согласованы стандарты или критерии количества биологических агентов или токсинов, которые могут потребоваться для целей, разрешенных Конвенцией. Стороны не обязаны раскрывать типы и количество агентов или токсинов, которыми они обладают, и способы их использования;

5) не предусмотрен международный инструмент проверки соблюдения – контрольно-инспекционный механизм [Антипов А., Антипов В., Ковтун, 2018]. При этом можно уверенно сказать, что при наличии действенного контрольного механизма проверки соблюдения Конвенции все ее недостатки были бы учтены в ходе контрольных действий. В качестве примера действенных механизмов международного контроля над нераспространением оружия массового поражения можно привести эффективно работающие международные документы: Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения

химического оружия и о его уничтожении, Договор о нераспространении ядерного оружия.

Однако проект такого контрольно-инспекционного механизма, оформленный в виде юридически обязывающего документа, был в одностороннем порядке отклонен США. Данное решение мотивировалось тем, что этот документ не позволяет эффективно выявлять запрещенную по КБТО деятельность, а предусматриваемые им меры могут помешать дальнейшему развитию американской биотехнологической промышленности [там же].

Однако важное значение КБТО как одной из опор международной архитектуры безопасности подтверждается в совместном Заявлении министров иностранных дел государств – участников СНГ об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, сделанном в ходе заседания Совета министров иностранных дел СНГ (14 октября 2021 г.). При этом подчеркивается необходимость соблюдения и укрепления КБТО, в том числе путем институционализации и принятия юридически обязывающего Протокола к Конвенции, предусматривающего среди прочего эффективный механизм проверки соблюдения КБТО, а также регулярных консультаций и постоянного сотрудничества в решении любых вопросов в связи с выполнением Конвенции².

Таким образом, в настоящее время отсутствует действенный механизм контроля соблюдения требований КБТО, нарушения и обход требований КБТО создают предпосылки для формирования не только военных, но и террористических угроз.

США КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ

Угрозы, связанные с продолжающимся противодействием со стороны США российским инициативам по разработке и внедрению юридически обязывающего протокола по выполнению положений КБТО, неоднократно обсуждались на различных международных площадках³.

При этом отмечалось, что в качестве альтернативы США продвигают предложения о совершенствовании проверочного механизма, исключая установление контроля за деятельностью

¹URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml

²URL: https://cis.minsk.by/news/20827/ministry_inostrannyh_del_sng_prinjali_sovmestnoe_zajavlenie_ob_ukreplenii_konvencii_o_zapreschenii_biologicheskogo_i_toksinnogo_oruzhija

³С. Б. Королев. «Об угрозах безопасности государств – участников СНГ, формирующихся в связи с военно-прикладными исследованиями возбудителей особо опасных инфекций, проводимыми под эгидой Министерства обороны США в биологических центрах ряда постсоветских государств»: материалы Четвертой встречи секретарей советов безопасности государств – участников СНГ, Москва, 16 ноября 2016 г. М.: Известия УД Президента Российской Федерации, 2016.

объектов США, задействованных в реализации военно-биологической программы. Более того, с целью уклонения от возможных международных проверок биологических лабораторий, созданных Минобороны США за рубежом, переводились под юрисдикцию соответствующих государств и интегрировались в местные системы здравоохранения.

В настоящее время в близи границ России работают биолaborатории, финансируемые (или получавшие финансирование ранее) Пентагоном США: в Казахстане, Азербайджане, Армении, Грузии, Туркмении, Ираке, Пакистане, Турции, Афганистане [Шакарянц, 2020].

В Грузии биолaborаторная сеть, известная как Центр Лугара, была открыта в 2011 г. при участии Пентагона. Имеются свидетельства о производстве в Центре Лугара продукции двойного назначения. «В частности, речь идет о приборе для распыления зараженных комаров, к которому есть пояснение о возможном использовании насекомых в военное время для распространения малярии, что позволяет выводить из строя до 100 % живой силы противника» [Арешев, 2018, с. 35]. В настоящее время грузинские специалисты ограничены в перемещениях по Центру, не имеют доступа к американским документам. Это делается под предлогом законодательных ограничений США к секретным программам и режимным помещениям [Герасимов, Зюзин, Соловьев, 2020].

В Казахстане на основе Соглашения между Министерством энергетики Республики Казахстан и Минобороны США создана «Центральная Референс-лаборатория» (ЦРЛ), в которой планируется хранение штаммов и ведение работ с коллекциями возбудителей особо опасных заболеваний, в том числе чумы, сибирской язвы, различных видов холер [Милов, 2017].

Выделяется деятельность Пентагона по разветвлению биолaborаторий на Украине, где были открыты 11 биологических лабораторий, проводивших исследования и разработки с особо опасными биологическими организмами (некоторые прекратили свою деятельность после февраля 2022 г.). Эти лаборатории расположены в таких городах, как Львов, Одесса, Харьков, Днепрпетровск, Винница [Герасимов, Зюзин, Соловьев, 2020].

Об особой опасности таких лабораторий на Украине предупреждал постпред России при ООН В. Небензя, выступая на заседании Совбеза ООН весной 2022 г., отметил: «Под боком Евросоюза все эти годы существовал полигон для крайне опасных биологических испытаний» (*РИА Новости*, 11.03.2022), в чем была вынуждена признать заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд согласившись с фактом, что на Украине

есть объекты биологических исследований, созданные Вашингтоном. Всего США потратили на работу биологических лабораторий на Украине более 200 млн долларов [Ананских, Литвинов, Сальников, 2022].

В данной напряженной международной обстановке США продолжают развивать собственные исследовательские биологические программы. При этом с целью уклонения от какого-либо даже самого недейственного контроля над биологическими исследованиями в стране со стороны международного сообщества США представляют эти работы в качестве антитеррористических, защитных.

Развивая биологические исследования, США в 2014 г. в Агентстве передовых исследовательских проектов при министерстве обороны (DARPA) создали отдел биологических технологий, направления деятельности которого включали и инженерную, или синтетическую, биологию. Министерством обороны США проведена работа практически во всех регионах мира (в Европе, Африке, Юго-Восточной Азии) по созданию и эксплуатации сети биологических лабораторий, которая включает в настоящее время более 400 объектов (*МК.ru*, 27.01.2020), что формально выводит из юрисдикции американских властей биологические исследования военной направленности. С другой стороны, часть лабораторий комплектуются только американскими специалистами, а их деятельность выведена из-под контроля правительств тех стран, на территории которых они располагаются [Антипов А., Антипов В., Ковтун, 2018].

В настоящее время естественная наука, промышленные технологии наращивают свое развитие быстрыми темпами. В сжатые сроки научные достижения переходят в практическое производство, промышленность в состоянии быстро производить научное оборудование, что, в свою очередь, ускоряет процесс научных исследований, которые приводит к появлению невиданных ранее возможностей по созданию новых видов биологического оружия.

Бурная деятельность США по развитию биотехнологий, генной инженерии несет всё нарастающую угрозу для нашей страны. В этой связи набатом звучат слова Ю. А. Бобылева о том, что «...военная биология и особо генная инженерия в США кратно опережает Россию по ресурсным затратам, и они добились стратегического и тактического преимущества по уровню биологического оружия (БО) и защиты от него. По данным в открытой печати, в последнее десятилетие по денежным затратам в этой сфере НИОКР России отстала от США более чем в 20 раз... в США почти решена проблема оперативной и высокоточной доставки этого

оружия из американских военных лабораторий по периметру границ РФ в нужные географические точки России, включая и те, где дислоцированы создатели ядерного оружия в системе ГК «Росатом» [Бобылов, 2021, с. 858].

Перечисленные обстоятельства не позволяют сформировать целостное представление о количестве биологических лабораторий, результаты деятельности которых могут представлять угрозу человечеству как непредумышленного распространения поражающих агентов, так и захвата и использования поражающих агентов террористическими организациями.

Учитывая сложившуюся в 2020 г. эпидемиологическую ситуацию, официальный представитель МИД России Мария Захарова обратила внимание на целесообразность контроля над деятельностью иностранных биологических лабораторий, размещенных в сопредельных с нашей страной государствах. Было обращено внимание на необходимость повысить прозрачность деятельности биологических лабораторий, «чтобы был понятен уровень их ответственности, что они делают, чтобы можно было поставить эту деятельность под контроль – не только того государства, которое открывает биологическую лабораторию, не только того государства, на чьей территории эта биологическая лаборатория существует, но и того государства, которое окружено этими биологическими лабораториями» (РИА Новости, 22.04.2020).

В такой тревожной обстановке мы разделяем точку зрения С. Н. Орехова, А. Н. Яворского в том, что «Угроза применения оружия массового поражения

как элемент давления на Россию и другие “недружественные” США и НАТО страны успешно работает до сих пор» [Орехов, Яворский, 2020, с. 71].

Таким образом, на формирование биологических угроз на планете сказывается деятельность США, которые многократно увеличивают количество биологических лабораторий, направлений по созданию биотехнологий, всячески уклоняются от создания действенной системы международного контроля за нераспространением достижений биологической науки в военных целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся ситуация требует пристального внимания российского руководства и спецслужб страны к результатам деятельности существующих вокруг России биологических лабораторий третьего и четвертого уровней биологической безопасности, соблюдению требований по антитеррористической защищенности данных объектов, наличию возможных террористических угроз, прежде всего, устремлений террористических организаций к данным лабораториям, работающему на них персоналу.

Также необходимо совершенствование механизмов контроля, в частности со стороны спецслужб, над результатами научных исследований двойного назначения, включая своевременную оценку возможностей использования новых разработок в противоправных целях и предполагаемых угрозах, обеспечение ограничения доступа к информации о результатах таких научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Делевер А. В. Трактровка сущности понятия биологических лабораторий двойного назначения в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 168–174.
2. Саранкина Ю. А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия // Крымский научный вестник. 2016. № 4 (10). С. 10–23.
3. Лобзин Ю. В. [и др.] Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее / Ю. В. Лобзин, Е. П. Лукин, П. Е. Лукин, А. Н. Усков // Медицина экстремальных ситуаций. 2018. № 1 (20). С. 8–34.
4. Долмов С. Вишня расцветает ночью // Эксперт. 2008. № 30, С. 68–74.
5. Антипов А. Б., Антипов В. Б., Ковтун В. А. Распространение оружия массового поражения – угроза безопасности государства. Биологическое оружие // Военная мысль. 2018. № 9. С. 5–11.
6. Шакарянц С. Э. Коронавирус – подмена третьей мировой войны или прелюдия к ней? // Регион и мир. 2020. № 3. С. 5–25.
7. Арешев А. Г. Целью американских опытов в Грузии может быть создание нового биологического оружия // Архонт. 2018. № 4 (7). С. 34–36.
8. Герасимов А. Н., Зюзин С. Г., Соловьев А. И. Актуальные аспекты военно-биологической программы США // Научная мысль. 2020. № 1–1(35). С. 68–75.
9. Милов К. Военно-биологическая деятельность США на постсоветском пространстве // Зарубежное военное обозрение. 2017 № 10. С. 33–39.

10. Ананских И. А. [и др.]. Национал-политические силы Украины как источник угроз диверсионно-террористической деятельности на территории России / И. А. Ананских, Н. Д. Литвинов, М. В. Сальников, О. Л. Лавров, И. К. Миронов, Ю. И. Нагерняк, В. В. Овчинников // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 2. С. 120–168.
11. Бобылов Ю. А. Военно-биологические аспекты обеспечения безопасности населения России // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. № 3. Т. 16. С. 856–875.
12. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 60–73.

REFERENCES

1. Delever, A. V. (2021). Interpretation of the Essence of the Concept of Dual-Use Biolabs in Criminal Law. Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik, 3, 168–174. (In Russ.)
2. Sarankina, YU. A. (2016). Biological Terrorism: The Notion, Essence and Main Areas of Counter. Krymskiy nauchnyy vestnik, 4(10), 10–23. (In Russ.)
3. Lobzin Yu. V., Lukin E. P., Lukin P. E., Uskov A. N. (2018). Bioterrorism in Series of Biological Threats: Past and Present. Meditsina ekstremal'nykh situatsiy, 20(1), 8–34.
4. Dolmov, S. (2008). Vishnya rastsvetayet noch'yu = Cherry blossoms at night. Ekspert, 30, 68–74 (In Russ.)
5. Antipov, A. B., Antipov, V. B., Kovtun, V. A. (2018). Rasprostraneniye oruzhiya massovogo porazheniya – ugroza bezopasnosti gosudarstva. Biologicheskoye oruzhiye = The proliferation of weapons of mass destruction is a threat to the security of the state. Biologicheskoye oruzhiye. Voyennaya mysl', 9, 5–11. (In Russ.)
6. Shakaryants, S. E. (2020). Coronavirus – Substitution of the Third World War or a Prelude to it? Region i mir, 3, 5–25. (In Russ.)
7. Areshev, A. G. (2018). The Purpose of the Fmerican Experiences in Georgia May be the Creation of New Biological Weapons. Arkhont, 4(7), 34–36. (In Russ.)
8. Gerasimov, A. N., Zyuzin, S. G., Solov'yev, A. I. (2020). Topical Aspects of Military-Biological Program of USA. Nauchnaya mysl', 1–1(35), 68–75 (In Russ.)
9. Milov, K. (2017). Voenno-biologicheskaya deyatel'nost' SSHA na postsovetском prostranstve = Military biological activities of the United States in the post-Soviet space. Zarubezhnoye voyennoye obozreniye, 10, 33–39. (In Russ.)
10. Ananskikh I. A., Litvinov N. D., Salnikov M. V., Lavrov L. O., Mironov I. K., Nagerniyak Yu. I., Ovchinnikov V. V. (2022). National Political Forces of Ukraine as a Source of Threats of Sabotage and Terrorist Activities on the Territory of Russia. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost', 2, 120–168. (In Russ.)
11. Bobylov, Yu. A. (2021). Military-Biological Aspects of Ensuring the Security of the Russia Population. Zdorov'ye – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya, 3(16), 856–875. (In Russ.)
12. Orekhov, S. N., Yavorsky, A. N. (2020). Biological Threats and Biological Safety. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 5, 60–73. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Берладир Юлия Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры экономики и финансового права Института деловой карьеры

Харичкин Игорь Константинович

доктор философских наук, профессор
профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Berladir Yulia Vladimirovna

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Economics and Financial
Law Business Career Institute

Kharichkin Igor Konstantinovich

Doctor of Philosophy, Professor
Professor of the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.09.2022
одобрена после рецензирования 09.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 05.09.2022
approved after reviewing 09.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_18

Система мироустройства и ее трансформация в современных условиях

В. Ю. Бобылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

tihon1999@gmail.com

Аннотация. Проблема трансформации мироустройства, переход от политики глобализации мира к суверенизации самодостаточных центров, усилия России в предотвращении поглощения постсоветского пространства и трансформации РФ – насущна и обсуждаема. Прессинг блока НАТО и санкционная война, потеря опоры в стратегических регионах ведут к разрушению российской государственности. Пик противостояния стал явным в 20-е гг. XXI века. Его результаты станут определяющими для системы международных отношений.

Ключевые слова: миропорядок, суверенитет, трансформация, господство, цветные революции, регион, поглощение, конфронтация, лимнология

Для цитирования: Бобылев В. Ю. Система мироустройства и ее трансформация в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 18–25. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_18

Original article

The System of World Order and its Transformation under Modern Conditions

Viktor Yu. Bobylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

tihon1999@gmail.com

Abstract. The problem of transforming the world order, the transition from the policy of globalization of the world to the sovereignty of self-sufficient centers, Russia's efforts to prevent the absorption of the post-Soviet space and the transformation of the Russian Federation is urgent and debated. The pressure of the NATO bloc and the sanctions war, the loss of support in the strategic regions of the earth lead to the destruction of Russian statehood. The peak of the confrontation was determined in the 20s of the XXI century. Its results will be decisive for the system of international relations

Keywords: world order, sovereignty, transformation, domination, color revolutions, region, absorption, confrontation, limnology

For citation: Bobylev, V. Yu. (2022). The system of world order and its transformation under modern conditions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 18–25. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_18

ВВЕДЕНИЕ

Анализ процесса трансформации современной международной политической системы актуален как в теоретическом, так и в практическом уровне. Глобализм и регионализм, поглощение стран и их борьба за суверенитет, дезинтеграция и интеграция, западные политтехнологии и противостояние им, конфронтация и диалог, применение вооруженной силы и миротворчество – эти и другие сопредельные признаки характеризуют современные международные отношения. Международная политическая система меняется под воздействием следующих факторов: межгосударственных противоречий и конфликтов; вторжения в международную среду воли новых акторов; информационной, санкционной, гибридной войн; роста центров влияния и др. Противоборство между тенденцией к утверждению многополюсности и международным сотрудничеством, с одной стороны, и линией, ориентированной на насильственную однополярность, на доминирование коллективного Запада – с другой, нуждается в осмыслении.

Цель работы – поиск пути действий России для защиты своего суверенитета, формирования новой системы мироустройства.

УТВЕРЖДЕНИЕ КУРСА США НА ДОМИНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глобализация мира под эгидой англосаксонского центра, открыто проводившаяся до начала 20-х годов XXI века, и информационное маневрирование им породили феномен заданной политической трансформации желаемых территорий из центров силы. По мнению атлантических политтехнологов, эти территории определяются как узловые в наступлении на интересы стратегического противника. В узловых регионах в несостоявшихся государствах постоянно оформляются новые орбиты влияния, сплетения сил и интересов, пружины охвата геополитического противника. На данный исторический период сосредоточиваются наиболее чувствительные импульсы воздействия на оппонентов.

Развитие современного политтехнологического процесса свидетельствует о генезисе государств, повышения важности региона как одного из ключевых компонентов в системе современного мироустройства, повышении его значимости как элемента структурирования мирового порядка. Дестабилизация вновь созданных в XX веке государств, по мнению атлантических теоретиков, требует не только постоянной реакции оппонента на

защиту своего суверенитета, необходимых точек опоры для устойчивости самодостаточных центров, но возводит в ранг ответственности регионы, определяя их как жизненно важные территории. Напряженность международной обстановки выявляется как постоянно действующий фактор. Реальностью взаимоотношений акторов становятся взаимоизматывающие действия, следствием которых может быть экономическое истощение, военно-политические ошибки, саморазрушение, трансформация слабых с целью их поглощения.

Ясно, что особенно актуальным этот процесс стал после распада социалистической системы и, как следствие, появление постсоветского пространства, осязаемого бывшими советскими республиками только на националистической почве. Восточная Европа, Закавказье, Центральная Азия явились полигоном для аналитических центров Запада в реализации планов дальнейшего наступления на Россию.

Международная обстановка максимально способствовала этому процессу. С одной стороны, Российская Федерация в 90-е годы не только запуталась в своих либерально-демократических проектах, но фактически лишилась национального суверенитета, попав под влияние американских советников. По мнению З. Бжезинского, «Россия перестала быть ориентиром в развитии и центром силы, потеряла свою цивилизационную привлекательность, стала региональной державой» (прив. по: [Бжезинский, 2005]). С другой стороны, перед государствами, образовавшимися на постсоциалистическом и постсоветском пространстве, встали проблемы, которые им предстояло решать впервые. Это и испытания властью, и поиск новых источников силы в борьбе за выживание.

Победа в холодной войне сформировала ситуацию, когда США могли не считаться с поверженным противником. Стало возможно из одного центра властвования организовать мир, исходя из собственных интересов. В 90-е гг. началась война не только с конкретным противником, но и против существовавшего мирового порядка. «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» [Бжезинский, 2010, с. 127]. З. Бжезинский определил сущность переустройства мира на атлантических принципах. Чтобы страна не оказывала бы влияния на мир, ее просто не должно было быть. На территории России предстояло создать шесть-семь новых субъектов для более удобного вовлечения в систему атлантических ценностей. Наступала эра длительного международного главенства США. Америка переходила к прямому управлению Евразией.

ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В короткое время в стратегических центрах Запада были разработаны концепции покорения, охвата образовавшегося конгломерата стран, вовлечения их в свою орбиту. Насажение американской системы мировосприятия и интересов определяло стратегию действий. Творческой обработке подверглось понятие «прокси-война» – опосредованная война, которая ведется между двумя державами через третью сторону. Десятки конфликтов между странами на постсоциалистическом пространстве теперь столкнулись с откровенным насаждением интересов и негласным присутствием третьей страны (читай – США. – В. Б.). В разжигание этнических, социальных, религиозных, военных конфликтов всё чаще включались: отношение к системе атлантических ценностей; массированное информационное воздействие; переориентация управленцев территорий на новые центры влияния; зарубежные организации и частные военизированные структуры, число которых стало расти.

Наемники всегда камуфлировались под местный протестный элемент. По мнению Э. Мамфорда, частные военные компании стали определять не только политику национальной безопасности в странах Запада для использования чужих территорий, но всё более широко участвовать в реализации государственных дел [Mumford, 2013].

Новому осмыслению подверглись традиционные категории властвования, такие как: сила, методы принуждения, источники воздействия и управления, опосредованное участие, контроль и т. д. Им на смену пришли категории осмысления пространства и действий: трансформация, управление сознанием и формирование менталитета, факторы цивилизационной привлекательности, программные ориентиры, сетевые войны, кибератаки и т. д. Эффективно воздействовали на мир концепции «мягкой силы» и «умной силы», теория «управляемого хаоса», получившие широкое распространение в 90-е годы XX века и явившиеся концептуальной основой подготовки и проведения «цветных революций» в странах мира. В целях более успешного «впитывания» предлагаемых форм и системы ценностей применялись методы встрясок, шокового воздействия, раскручивания противоречий для формирования необходимого политического процесса на основе: воспроизводства и формирования системы обид в двухсторонних отношениях; подкупа элиты и стихийных лидеров; создания искусственного беспорядка, хаоса. Несмотря на желание региональных и государственных сообществ

ухватиться за технологические преимущества, которые можно было бы извлечь из мировых трендов и изменений, их адаптировали для привития необходимого на данной территории мышления и действий по управлению ею. Новые способы властвования утверждались и активно работали.

США – ДИКТАТОР СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Агрессивность США в достижении своих стратегических целей ярко выражена. Она исходит из того, что утверждающиеся сопредельные признаки развития мировой системы не меняют определяющую роль политики США – единственной сверхдержавы, претендующей на это место бессменно. Стратегия национальной безопасности, принятая в декабре 2017 г., по установлению мирового порядка констатирует, что «после победы свободных государств в холодной войне Америка превратилась в единственную супердержаву с огромными преимуществами и стимулами в мире...». Подчеркнуто, что «мы будем сохранять мир с позиции силы... будем вести конкурентную борьбу всеми инструментами... власти с тем, чтобы в регионах мира не было ни одной доминирующей силы... будем продвигать американское влияние, потому что мир, который поддерживает американские интересы и отражает наши ценности, делает Америку еще более безопасной и процветающей»¹.

Госсекретари США М. Олбрайт, К. Пауэлл, У. Бёрнс, Х. Клинтон, Дж. Керри, советники по национальной безопасности К. Райс, Ст. Хэдли, Р. О'Брайен, Дж. Болтон считали, что символы видения мира по-американски определили внешнюю политику, которая будет базироваться на почве национальных интересов, а не на интересах иллюзорного международного сообщества. В опусе К. Райс «Во имя национальных интересов. Жизнь после холодной войны» спроектирован сценарий обеспечения национальной и международной безопасности. «Прежде всего, американские вооруженные силы должны быть в состоянии... противостоять любой возникающей угрозе в Европе, в тех регионах, где на карту поставлены интересы не только США, но и наших ключевых союзников» (*Независимое военное обозрение*, 19.12.2000). Американское государство и общество, «полагаясь на свою превосходящую мощь, выступают в качестве бастиона международной стабильности... оказывают на окружающий мир... разноплановое воздействие, облегчаемое глобализацией, преодолевают

¹Стратегия Национальной безопасности США. URL: <https://avalon-law.ru/2018/10/15/2017-стратегия-национальной-безопасности/>

национально-территориальные барьеры и разрушают традиционный общественный порядок» [Бжезинский, 2010, с. 24]. Интеграция суверенных наций в англо-американскую однополярную империю стала главным занятием США и теперь представлялась делом решенным.

В такой обстановке единомыслие, встраиваемое в систему мировосприятия США, оказалось единственным способом существования для многих стран мира. С 1991 по 2017 год численность стран НАТО увеличилась вдвое (с 15 до 30). Агрессивность блока в отношении инакомыслия в различных мировых регионах достигла предела. В ответ на укрепление суверенитета РФ инфраструктура Североатлантического блока разместились у границ России. Ключевые территории соседей РФ стали территориями, генерирующими не только яркий национализм и этническую демократию (Эстония, Латвия), но и нацизм (Украина, Латвия).

Конфликт на Украине, начавшийся с 2004 года, когда усилиями Запада на пост президента был посажен В. Ющенко и страна была подчинена интересам США, сформировал понятие «анти-Россия». Конфликт имел несколько этапов развития и вступил в принципиально иную фазу с февраля 2022 года, когда РФ перешла к активной обороне. По мнению президента ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера, украинский конфликт «стал эпохальным сломом, разрывом со многим, что считалось самим собой разумеющимся» в мировой политике и западном образе мышления (*Правда*, 08.05.2022). Безраздельное господство атлантического сообщества ныне поставлено под сомнение, испытывается на прочность. Это вызывает негодование Запада, которому брошен вызов в реализации новых, открыто экспансионистских планов поглощения государств и территорий. Г. Киссинджер в мае 2022 г. в интервью журналу «Financial Times» отметил, что враждебность других стран вынудит американскую сторону прибегнуть к политике смены режимов в авторитарных странах. Он указал, что США должны избегать создания подобной геополитической обстановки своими действиями, т. е. действовать упреждающе (*РБК*, 10.05.2022).

Заметим, что Североамериканские штаты с момента выхода на международную арену практически всегда действовали подобным образом. Практикой их внешнеполитического курса явилась политика / идеология «большой дубинки», пришедшая на смену Доктрины Монро. На рубеже XIX и XX вв. США начали открыто вмешиваться во внутренние дела неугодных государств, стратегически важных территорий, смене политических лидеров и режимов. «Подобная роль отвечала поведению становившейся традиционной американской

политики, направленной на предотвращение господства какой-либо одной страны в Европе либо в Азии» [Хантингтон, 2011, с. 369]. Только во второй половине XX века США более 80 раз организовывали успешные или неудачные перевороты в странах мира. Исследование У. Блума «Убийство надежды: интервенции американских военных и ЦРУ после Второй мировой войны» [Blum, 1995] раскрывает этот процесс. Любое государство мира, отстаивающее свои национальные интересы, объявлялось врагом. В отношении него предпринимались комплексные меры воздействия: информационная, ментальная, санкционная и иные виды войн. Конструктор теории расширения НАТО на Восток З. Бжезинский не стеснялся подчеркивать, что США борются с Россией, как бы она ни называлась [Бжезинский, 2005]. Подобный цинизм стал нормой. Данная мысль детализировалась. Так, кандидат на президентских выборах от Республиканской партии США 2012 г. М. Ромни не раз заявлял, что Россия для него – это «дестабилизирующая сила», которую необходимо обуздать, а Путин – это «тиран» и «угроза глобальной безопасности»¹. Российское государство, встав на путь суверенитета и национальной независимости, оказалось перед выбором борьбы за выживание.

История показывает, что не все американские перевороты проходят успешно. Но хаос и разруха, которые они порождают, становятся практикой десятков народов, их переживших. Военное вмешательство РФ на Украину не стояло в планах российского руководства до «цветного» госпереворота 2014 г. и отказа Киева от урегулирования конфликта на Донбассе. Однако атлантический курс развития, сформировавшийся на Украине, не оставил иного выбора. Выправить ситуацию мирными действиями оказалось невозможно. Это объясняется тем, что влияние России на украинское государство, одно из ключевых во внешней политике страны в «ближнем зарубежье», более чем за 30 лет не сформировалось. Упование на вековое братство и родство народов, пропагандируемое по инерции, усилиями атлантического сообщества привело к краху. Украина объявила о намерении вступления в НАТО. Подготовленные США госперевороты и атмосфера ненависти к России на Украине были хорошо продуманны, а Россия декларировала о невмешательстве во внутренние дела других стран. В США предвидели, что РФ будет загнана в тупик и рассчитывали на это. В отчете Комиссии по национальной безопасности Конгресса США

¹Митт Ромни назвал Владимира Путина «тираном» и «угрозой глобальной безопасности». https://pikabu.ru/story/mitt_romni_nazval_vladimira_putina_tiranom_i_ugrozoy_globalnoy_bezopasnosti_422742

в разделе «Новый мир грядет: американская безопасность в XXI веке» сказано: «мы должны ожидать конфликтов, в которых противники из-за культурной близости, отличной от нашей, будут прибегать к формам и уровням насилия, шокирующим наши чувства»¹. Таким образом, заранее спланированные действия по «цивилизационному» отторжению исторических территорий РФ были в планах американских аналитиков, а возможные противодействия, противоречащие интересам Америки, в других странах мира вызывают негодование, шок, воинственные выпады. Глава МИД РФ Сергей Лавров в интервью RT «Arabic» 26 мая 2012 г. заявил: «Наглый диктат со стороны представителей стран “англосаксонского альянса” не знает пределов. Тем не менее партнеры РФ в странах Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки не хотят поступаться своими национальными интересами» (ТАСС, 26.05.2022). Это означает, что в мире есть понимание позиции России в противостоянии атлантическому сообществу, и противодействие американской агрессии будет нарастать.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПУТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Отношения России с объединенным Западом в современных условиях практически по всем направлениям сведены к нулю. Запущенный Западом процесс развала глобальной архитектуры безопасности и международно-правовой системы привел к небывалому росту напряженности в мире. Интервенция НАТО на территорию Украины и ее раздел становятся реальными. Отстаивая национальную безопасность на сопредельных территориях, специальная военная операция РФ сорвала планы атлантического сообщества в его дальнейшем наступлении, способствуя защите территориальной целостности государства.

Возникает вопрос: если практика внутренней дестабилизации и «переформатирование» государств по американским лекалам является фактом, переустройство мировой политической системы происходит уже более 30 лет, предполагает ли это трансформацию ключевых территорий и государств в будущем? Несомненно, что это так. Трансформация мира, начатая развалом мировой социалистической системы и СССР, продолжается.

РФ избрала наступательную позицию для защиты национального суверенитета, обеспечения

устойчивости страны в окружающем мире. Новая тактика вносит коррективы в систему традиционного восприятия политической лимологии, практики воззрения на систему границ, утвержденных на конкретный исторический период международных договорами. Антироссийские политические процессы, развивающиеся на Украине более 30 лет, не могли остановиться на демаркационной линии. Они влияют на политику ЕС и внутривнутриполитическую ситуацию в нашей стране. Известно, что границы не представляют собой фиксированную линию в пространстве и времени. Они символизируют практику пространственной дифференциации. Вся история Европы – это история изменения границ. Главные переделы происходят, когда меняется полярность в мире. Быть единым центром силы вечно, не удавалось ни одному государству. Трансформация мира под воздействием США и НАТО была направлена на разрушение границ. Действия украинского государства, управляемые из США, напрямую затрагивающие европейскую территорию РФ, подвергли ее военной опасности, ставя вопрос физического выживания. Исходя из этого, России пришлось начать денацификацию территории Украины, опираясь на представления о незыблемости исторического пространства Руси, волюнтаристски трансформированного в XX веке. В обращении Президента России В. Путина к гражданам страны 21 февраля 2022 г. украинское государство было названо «искусственным образованием коммунистической эпохи». «При этом советская власть, формируя территорию Украинской ССР, присоединяла к ней русские земли и признала за союзными республиками права суверенных государств, что предопределило распад страны» (*Российская газета*, № 8689, 2022).

Процесса распада, в сформировавшийся при социализме территориях Украины, могло не быть при оформлении миролюбивой политики по отношению к РФ, единства экономического и политического пространства двух стран. Однако усилия США и атлантического сообщества привели к обратному результату.

Развитие ситуации на Украине в период 2004–2022 гг. высветили для США и РФ новые приоритеты: цивилизационного пространства Руси, военнополитической безопасности, незащищенности границ РФ от инфраструктуры НАТО. США определили наиболее уязвимое место в наступлении на стратегического противника. Специальная военная операция на Украине – это толчок к сдвигу больших тектонических процессов в мировой политике, способ самозащиты для РФ, включение в систему международных отношений (МО) новых лидеров и центров. США по-прежнему хотят

¹U.S. Commission on National Security / 21st Century. https://en.wikipedia.org/wiki/U.S._Commission_on_National_Security/21st_Century

полного подчинения себе других стран и используют для этого все способы. Для России и Китая новое мироустройство связано с многополярностью, т. е. наличием нескольких мощных макрогосударств, которые создают свою область влияния. При этом ориентация других государств на взаимодействие с определяющим центром, будет строиться на совместных интересах, партнерстве. На первом этапе формирования новой системы МО будет идти процесс поглощения слабых юридических акторов. Он закономерен. Центры силы определяются, защищают свой суверенитет и цивилизационную самодостаточность. Затем по логике развития должен наступить период устойчивости во взаимоотношениях центров влияния.

Переустройство мирового порядка всегда приводило к изменению границ. В XX веке глобальное изменение границ проходило трижды: после Первой и Второй мировых войн, распада социалистического лагеря и СССР, к которому привела гибридная война, которая ныне только усилилась. В начавшемся открытом противостоянии с объединенным Западом вопрос будет решен радикально: если победит США, под раздел попадет Россия. Если Россия выстоит, передел коснется Европы. Границы в целях обеспечения безопасности сторон, возможно изменятся. Америка тоже не останется без изменений. Сложные внутренние процессы приведут к ним. Радикальная трансформация мира только началась. В 2022 г. был запущен механизм по окончательному изменению миропорядка. Ситуация не закончится возвратом на старые позиции.

НАСТУПЛЕНИЕ НА РОССИЮ – ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ МОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX–XXI ВВ.

Факторы трансформации международных отношений в XX в. были связаны именно с Россией. Возрождение РФ как самодостаточного центра не входило в планы США. Прессинг англосаксонской цивилизации на РФ явился базовой основой формирования платформы нового мировосприятия и системы международных отношений в XXI в., нового качества мира в глобальном раскладе сил.

Атлантическое сообщество привыкло играть по своим правилам и не думает о смене политики в отношении оппонентов. Это подтвердил «саммит демократий» – форум стран, собранных США в декабре 2021 г., на котором произошло концептуальное разделение мира на тех, кто идет фарватере американской глобализации, и остальных, от которых Америка требует встроиться в систему своих ценностей.

В Европе практическое разделение государств оформилось. В Азии и на остальных континентах этот процесс завершится в ближайшей перспективе. Поляризация и разделение мира продолжается на фоне фронтального санкционного и военного наступления атлантической цивилизации.

Россия в целях обеспечения реального суверенитета не может не думать о политике реформ. Предлагаются различные модели обеспечения жизнестойкости страны. В качестве одной из них специальный представитель Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития Дм. Песков предложил сценарий «островизации». Предполагается создание мировых, автономных технико-экономических блоков, т. е. самодостаточных центров развития, на что и направлены действия современной России. В ближайшее время должна произойти перезагрузка глобальных технологических рынков, национализация техстандартов, локализация производства критических товаров, т. е. страны будут производить всё жизненно необходимое продовольствие и оборудование на своей территории. Ныне акцент в товарно-денежных отношениях смещается в сторону товара, замкнутых производственных циклов, где ключевые предприятия не будут зависеть от поставок извне. Доминирование доллара уходит. Технологический суверенитет станет частью сценария построения собственного «острова», на котором самодостаточный центр будет способен принимать решения и отвечать за них. Дм. Песков указал: «Это главная история на ближайшие десять лет для нас, а еще для таких стран, как США, Китай, возможно для Индии» (РБК, 09.06.2022). Данная точка зрения заслуживает внимания.

Можно считать, что результатом перехода к постглобалистскому периоду станет формирование нескольких мировых финансовых систем: долларовой, евро, юаневой, рублевой, и еще 2–3. Сейчас США работают над тем, чтобы не допустить подобных планов, занимаются сплочением стран на антирусской платформе, созданием замкнутой системы внутри «саммита демократий», которая будет включать: поставку энергоресурсов; развитие ключевых компетенций; производство высокотехнологических товаров. ЕС вовлечена в этот процесс. Остальные игроки, за исключением Китая, находятся в состоянии выбора. России следует наращивать информационное разъяснение подобных действий, но главное развивать экономическую самодостаточность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика «островизации» в реформировании страны, если она станет государственной стратегией РФ, будет учитывать «пребывание острова

в океане бурь», наличие защитных пограничных территорий для возможного отражения агрессии иных «островов». Американская мощь по-прежнему не имеет себе равных. Действия США направлены на то, чтобы избежать потери власти над планетой. Укрепляется мощь Китая, который выжидает, чтобы заявить о себе. ЕС, Британия не сбрасывают своих глобалистских претензий. Теория пространственного фактора, обусловленная цивилизационно-исторической, военно-политической ситуацией, должна получить в новых условиях комплексное развитие. В будущей системе мироустройства самодостаточный промышленно-технологический остров должен обустроить такие границы, которые воспринимались бы как контактные пункты соприкосновения для общих территориальных структур взаимодействия. Если данная теория будет осуществлена, то применительно к России возникнет защитный механизм развития. Этот механизм не может быть выстроен без решения проблем Балто-Понтийского пояса, погашения агрессии стран Прибалтики, интернационального устройства территории Казахстана. Однако главным условием является поступательное успешное развитие РФ, умелое противостояние атлантической цивилизации. Противодействие со стороны США не исчезнет.

Предполагается, что:

- напряженность международной обстановки ныне выявляется как постоянно действующий фактор;
- мир вступил в эпоху стратегического передела. Система МО, построенная на превосходстве

западной цивилизации, претерпевает изменения, подходит к концу;

- текущий период международных отношений характеризуется выявлением новых центров силы, заявляющих о своих правах;

- ситуация на Украине привела к окончательному слому старого миропорядка. На смену ему идет новый, связанный с переустройством системы границ, формированием структуры безопасности государств – центров силы;

- при отсутствии глобального внутреннего кризиса США будут оставаться одним из лидеров международной системы в течение всего XXI века;

- доктрины и практики реформирования мирового пространства развиваются и направлены на совершенствование, опираясь на информационно-цивилизационный и культурологический потенциал наций;

- усилятся все виды интеграционных и гибридных войн: ментальные, когнитивные, мировоззренческие и др., направленных на изменение человека, цивилизационной основы общества противника;

- Россия будет испытывать прессинг объединенного Запада. Страна выстоит только в условиях реформ, направленных на укрепление экономики на базе новейшего технологического цикла и внутренней самодостаточности;

- российское общество должно быть сохранено от потрясений. Это сохранит совершенствующуюся государственность страны.

При иных условиях глобальная конфронтация неизбежна. Мир вступил в эпоху перемен, последствия которых должны быть только позитивными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. О. Ю. Уральской. М. : Международные отношения, 2005.
2. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобыкова. М. : Международные отношения, 2010.
3. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press, 2013.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Валимеева. М. : АСТ: Астрель, 2011.
5. Blum Y. Killing Hope: U.S. Military and CIA Interventions Since World War II. Monroe, ME: Common Courage Press, 1995.

REFERENCES

1. Brzezinski, Z. (2005). The great chessboard. The Dominance of America and its Geostrategic imperatives, transl. from English by O. Yu. Uralskaya. Moscow: International Relations. (In Russ.)
2. Brzezinski, Z. (2010). Choice. World domination or global leadership, transl. from English by E. A. Narochnitskaya, Yu. N. Kobayakova. Moscow: International Relations. (In Russ.)
3. Mumford, A. (2013). Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press.
4. Huntington, S. (2011). Clash of Civilizations, transl. from English by T. Valimeeva. Moscow: AST : Astrel. (In Russ.)

5. Blum, Y. (1995). Killing Hope: U.S. Military and CIA Interventions Since World War II. Monroe, ME: Common Courage Press, 1995.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобылев Виктор Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института Международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bobylev Viktor Yur'evich

PhD (History), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.09.2022
одобрена после рецензирования 19.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 10.09.2022
approved after reviewing 19.09.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 329.14 (430)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_26

Курдский вопрос в Ираке, его теоретические и практические аспекты в свете понятия «failed state» («несостоявшееся государство»)

М. Э. Дюрре

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ikbal@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие «failed state» («несостоявшееся государство») с учетом особенностей историко-политического развития некоторых стран (речь идет о современных Сирии и Ираке). Делается вывод о том, что «несостоявшееся государство» является исключительно теоретической дефиницией политологии. Метод исследования контент-анализ медиа и теоретических разработок по проблеме «несостоявшихся государств».

Ключевые слова: «несостоявшееся государство», Ближний Восток, Сирия, Ирак, Курдистан

Для цитирования: Дюрре М. Э. Курдский вопрос в Ираке, его теоретические и практические аспекты в свете понятия «failed state» («несостоявшееся государство») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 26–33. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_26

Original article

The Kurdish Question in Iraq, Its Theoretical and Practical Aspects in the Light of the Concept of “Failed State”

Mehmet Emin Durre

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ikbal@mail.ru

Abstract: The article analyzes the concept of “failed state” taking into account the peculiarities of the historical and political development of some countries (we are talking about modern Syria and Iraq). It is concluded that the “failed state” is an exclusively theoretical definition of political science. Method of research content-analysis of media and theoretical developments on the problem of “failed states”.

Keywords: “failed state”, Middle East, Syria, Iraq, Kurdistan

For citation: Durre, M. E. (2022). The Kurdish question in Iraq, its theoretical and practical aspects in the light of the concept of “failed state”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences,

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня обострились все без исключения имеющиеся международные проблемы, и новую актуальность приобрел вопрос самоопределения курдов. В дискуссиях по этому вопросу «красной нитью» часто проходит мысль о том, что курды неизбежно обретут независимость. В частности, потому, что два из четырех государств, между которыми разделен исторический Курдистан (Сирия и Ирак), являются так называемыми несостоявшимися государствами.

Однако проблема применения к этим странам понятия «несостоявшееся государство» (как и сам этот термин) достаточно неоднозначно, для того чтобы использовать его в сфере практической политики. Это может повлечь за собой реальные негативные последствия и для ситуации вокруг курдов.

В данной статье мы подробно разбираем понятие «failed state» («несостоявшееся государство») и обоснованность его применения к нынешней ситуации в Ираке и Сирии.

«FAILED STATE» («НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО»): ПОЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНА И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Термин «несостоявшееся государство» достаточно новый, он появился в научном обиходе тридцать с небольшим лет назад в работе американских политологов Джеральда Хельмана и Стивена Ратнера «Спаси несостоявшиеся государства» (*Saving failed states*) и затем упоминался во многих последующих работах этих авторов (*Foreign Policy*, 15.06.2010)¹. Однако четкого определения этого термина авторы не дали, ограничившись лишь общим – «группа государств, выживание которых находится под угрозой»². Первую попытку дать четкое определение «несостоявшегося государства» предпринял профессор Цюрихского университета Даниэль Тюрер в статье «Несостоявшееся государство и международное право», опубликованной в 1999 г. (*International Committee of the Red Cross*, 31.12.1999)³. Автор указывает, что термин «несостоявшееся» состояние не служит для широкого обозначения явления, которое

можно интерпретировать по-разному. У этого термина есть три аспекта.

Во-первых, географический и территориальный аспект, а именно – тот факт, что «несостоявшиеся государства», по сути, связаны со своими внутренними и эндогенными проблемами – взрыв структур власти, дезинтеграция и разрушение государства, без влияния извне.

Во-вторых, есть политический аспект. Акцент в нем делается на полном или почти полном разрушении структур, гарантирующих правопорядок, а не на фрагментации государственной власти, наблюдаемой в гражданских войнах.

В-третьих, существует функциональный аспект, а именно отсутствие органов, способных, с одной стороны, представлять государство на международном уровне, а с другой – подвергаться влиянию внешнего мира.

С юридической точки зрения можно было бы сказать, что «несостоявшееся государство» – это государство, которое, хотя и сохранило правоспособность, для всех практических целей в то же время утратило способность его осуществлять. По мнению Тюрера, существующие в настоящее время «несостоявшиеся государства» – это, прежде всего, страны «третьего мира», на которые повлияли следующие исторические и геополитические факторы: окончание холодной войны, во время которой две сверхдержавы часто искусственно удерживали у власти, не имеющие прочной основы в обществе режимы, сохраняя их в качестве потенциальных союзников; наследие колониальных режимов, которые просуществовали достаточно долго, чтобы разрушить традиционные социальные структуры, но недостаточно долго, чтобы заменить их структурами западного образца; и, наконец, общие процессы модернизации, поощрявшие социальную и географическую мобильность, но не уравновешенные процессами национального строительства.

Одним из главных критериев «несостоявшегося государства», по мнению швейцарского ученого, является распад (или нахождение в процессе этого распада) государственных структур, прежде всего, тех, что отвечают за правопорядок (*International Committee of the Red Cross*, 31.12.1999).

Германский политолог Ульрих Шнеккер в 2003 г. более детально разработал концепт «несостоявшегося государства». Он предложил понятие «непрочное государство», обозначающее страну, «государственные структуры которой... утратили или не обрели способность управления в главных сферах своей компетенции» (цит. по: [Подвинцев 2007, с. 204–205]), к которым относятся:

¹URL: <https://foreignpolicy.com/2010/06/15/saving-failed-states/>

²Зд. и далее перевод наш. – М. Д.

³URL: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/article/other/57jq6u.htm>

– контроль государства над его территорией, через государственную монополию на применение силы. Сигналом полной или частичной утраты такой компетенции могут служить отсутствие контроля над всей или большей частью территории страны;

– низкий уровень государственных услуг в различных областях, а также далекие от справедливых или хотя бы обеспечивающих стабильность механизмы распределения экономических ресурсов.

В политическом устройстве индикаторами утраты компетенции государства является усиление авторитарных или олигархических структур принятия решений, репрессии против политической оппозиции, фальсификация результатов выборов, периодическое исключение различных общественных групп.

Распад государственности, по мнению Шнекера, это динамичный, продолжительный, а отнюдь не одномоментный процесс. В нем можно отметить три стадии – «слабое государство», государство, не справляющиеся со своими функциями, деградирующие (*failing state*) и, собственно, «несостоявшееся государство» (*failed state*) (цит по: [Подвинцев, 2007]). Практическая проблема международного уровня, связанная с определением «несостоявшегося государства», заключается в том, что эту дефиницию, сугубо теоретико-политологическую, а отнюдь не международно-правовую, пытаются использовать в качестве элемента проведения международной политики. Речь здесь, прежде всего, о США и глобалистских внешнеполитических амбициях этой страны.

Так, уже в 2006 г. в «Стратегии национальной безопасности США» «несостоявшиеся государства» обозначены как фактор развития терроризма и угроза национальной безопасности США. Считается, что на основании подобных заключений США в свое время приняли решение о вторжении в Ирак и Афганистан.

Характерно, что во второй декаде к понятию «несостоявшееся государство» политологи обратились как к инструменту идентификации. Так, в докладе американского Центра оперативного анализа и исследований (SOAR), написанном в 2020 г., утверждалось, что Сирия на тот момент была «несостоявшимся государством», хотя все реалии ситуации в этой стране указывали на обратное.

Также в статье «Iraq as a “failed state”» американского политолога Энтони Кордсмана, опубликованной Центром международных стратегических исследований (*Center of Strategic and International Studies*, 12.11.2019)¹, указывалось на

кризисные явления в политике и экономике этой страны, которые, как оказалось, в последующие годы при всей своей драматичности не привели к ее коллапсу.

В статье 2021 г. под несколько ироничным названием «Почему “несостоявшиеся государства” так и не состоялись» германский политолог Эберхард Кинле указывает на то, что страны Ближнего Востока и Северной Африки имеют серьезное «противоядие» от возможного фатального конца. Это – сильные авторитарные режимы, несмотря на всю их «специфику», политической культуры, всё же имеющие реальную поддержку в обществе более сильных стран и держав. Например, Сирию поддерживают Россия и Иран (*SciencesPo*, 2021, October)².

На наш взгляд, возможно оперирование понятием «несостоявшееся государство» только как экспертно-политологическим. Оно неприменимо как инструмент международной практики. По-своему лингвистическому содержанию оно, как представляется, обозначает фатальный крах страны с невозможностью восстановления. Между тем в подобной ситуации оказались лишь «социалистические», многонациональные государства – СССР, и то в уникальный и беспрецедентный момент краха глобального противостояния «социализма» и «капитализма».

Наиболее четко и полно можно определить «несостоятельность» государства по коллапсу его политико-правовой системы. Однако ни это, ни другие обстоятельства не делают положение фатальным, этот процесс всегда обратим. В действие вступают факторы геополитического и геоэкономического плана, а также особенности конкретной страны и ее народа. Рассмотрим это на примере положения Сирии и Ливана, в контексте курдского вопроса в этих странах.

СИРИЯ И ИРАК – СТРАНЫ С ПРИЗНАКАМИ «НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА»

Из четырех стран, между которыми сегодня оказался разделенным «исторический Курдистан», две – Сирия и Ирак – в настоящий момент демонстрируют признаки «*failed state*». Однако более подробный анализ истории этих стран и их нынешнего политического положения подтверждает точку зрения тех, кто считает «несостоявшееся государство» экспертно-политологической дефиницией, а не практическим инструментом, предполагающим конкретные действия в отношении стран, оказавшихся в состоянии ослабления государственности. Сирия и Ирак демонстрируют, что процесс эволюции к «несостоявшемуся государству»

¹URL: <https://www.csis.org/analysis/iraq-failed-state/>

²URL: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-0343>

в значительной мере обратим и зависит не только от объективных предпосылок социально-экономического и политико-правового характера, но и конкретной ситуации страны.

Сирия и Ирак, как независимые государства, возникли после Первой мировой войны на развалинах Османской империи в рамках положенной в основу послевоенного мироустройства системы договоренностей, получившей название системы «Сайкс-Пико», названной по именам ее авторов и подписантов со стороны тогдашних Великобритании и Франции. Смысл применения этой системы на Ближнем Востоке заключался в том, чтобы разделить его по этногеографическому принципу на государства, возглавляемые представителями арабской элиты. Подводные камни такого положения вещей заключались в том, что арабская политическая элита всячески зажимала гуманитарные и политические права неарабов. При этом политическая культура арабской элиты была и остается достаточно далекой от того, что понимается под этим термином на Западе. Борьба за власть и ее реализация в арабском мире часто основывается на авторитаризме отдельной личности, опирающейся на силовые структуры, и сопровождается межклановыми противоречиями.

Всё это имело место в новейшей истории, как в Сирии, так и в Ираке, в двух «новых» арабских государствах со значительным курдским населением. Независимость от Османов, провозглашение монархий (в Сирии она продержалась совсем недолго, в Ираке – до 1958 г.), установление иностранных протекторатов, череда военных переворотов. Историческая практика этих государств продемонстрировала, что наиболее подходящей формой политического режима, обеспечивающего внутреннюю стабильность в этих странах – это режим сильной исполнительной власти, с ярко выраженными чертами авторитаризма. Важным моментом является также постоянная и систематическая поддержка этих режимов извне. Как в случае авторитарного «баасистского» режима в Сирии, так и идеологически родственного ему режима Саддама в Ираке, важную, и в чем-то ключевую роль играл союз с СССР, а затем с РФ. Благодаря этому союзу в наши дни удалось предотвратить захват власти радикальными исламистами.

Конечно, остается еще не до конца решенным вопрос о самоопределении курдов, проживающих в Сирии. Однако сам факт существования курдской автономной администрации в стране и есть, очевидно, бóльший шанс для конструктивного решения этого вопроса сегодня в условиях сирийского политического расклада, чем при гипотетическом приходе к власти арабских национал-исламистов.

Иная ситуация сложилась в Ираке. В конце 80–90-х годов режим Саддама Хусейна стал жесткой диктатурой. Власть целиком оказалась сосредоточенной в руках суннитской военно-политической верхушки, осуществлявшей политику угнетения по отношению к своим соплеменникам арабам-шиитам, составляющим в стране численное большинство. А по отношению к этноконфессиональным меньшинствам проводилась политика насильственной арабизации.

Речь идет, прежде всего, об отношении к курдам. В 1987–1989 гг. багдадским режимом была осуществлена с применением химического оружия так называемая операция «Анфаль», в ходе которой погибли или пропали без вести 182 тыс. иракских курдов, 700 тыс. представителей этой национальности были помещены в концентрационные лагеря, а еще 1 млн курдов стали беженцами [Кочои, 2003].

Саддамовский режим также продолжал воинственную внешнюю политику, становясь всё более очевидной угрозой миру в регионе. Поэтому в 2003 г., в результате интервенции вооруженных сил США и стран НАТО, Саддам был свергнут и перед страной открылась перспектива самостоятельного демократического развития. Правда, на начальном этапе оно осуществлялось под прямым патронажем США.

Однако на этом пути довольно скоро была допущена принципиальная системная ошибка, которая в дальнейшем и обусловила опасную эволюцию Ирака к состоянию «failed state». Речь идет о принятии в 2005 году новой Конституции Ирака как федеративного демократического государства. Она (очевидно не без влияния и рекомендации западных союзников) была создана по модели европейских «парламентских республик», некритично и механически перенесенной на иракскую почву. Так, согласно ст. 58 Конституции высшим органом власти в стране является «совет Представителей» (парламент), который избирает президента, имеющего по преимуществу церемониальные полномочия, назначает главу правительства и министров, ведает всеми остальными ключевыми вопросами государственной жизни. А глава правительства является командующим вооруженными силами¹. Такое наделение парламента полнотой всей политической власти в стране произошло и происходит в условиях, когда политической элитой в новом Ираке стали шииты, оттеснив ранее правящих суннитов-баасистов. При этом партии всех этнополитических групп в Ираке очень сильно фрагментированы.

¹Конституция Ирака // Конституции государств (стран) мира, 2011, 14 октября. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338>

Таким образом, между группами внутри шиитов, суннитов и курдов существуют достаточно острые и серьезные разногласия, идет постоянная борьба. Такое положение дел за последние полтора десятилетия негативно сказывается на функционировании государственного механизма, тормозит его возможности по принятию необходимых законодательных актов. В результате в стране сложился драматичный правовой вакуум, когда из непринятия новых законов в Ираке продолжают действовать акты саддамовских и иных времен, неприменимые к нынешней иракской ситуации, текущему управлению страной и оказанию государственных услуг. Это вызвало общественное недовольство в стране. Многие политические партии и альянсы имеют собственные вооруженные формирования, подчиненные исключительно им, а не государству, что создает реальный риск вооруженного внутривластного конфликта. Понятно, что в таких условиях вся политика сводится практически к организации предвыборных кампаний, выборов и последующему часто очень затянутому во времени делению государственных постов и должностей. И это один из главных показателей того, что Ирак находится на грани положения «failed state».

Это проиллюстрировали последние внеочередные парламентские выборы, прошедшие в Ираке в октябре минувшего года. Выборы прошли при довольно низкой активности избирателей (приблизительно 41 %). Как и на предыдущих выборах, победу одержал блок «Сайирун» во главе с радикальным шиитским имамом и военно-политическим лидером Муктадой ас-Садром, последовательным иракским националистом. Его блок получил 73 из 329 парламентских мест. На второе место прошла суннитская коалиция «Таккадум» (Прогресс) во главе с экс-председателем парламента страны Мухаммадом аль-Халбуси, обеспечив себе 41 мандат. Далее следует блок светских шиитских партий «Правовое государство» во главе с экс-премьером Нури аль-Малики. А на четвертом месте оказалась правящая в курдской автономии Ирака Демократическая партия Курдистана. Сокрушительное поражение получили проиранские шиитские политические силы, в той или иной мере связанные с вооруженным ополчением «Хашд аш-Шааби». Но при этом никто из победителей не смог создать «решающего большинства», и сейчас идет активная борьба за мелкие партии, а также независимых кандидатов, которых в парламенте нового созыва оказалось достаточно большое количество (*Независимая газета*, 13.10.2021).

Однако до настоящего времени в Ираке не избран президент и не сформировано правительство. Законодательная и исполнительная власть

действует в прежнем составе и в статусе «исполняющей обязанности», что резко ограничивает ее возможности для принятия столь необходимых для Ирака политических и экономических решений.

Свое влияние оказывает на ситуацию и внешнеполитическое положение Ирака. После 2005 г. эта страна стала объектом международной конкуренции за влияние между Ираном и США, являющимися принципиальными антагонистами на мировой арене. Ирак – одно из двух арабских государств с шиитским большинством населения (еще одно – крошечное королевство Бахрейн в Персидском заливе), который значим с геополитической и геоэкономической точек зрения. Шиитский Иран на основании вероисповедальной близости стремится влиять на внутреннюю и внешнюю политику Ирака, в своем внешнеполитическом «идеале» планируя сделать его «марионеточным» государством. Надо сказать, что это принимается далеко не всеми политическими кругами Багдада, что создает дополнительные трудности для реализации государственной независимой политики.

В сегодняшнем Ираке налицо все признаки курса на очень вероятное попадание в категорию «failed state». Сегодня автономный регион Курдистан после референдума о независимости 25 сентября 2017 г. взял стратегический курс на достижение этой цели. Но в условиях потенциального failed state иракские курды сталкиваются с серьезными проблемами на этом пути.

«КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА» В СВЕТЕ ПОНЯТИЯ «FAILED STATE» («НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА»)

В течение всего прошлого столетия курдский народ вел борьбу за национальное самоопределение и освобождение и Иракский (Южный) Курдистан не был исключением. После длительного восстания и сопротивления (1961–1975) между Багдадом и курдами под руководством тогдашнего лидера ДПК Мустафы Барзани в 1970 г. был подписан договор, предполагавший создание курдской автономии со столицей в Киркуке. Однако в 1974 г. Багдад принял односторонний закон о курдской автономии, который лидер Барзани назвал «бумажным». Хотя в нем вводилось использование курдского языка на территориях проживания курдов, создание их собственных исполнительного и законодательного советов, но одновременно предусматривались механизмы тотального контроля за их деятельностью со стороны Багдада. Кроме того, за пределами границ автономии в итоге остались нефтеносная провинция Киркук и населенный

езидами Синджар (Шингал), где шла активная принудительная арабизация. Курдское сопротивление возобновилось и фактически продолжалось вплоть до свержения Саддама Хуссейна.

Рубежной датой для курдов Ирака стала весна 1991 г. В марте, воспользовавшись поражением Саддама в войне в Персидском заливе, все оппозиционные режиму силы, в том числе и курды, начали общенациональное восстание. К концу марта курдские повстанцы уже контролировали весь этнический Курдистан. Однако баасисты, заключив мир с союзниками, бросили отборные силы своих войск на курдов. Опасаясь новой волны геноцида, курды двинулись к границам Ирана и Турции. Опасаясь гуманитарной катастрофы, СБ ООН принимает 5 апреля 1991 г. Резолюцию, объявляющую территорию в Ираке к северу от 36 параллели (это все курдские земли) «зоной безопасности» с бесполетным режимом. К осени иракские силы полностью оставили этот район, и на его территории возникло государственное образование «Свободный Курдистан» под протекторатом ООН. В мае–июне 1992 г. был создан региональный парламент и сформировано правительство. Власть в регионе оказалась поделенной между двумя крупнейшими политическими силами Иракского Курдистана – Демократической партией и Рабочей партией Курдистана. Отношения между ними неоднозначны и проблемны, а в 90-х гг. они дошли до вооруженного гражданского противостояния. Тогда же был разработан план вхождения Курдистана в будущее демократическое федеративное иракское государство с особым статусом национальной автономии и даже с конституционным правом выхода из него.

В 2005 г. с принятием Иракской Конституции Курдистан вошел в состав нового федеративного и демократического Ирака на основании того статуса, который де-факто сформировался в регионе, начиная с 1992 г., т. е. с собственными парламентом и правительством, вооруженными силами – «пешмерга», курдским официальным языком и отдельной правовой системой.

Иногда приходится встречать утверждения, что будто бы нынешняя Конституция Ирака предусматривает особый статус для курдской автономии как национальной автономии, в том числе и с правом выхода из федерации. Это не совсем так. Курдский, наряду с арабским, признан официальным языком Ирака, и это является правовым индикатором особого положения курдов как национальной группы в иракском обществе. Но одновременно в Конституции записано, что Курдистан не обладает правами и статусом иракского «федерального региона», объединяющего несколько провинций. Кроме того, в курдскую автономию Ирака так и не вошли

провинции Киркук, Найнава и Дияла, оставшись так называемыми спорными территориями. Их судьбу предполагалось решить еще на референдуме, запланированном на 2007 г., но он так и не состоялся.

После этого руководство региона взяло перспективный курс на полную государственную независимость от Ирака, кульминацией которого стал референдум 25 сентября 2017 г. Тогда 92 % жителей региона высказались за независимость Башура (национальное название Иракского Курдистана). Хотя этот референдум не имел юридического значения и последствий, он был негативно воспринят как Багдадом, так и соседними странами. Курдам дали понять, что они опасаются изменения статуса государственности Курдистана в сторону его повышения.

Таким образом, процесс дальнейшего самоопределения иракских курдов оказался в ситуации, когда на него влияют, разумеется негативно, факторы, существующие в современном Ираке как государстве, находящемся на грани положения failed state. С другой стороны, в самом Курдистане существуют факторы и обстоятельства, которые при возможном обретении им независимости, могут подтолкнуть его к уровню «несостоявшегося государства».

К общеиракским факторам относятся следующие:

- отсутствие на данный момент действующего и, главное, дееспособного правительства, с которым следует вести дальнейшие переговоры, ныне фактически остановленные;

- при нынешнем положении вещей все денежно-финансовые потоки Курдистана и механизмы инвестирования в него пока что замыкаются на Багдаде и федеральной банковской системе Ирака. Это демонстрирует, с одной стороны, неспособность Багдада должным образом осуществлять финансовое обеспечение Курдистана. С другой – Багдад использует финансово-банковскую систему как рычаг давления на курдов. Кроме того, характерные для эволюционирующего к «несостоявшемуся» государству правовая неразбериха и вакуум способствуют сохранению в стадии нерешенности многих важных проблем, которые также могут стать рычагом давления и манипуляций в отношении Курдистана и его интересов. В этой связи очень характерно принятое в феврале 2022 г. решение высшей судебной инстанции страны, признавшей закон об углеводородах (нефти и газе) Курдистана недействительным. При принятии решения суд руководствовался де-факто действующим по сей день законом саддамовских времен. Хотя новый закон действующей Конституции был разработан еще в 2007 г. и прочно «застыл» на полтора десятилетия в парламентских коридорах Багдада. Региональное правительство Курдистана

признало это решение неконституционным. Но это всё не является необходимым системным решением данного и других ключевых правовых вопросов (*Finantz.ru*, 16.02.2016).

Говоря о внутренних факторах, толкающих нынешний иракский Курдистан к состоянию «failed state», подчеркнем:

- во-первых, внутриконтинентальное «замкнутое» положение региона, без выхода к морю. Это серьезно затрудняет его геоэкономические коммуникации с остальным миром. Кроме того, Иракский Курдистан окружен государствами, политические режимы которых негативно относятся к процессу самоопределения курдов, и установление с ними нужного уровня отношений будет трудным и долговременным делом;

- во-вторых, тревожащим фактором является сохраняющееся противостояние между двумя ведущими политическими силами Курдистана – ДПК и ПСК. Они приблизительно равны по численности и влиянию. Кроме того, каждая из партий имеет находящиеся в своем подчинении вооруженные силы Пешмерга. Разногласия между партиями обусловлены не только клановыми различиями между родом Барзани (ДПК) и Талабани (ПСК), но и некоторыми политическими моментами. Если ДПК выступает за независимость Курдистана, то ПСК склонен ограничиться более высоким уровнем государственности, но в рамках единого Ирака. В международных отношениях ДПК ориентируется на Запад и Турцию, а ПСК, несмотря на левосоциалистическую идеологию, на исламский Иран;

- в-третьих, «критическим» фактором для будущей политической судьбы Курдистана является

недоработанность его законодательства, особенно в части о полномочиях региональных органов власти. На сегодняшний день они часто пересекаются или дублируются, что затрудняет эффективное функционирование государственных органов. Уже давно идет процесс разработки региональной Конституции Курдистана. Ее принятие способствовало бы укреплению государственности курдов. Однако в последнее время этот процесс вновь затормозился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, некоторые процессы, проходящие в Ираке, могут привести эту страну к уровню «несостоявшегося государства» («failed state»). Это серьезно затрудняет решение проблем, связанных с курдским вопросом, на обозримую перспективу. Также распад государств, изменение их границ, появление новых стран на Ближнем Востоке, с учетом особенностей его традиционной политической культуры, будут болезненными и драматичными.

Думается, что в качестве модели суверенизации Курдистана с наименьшими негативными последствиями для него, Ирака и региона в целом, следует подумать о создании чего-то вроде «свободной конфедерации», межгосударственной унии, или «союзного государства», наподобие российско-белорусского. Каждый член такой «унии-конфедерации» является внутри- и внешнеполитическим сувереном. Но политика и социально-экономическая жизнь таких государств интегрирована теснее, чем стран-участников

привычных межгосударственных альянсов. Можно ли на практике приспособить такую модель к сложной ближневосточной политической и культурной специфике, покажет будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подвинцев О. Б. Идея «Несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Антиномии. 2007. № 7. С. 204–214.
2. Кочои С. М. Редакция доклада Human Rights Watch «Преступление геноцида в Ираке. Кампания «Анфаль» в Иракском Курдистане» // Геноцид в Иракском Курдистане. М.: Профобразование, 2003.

REFERENCES

1. Podvintsev, O. B. (2007) Idea «nesosotoyavshihsia gosudratsv v rossiysom postimperskom kontekste» (The idea of «Failed States» in the Russian post-Imperial context). Antinomies, 7, 204–214. (In Russ.)
2. Kochoi, S. M. (2003). Editorial board of the Human Rights Watch report «The Crime of Genocide in Iraq. The «Anfal» campaign in Iraqi Kurdistan». Genocide in Iraqi Kurdistan. Moscow: Vocational Education. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мехмет Эмин Икбаль Дюрре

кандидат исторических наук

доцент кафедры зарубежного регионоведения

Института Международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mehmet Emin Ikbâl Durre

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 17.04.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 17.04.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_34

Экспансия как имманентное свойство цивилизации

С. Г. Киселев^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Москва, Россия

ksg56@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется экспансия как явление политической, исторической, культурной жизни народов, государств, цивилизаций и человечества в целом. Данное явление рассматривается с полицивилизационной позиции. Автором, на основе анализа, подтверждается вывод классиков цивилизационной теории о том, что экспансия представляет собой неотъемлемое, имманентное свойство геочивилизации, делается вывод о том, что оно проявляется в современных условиях в разных формах.

Ключевые слова: цивилизация, экспансия, контрэкспансия, междивилизационное взаимодействие, соперничество и противоборство, экспансия западной цивилизации, геочивилизационные вызовы, столкновение цивилизаций, линии цивилизационных разломов, трансформация мирового порядка

Для цитирования: Киселев С. Г. Экспансия как имманентное свойство цивилизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 34–38. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_34

Original article

Expansion as an Immanent Property of Civilization

Sergey G. Kiselev^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

ksg56@mail.ru

Abstract. The article explores expansion as a phenomenon of political, historical, cultural life of peoples, states, civilizations and humanity as a whole. This phenomenon is considered from a polycivilizational position. The author, based on the analysis, confirms the conclusion of the classics of civilizational theory that expansion is an integral, immanent property of geocivilization, concludes that it manifests itself in modern conditions.

Keywords: civilization, expansion, counter-expansion, intercivilizational interaction, rivalry and confrontation, expansion of Western civilization, geo-civilizational challenges, clash of civilizations, lines of civilizational faults, transformation of the world order

For citation: Kiselev, S. G. (2022). Expansion as an immanent property of civilization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 4(849), 34–38. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_34

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования вопроса, поставленного в теме статьи и рассматриваемого на основе полицивилизационного понимания хода мирового процесса, обусловлена возрастанием цивилизационного сознания, роли геочивилизаций как акторов международных отношений, расширением цивилизационной интеграции, повышением значения цивилизационного фактора в международных делах и мировой политике. Сегодня система мировых цивилизаций всё более становится своего рода матрицей глобальной и региональной геополитики, определяющей фундаментально-ценностные конструкты и векторы развития стран и геочивилизаций. В понимании характера происходящего процесса значимую роль играет знание и учет особенностей функционирования такого явления, как экспансия.

Автором проанализированы труды классиков цивилизационной теории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, а также С. Хантингтона, Н. Н. Моисеева и современных исследователей по данной проблематике.

Автором применяется геочивилизационный подход к исследованию международных явлений, позволяющий увидеть срез мировых процессов и событий, выявить «внутренние пружины» и фундаментально-ценностные основания конфликтов и противостояний, используются методы контент-анализа трудов классиков цивилизационной теории, контекстно-исторического анализа мировых процессов, сравнительного анализа, пространственно-культурного исследования процессов, связанных с взаимодействием цивилизационных общностей.

ЭКСПАНСИЯ КАК ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Британский исследователь А. Тойнби в своем фундаментальном 12-томном «Постижении истории» отмечал, что современная мировая политика – это постоянное политическое, экономическое, идеологическое состязание цивилизаций, и одна из основных форм участия цивилизации в этом состязании – экспансия [Тойнби, 1991].

Уместно отметить, что А. Тойнби не является первооткрывателем в этой области. До него подобную мысль сформулировал в XIX веке русский ученый Н. Я. Данилевский в фундаментальном труде «Россия и Европа», а затем немецкий философ О. Шпенглер в начале XX столетия.

В частности, именно Н. Я. Данилевскому, осуществившему первым в истории мировой науки попытку изучения истории, культуры и политики на геочивилизационной основе, ставшему основателем локально-цивилизационной теории поступательного развития человечества и «раскассировавшему» на цивилизационные общности (цивилизации или культурно-исторические типы) весь Земной шар и проживающие на нем народы, принадлежит первенство в постановке вопроса об экспансии цивилизации. Ученый обозначил экспансию явлением естественным, имманентно присущим любой цивилизации. Стремление одной цивилизации подчинить, завоевать другую, он назвал «*проявлением экспансивной силы*» [Данилевский, 2003]. Иными словами, экспансия, по Данилевскому, есть естественное желание, потребность в расширении своего влияния, чему подтверждением приведенные им исторические примеры экспансионизма греческой, римской, европейской цивилизаций.

Согласно О. Шпенглеру, продолжателю дела Н. Я. Данилевского по исследованию цивилизаций, каждой из них присущ «*принцип экспансии*» [Шпенглер, 1993].

МЕХАНИЗМ ЭКСПАНСИИ

Цивилизации в процессе своего существования взаимодействуют друг с другом. Если какая-либо геочивилизация осознает, что соседняя геочивилизация в данный момент слабее ее, она, как правило, не преминет воспользоваться ситуацией. А. Тойнби подчеркивал: «цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть» [Тойнби, 1991, с. ...]. Иначе говоря, для цивилизации подобная ситуация представляет собой вызов, на который следует дать экспансионистский ответ. Вопрос только о форме этого ответа. Экспансия может быть мирной и не мирной, и проявляться в самых разных формах.

Если посмотреть на современную действительность, то можно убедиться, что и ныне цивилизации, особенно наиболее экспансивные, стремятся распространить свои ценности (наиболее яркий пример – либеральные западные ценности) на окружающий их мир. Если же цивилизация, в силу своей недостаточной мощи, не способна навязывать свои ценности соседям, она под воздействием чувства самосохранения пытается защитить свои ценности, свою культуру, а укрепившись, может быть способной на контрэкспансию.

Реалии демонстрируют, что несмотря на многовековое масштабное распространение западных ценностей, сопровождаемое сильным политическим,

экономическим и культурным давлением, конфуцианско-буддистские, исламские, индуистские ценности смогли не просто сохранить себя, но и получают заметное распространение в современном межкультурном взаимодействии.

События последнего десятилетия XX столетия и первой четверти XXI века свидетельствуют, что состязание, противостояние и противоборство между цивилизациями не стихает, а напротив обостряется. Не случайно в научном лексиконе появился термин «столкновение цивилизаций». Данный термин ввел американский политолог Самюэль Хантингтон [Huntington, 1993].

ЦЕЛИ И ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ

Главной целью экспансии (наряду с другими – контроль территории, материальные блага и т. д.) представляется передача ценностей своей цивилизации другой цивилизационной общности – в результате влияния, давления, военных ударов, использования иных способов. Данилевский таковой целью считал насильственную передачу своей цивилизации другим, покоренным, народам [Данилевский, 2003].

Похожий подход у Тойнби. Культурное покорение, «культурная радиация» завоеванных народов стали лейтмотивом его «Постижения истории». Причем это «культурное облучение», по Тойнби, осуществляется насильственным путем.

Принципиально то же самое видим у Шпенглера, у которого цивилизации проводят экспансию в целях распространения своих духовно-культурных ценностей, а также подчинения материальных и людских ресурсов других обществ, но «не ради идеи» [Шпенглер, 1993].

Цивилизации могут осуществлять экспансию в следующих формах: территориально-географической; военной; демографической; политической; дипломатической; культурной; экономической; торговой; технологической.

КАКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ САМАЯ ЭКСПАНСИВНАЯ?

В вопросе, какая цивилизация является основным источником экспансии в глобальном межкультурном взаимодействии, классики цивилизационной теории Данилевский, Шпенглер, Тойнби практически едины – западная цивилизация – самая экспансионистская. Заметим, большинство из названных ученых являются представителями именно западной цивилизации.

Данилевский отмечал постоянное стремление европейской цивилизации на Восток, которое еще до сих пор живо в народах Европы [Данилевский, 1890].

Шпенглер выявил постоянную тенденцию расширения западной цивилизации, «притязание на власть», «намеренное воздействие на расстоянии» [Шпенглер, 1993].

Наиболее ярко данную тенденцию охарактеризовал Тойнби (напомним – апологет Запада): «Со времен португальских и испанских морских экспедиций XV века и в еще большей мере в результате британской промышленной революции XVIII века сущностью современного западного образа жизни стали постоянный экономический рост и территориальная экспансия» [Тойнби, 1991, с.]. Или вот еще: «Современная западная экспансия в буквальном смысле имеет мировой масштаб» [там же, с.].

Современная мировая действительность лишь подтверждает вывод классиков – западная цивилизация продолжает наращивать экспансионистскую практику в глобальном масштабе, используя для этого широкий арсенал форм и средств.

ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛОМОВ

Геоцивилизационный подход к анализу глобальной действительности и международных отношений, включающий анализ межкультурной экспансии, позволяет увидеть и изучить линии цивилизационных разломов и порожденные ими взрывоопасные конфликты, чаще всего вооруженные.

Термин «линии цивилизационных разломов» ввел политолог Самуэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в 1993 г. в журнале «Foreign Affairs» [Хантингтон, 1994]. И этот термин не просто означает границы между цивилизациями. По Хантингтону, если раньше, до окончания холодной войны, серьезные конфликты возникали на политических или же идеологических границах между государствами или союзами государств, то отныне очаги кровопролития перемещаются на границы между цивилизациями. Хантингтон назвал их «линиями цивилизационных разломов» или «линиями будущих фронтов» [Huntington, 1993].

По мнению советского и российского ученого академика Н. Н. Моисеева, «разнообразие цивилизаций – источник противостояний, способный привести к столкновениям, смертельным для *homo sapiens*, к “концу истории”» [Моисеев, 1995, с.].

Таким образом, линии цивилизационных разломов – это границы / участки границы, чаще всего спорные, между странами / народами,

представляющими разные гецивилизации, и являющимися ареной многолетней, упорной, и часто кровопролитной и непрекращающейся борьбы.

В современных условиях мы видим линии цивилизационных разломов, например, в Сирии, в Индии (Джамму и Кашмир), в Украине, в Нагорном Карабахе, в китайском Синьцзяне, в Косово и др. Они представляют собой арену противоборства сторон в острых конфликтах, причинами которых являются, как правило, межрелигиозные, межэтнические противоречия и разнообразные «исторические обиды» [Киселев, 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель проведенного исследования заключалась в определении значимости гецивилизационной активности в мировом политическом процессе, геополитическом противоборстве и международных делах, в основе которой лежит принцип экспансии как имманентно присущее свойство цивилизационной общности.

Потребность в изучении этого вопроса обуславливается современной активизацией цивилизационного фактора на глобальном и региональном уровнях в условиях обострения геополитической конкуренции и формирования нового мирового порядка.

Анализ основных гецивилизационных концептов и современной мировой действительности показывает, что экспансия действительно является атрибутом цивилизации, имманентно присущим ей качеством [Киселев, 2003].

Самой экспансионистской цивилизационной общностью на протяжении всей человеческой истории, и особенно нескольких последних столетий, продолжает оставаться западная гецивилизация.

Примерами цивилизационной экспансии наших дней, с достаточной обоснованностью, можно назвать глобальную западную экспансию, Цезарем которой являются США, проявлениями которой являются военные интервенции в Югославии, Ираке, Афганистане, и в целом политика *Pax America* в масштабах практически всей планеты, а также события на линиях цивилизационных разломов в нагорнокарабахском конфликте, в районах конфликтов в индийских провинциях Джамму и Кашмир, в Сирии и других горячих цивилизационных точках. Эти случаи экспансии на виду во многом потому, что осуществляются с применением военной силы.

Кроме этого наблюдается немало примеров демографической экспансии (прежде всего, со стороны гецивилизаций, страны которой испытывают высокую динамику, бум роста народонаселения), экономико-финансовой и технологической экспансии (в особенности, со стороны экономически богатых цивилизаций, стремящихся к рынкам сбыта товаров и рынкам дешевой рабочей силы, находящихся в менее экономически развитых гецивилизациях), геополитической экспансии (прежде всего, исходящей от государств-участников глобального геополитического противоборства), информационно-культурной экспансии со стороны цивилизаций и их стран, обладающих мощными медиасетевыми ресурсами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Известия, 2003.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993.
4. Hantington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs, November – December. 1993. № 5. Vol. 72. P. 186–194.
5. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб. : Н. Страхов, 1890.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48.
7. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 3–30.
8. Киселев С. Г. Евразия – пространство геополитического и гецивилизационного противостояния // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2020. № 1 (31). Т. 9. С. 43–49.
9. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М. : Известия, 2003.

REFERENCES

1. Toynbee, A. (1991). Postizhenie istorii = Comprehension of history. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Danilevsky, N. Ya. (2003). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow: Izvestia. (In Russ.)

3. Spengler, O. (1993). Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii = The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Moscow: Mysl. (In Russ.)
4. Hantington, S. (1993). If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World. Foreign Affairs, November – December, 72, 5, 186–194. (In Russ.)
5. Danilevsky, N. Ya. (1890). Sbornik politicheskikh i jekonomicheskikh statej = Collection of political and economic articles. St. Petersburg.
6. Huntington, S. A. (1994). Stolknovenie civilizacij? = Clash of civilizations? Polis (Political Studies), 1, 33–48. (In Russ.)
7. Moiseev, N. N. (1995) Sovremennyy antropogenez i civilizacionnye razlomy = Modern anthropogenesis and civilizational faults. Socio-political Journal, 5, 3–30. (In Russ.)
8. Kiselev, S. G. (2020). Eurasia is a space of geopolitical and geo-civilizational confrontation. Eurasian Union: Issues of International Relations, 1 (31), 43–49. (Vol. 9.) (In Russ.)
9. Kiselev, S. G. (2003). Osnovnoj instinkt civilizacij i geopoliticheskie vyzovy Rossii = The Basic instinct of Civilizations and the Geopolitical challenges of Russia. Moscow: Izvestia Publishing House. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Сергей Георгиевич

доктор философских наук
 профессор кафедры политологии
 Института международных отношений и социально-политических наук
 Московского государственного лингвистического университета
 профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности
 Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Sergey Georgievich

Doctor of Philosophy (Dr. habil)
 Professor of the Department of Political Science
 Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
 Moscow State Linguistic University
 Professor of the Department of International Security and Foreign Policy
 of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Статья поступила в редакцию 25.08.2022
 одобрена после рецензирования 20.09.2022
 принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 25.08.2022
 approved after reviewing 20.09.2022
 accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

Российская стратегическая культура как объект научного исследования

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. Исследователь международных отношений и внешней политики часто сталкивается с проблемой поиска мотивации государственных акторов, регуляции их внешнеполитического поведения. В настоящее время одной из концепций по улучшению понимания данных обстоятельств является стратегическая культура. В данном исследовании стратегическая культура России рассматривается через призму ценностно-исторических постулатов, которые находят свое отражение во внешнеполитических доктринальных документах.

Ключевые слова: стратегическая культура, Россия, международные отношения, внешняя политика, принятие политических решений

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Кожухова К. Е. Российская стратегическая культура как объект научного исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). 39–45. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

Original article

Russian Strategic Culture as an Object of Scientific Research

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. A researcher of international relations and foreign policy often faces the problem of finding the motivation of state actors, regulating their foreign policy behavior. Currently, one of the concepts for improving the understanding of these circumstances is a strategic culture. In this study, the strategic culture of Russia is considered through the prism of value-historical postulates, which are reflected in foreign policy doctrinal documents.

Keywords: strategic culture, Russia, foreign policy, international relations, political decision-making

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the state assignment of the FSBEI HE MSLU (project No FSFU-2020-0020).

For citation: Kozhukhova, K. E. (2022). Russian Strategic Culture as an Object of Scientific Research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 39–45. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_39

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в политической науке остро стоит проблема поиска объяснительной модели внешнеполитического поведения крупных игроков мирового порядка, в том числе и Российской Федерации. Многие десятилетия ученые спорят о том, какая теоретическая концепция наиболее точно будет способствовать прогнозированию курса внешней политики той или иной страны. Исследователи работают в парадигме модерна, неореализма, конструктивизма, институционализма, но пока не находят универсального ответа на данный вопрос.

Именно поэтому ведущие исследователи, как западные, так и отечественные, изучают феномен стратегической культуры, детерминирующий поведение страны на международной арене:

- особый внешнеполитический взгляд народа на решение проблем национальной безопасности;
- восприятие угрозы;
- убеждения о природе силы для реагирования на возникающую острую ситуацию.

Понимание национальной стратегической культуры позволяет выяснить, какие традиции, обычаи, черты национального менталитета и исторической памяти, отраженные в политике, влияют на принятие внешнеполитических решений вне зависимости от личности лидера страны и внешнеполитической ситуации.

Концепция стратегической культуры представляется выигрышной для подобного рода исследований, так как она затрагивает не только стратегическую, военную и силовую часть внешней политики государства, но и делает упор на культурную базу внешнеполитической деятельности нации.

РОССИЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В первую очередь следует отметить, что еще военные классики прошлого обращали внимание на оригинальность применения Россией военной силы, своеобразие ее военного искусства. Среди таких мыслителей был и известный военный теоретик К. Клаузевиц [Белозёров, 2015].

Первыми же исследователями советской и российской стратегической культуры стали американские ученые, поскольку именно они участвовали в разработке концепции стратегической культуры и изучали государства первостепенной стратегической важности для внешней политики США.

Исследования начинаются с изучения предшествующей ей советской стратегической культуры Дж. Снайдером, который занимался данной проблемой еще в 1977 г., отраженной в докладе для корпорации RAND «Советская стратегическая культура: последствия для ядерных возможностей» [Snyder, 1977, с. 23]. Он пришел к заключению о том, что советские военные, которые руководствовались национальной стратегической культурой, отдавали предпочтение превентивному, наступательному применению силы, причины чего ему виделись в российской истории, характеризующейся отсутствием безопасности и авторитарным контролем правителя, с чем можно полностью согласиться, вспоминая такие исторические фигуры, как Иван Грозный или Петр Первый [Сергейцев, Куликов, Мостовой, 2021].

Особенности российской стратегической культуры отмечает и другой американский исследователь К. Грей. Он писал, что «когда мы изучаем российскую стратегическую культуру, мы утверждаем, что существует “русский способ” думать об угрозе или применении силы в политических целях, так и действовать стратегически. Существует российский “способ ведения войны”. Этот “русский путь” является отличительным продуктом истории и географии России, интерпретируемым для руководства россиянами»¹ [Gray, 2006, с. 12]. Действительно, «русский путь» виден на протяжении всей истории Российского государства, начиная от монгольского нашествия и заканчивая сегодняшним днем.

Немаловажный вклад в изучение российской стратегической культуры внес американский политолог Ф. В. Эрмарт. Он утверждал, что «традиционная российская стратегическая культура – культура имперской России с момента ее возникновения как государства в середине прошлого тысячелетия и на протяжении большей части существования Советского Союза до конца 1980-х гг. была одной из самых воинственных и милитаризованных подобных культур в истории... Стратегическая культура в российском случае во многом зависит от политической культуры, от того, как определяется, приобретается, легитимизируется и используется политическая власть; от культуры внешней политики, от того, как воспринимается и решается внешний мир; и от экономической культуры, хотя последняя в российском случае является скорее продуктом влияния, чем сам источник влияния» [Ermarth, 2006, с. 17].

Таким образом, можно сделать вывод, что Дж. Снайдер интерпретировал советскую стратегическую культуру в более оборонительном,

¹Зд. и далее перевод наш. – К. К.

превентивном стиле, другие же два названных ученых определяют российскую стратегическую культуру как имперскую и милитаризованную, что можно объяснить менее устойчивым внешнеполитическим положением Российской Федерации после распада СССР. Тем не менее оценивая проявления российской стратегической культуры в современных условиях, можно утверждать, что она является соединением превентивного и милитаризованного начала. Кроме того, с точки зрения западных исследователей, российская стратегическая культура выступает синергией имперской и советской стратегических культур. Немаловажно и понимание внешнеполитического курса Российской Федерации как «особого русского пути», где «русский» выступает синонимом «российского». Как известно, русские официально провозглашены государствообразующей нацией Российской Федерации.

В связи с восприятием российской стратегической культуры западными учеными важно оценить, как понимают ее отечественные исследователи.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОЗИЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Изучение стратегической культуры в науке России в общем смысле началось в начале второго десятилетия XXI века политологами Т. А. Алексеевой, Э. Н. Ожигановым и другими отечественными учеными. Тем не менее специфика российской стратегической культуры до сих пор остается недостаточно раскрытой. Сформировать мнение о характеристиках российской стратегической культуры можно лишь с опорой на особенности российского внешнеполитического менталитета, идеологии и исторической памяти.

В этой связи логично будет обратиться к ценностным и культурно-историческим особенностям России для выявления специфики российской стратегической культуры.

Как справедливо отмечает по данному вопросу российский философ В. Н. Шевченко, «высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага над индивидуальным эгоизмом, справедливости над формальным законом, подчинение экономики решению социальных задач» [Политические стратегии российского государства как философская проблема, 2011, с. 65]. Таким образом, российская стратегическая культура опирается на постулат первенства справедливости, что обнаруживается и в современной российской

внешней политике. Также исследователь утверждает, что «наиболее важной и отличительной чертой, обуславливающей уникальность российской цивилизации, ее отличие от других цивилизаций, также по-своему уникальных, выступает ее государствоцентричный характер» [там же]. Вместе с тем данная характеристика свойственна многим социумам прошлого и современности.

Если обратиться к труду другого философа, В. И. Спиридоновой, то можно отметить, что «закрепленный в “коллективном бессознательном” идеократический акцент имперской идеи (России. – К. Е.) претворился позднее в стремление спасти мир и человечество» [там же, с. 95]. Данный постулат перекликается с рассмотренным выше постулатом справедливости. Корни его лежат в срединности русского государства по отношению ко всему миру из-за размеров его территории и сосредоточенной на ней мощи и ресурсах. Выступая медиатором конфликтных ситуаций по всему миру, Россия стремилась контролировать политические процессы не только в Европе, но и во всем мире.

Необходимо рассмотреть позицию российского политолога Д. В. Тренина. Он замечает, что «традиционная русская политическая культура существенно отличается от европейской. В ее основе – принципы единоначалия, нерасчлененности и сакрализации высшей власти; вертикали управления; консультативности (“соборности”) как средства совмещения частных интересов; иерархии и в идеале специфической гармонии (“симфонии”) между правителями и управляемыми» [Тренин, 2021, с. 44]. Кроме того, Д. В. Тренин выделяет главную политическую ценность российского народа – его государство, т. е. упомянутую выше государствоцентричность [там же]. Так же заслуживает внимания его идея о положении России в глобальном порядке: «главное для русских при этом, однако, было не господство над возможно большей частью мира, а равенство в отношениях с сильнейшими, чтобы никто не мог диктовать России свою волю» [там же, с. 63].

Профессор В. К. Белозёров в своих работах раскрывает специфику сложившегося в нашей стране в течение длительного времени восприятия угроз и реагирования на них посредством военной силы, закрепившиеся в российском социуме ценностные основания обороны занимаемого им пространства, предназначения армии и военной службы [Белозёров, 2005; Белозёров, 2008; Белозёров, 2021].

Какие же постулаты российской стратегической культуры можно выделить?

Во-первых, государство и его интересы, интересы большинства всегда имели приоритет перед

интересами отдельной личности. Во-вторых, Россия традиционно борется против гегемонии в международных отношениях и выступает за справедливый мировой порядок. В-третьих, российская стратегическая культура опирается на равенство государства среди других великих держав, отстаивая свой суверенитет.

Проявления российской стратегической культуры можно обнаружить в доктринальных документах России.

ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

По утверждению профессора П. А. Цыганкова, внешняя политика должна строиться на долгосрочных устойчивых детерминантах, присущих любому государству и укоренившихся в его национальном духе: физических факторах (географическое положение, природные ресурсы и др.); структурных факторах (политические и экономические институты, политические партии и др.); культурных факторах (культура, ценности, традиции, идеология и др. [Цыганков, 1994]). К последним правомерно отнести и стратегическую культуру.

Несомненно, исторический опыт, как и культура и традиции государства, оказывают влияние на его внешнюю политику [Kertzer, 1988]. По утверждению А. А. Свечина, русского военного теоретика, «доктрина – дочь истории. <...> Понять чью-либо доктрину – это позволяет глубоко проникнуть в мысль и отчасти предвидеть действие» [Свечин, 1994, с. 70–71]. В этой связи кажется небезынтересным, что Свечин связывает официальные установки государства относительно военной силы, доктрину с культурными особенностями, что сближает ее смысл со смыслом стратегической культуры. Доктрина по А. А. Свечину – есть «тактическое мирозерцание, находящееся в тесной связи с условиями эпохи и характером народа и войск <...> доктрина не может быть переведена или заимствована, а должна родиться из нашего сознания» [там же]. Таким образом, «проникновение в мысль», т. е. в стратегическую культуру, дает возможность осознать и предугадать курс государства, в том числе и внешнеполитический, увидеть его последовательность и преемственность, что показывает важность знания и изучения стратегических культур разных стран.

Взяв за основу приведенные выше взгляды А. А. Свечина, можно высказать предположение о том, что официальные доктринальные документы и внешнеполитическая концепция государства

в целом есть выражение «мирозерцания» нации и трансляция национальной стратегической культуры. Данное обстоятельство реализуется в превращении ее основных характерных черт в фиксированные внешнеполитические установки и формирование устойчивой внешнеполитической концепции. Указанные феномены ниже будут рассматриваться на примере стратегической культуры России.

Следует начать с такой доктринальной установки, как место страны в мировом порядке. Каждое государство рассматривает свое место в системе международных отношений с уникальной позиции, и Россия не является исключением. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации содержит следующую установку: «Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в интересах решения общих задач. Внешняя политика Российской Федерации является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации»¹. Россия видит себя одним из центральных игроков на международной политической арене, что вполне естественно для великой державы. Немаловажно подчеркнуть, что Российская Федерация с точки зрения своей стратегической культуры – ответственный, открытый и предсказуемый игрок, что реализуется на практике. Как великая держава Россия не может допустить существования реальной угрозы близ своих границ и поэтому проводит специальную военную операцию на Украине.

Заслуживают внимания и установки России относительно военной силы. В Военной доктрине Российской Федерации можно увидеть, что ее военная политика «направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения вооруженных сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников. Российская Федерация считает правомочным применение вооруженных сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других

¹Концепция внешней политики Российской Федерации // Сайт МИД РФ, 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»¹. Здесь следует отметить, что Россия, ввиду своих национальных интересов, направлена на решение проблем и защиту своего положения путем отражения агрессии не только против нее самой, но и ее союзников, что подчеркивает союзническую направленность российской стратегической культуры.

Другой важной сферой рассмотрения российской стратегической культуры в практике международного взаимодействия является международные отношения. В Концепции внешней политики РФ указано, что «Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права»². Обращает на себя внимания контрольная функция России, воплощенная в нашей стратегической культуре. Российская Федерация принимает участие во многих мероприятиях по контролю за международной политической ситуацией, в том числе и в миротворческих операциях, что закономерно отражает «общественную», общемировую ориентацию российской стратегической культуры.

В заключение отметим ядерную сферу в концепции стратегической культуры России. В Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания можно увидеть, что «сдерживание агрессии обеспечивается всей совокупностью военной мощи Российской Федерации, включая ядерное оружие... Государственная политика в области ядерного сдерживания носит

оборонительный характер, направлена на поддержание потенциала ядерных сил на уровне, достаточном для обеспечения ядерного сдерживания, и гарантирует защиту суверенитета и территориальной целостности государства, сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и / или ее союзников³. Итак, можно видеть, что российская стратегическая культура в ядерной сфере имеет подчеркнuto оборонительный характер. Россия провозглашает, что ее ядерное вооружение используется только для сдерживания, чем акцентируется внимание на оборонительный уравновешивающий характер российской стратегической культуры в общем смысле.

Хочется отметить, что российская стратегическая культура еще находится в стадии формирования после распада СССР. Тем не менее официальные доктринальные документы дают полное представление об основных постулатах российской стратегической культуры и формируемой ей российской внешнеполитической концепции – невмешательство в международно-политические дела вплоть до возникновения угрозы национальным интересам Российской Федерации или ее союзникам и нарушение общемирового порядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав современную российскую стратегическую культуру на основе внешнеполитических доктринальных документов Российской Федерации, можно увидеть ее оборонительную составляющую, ценность мира как условие стабильности нашего государства, а также общемировую, гуманистическую ориентацию. В связи с недостаточностью исследований по данной теме необходимо продолжить концептуализацию российской стратегической культуры, что позволит формировать выгодный внешнеполитический курс страны с учетом ее национальных интересов.

¹Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 2014. <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

²Концепция внешней политики Российской Федерации // Сайт МИД РФ, 2016. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

³Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxFJnKuD1W/content/id/4152094

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Александр Суворов в трудах Карла Клаузевица // Военный академический журнал. 2015. № 3. С. 69–79.
2. Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. 1977. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>

3. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб. : Питер, 2021.
4. Gray C. S. Out of the Wilderness: Prime-time for Strategic Culture. Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office, 2006.
5. Ermarth F.W. Russia's strategic culture: past, present, and... in transition? Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office, 2006.
6. Политические стратегии российского государства как философская проблема / отв. ред. В. Н. Шевченко / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН, 2011.
7. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблшер, 2021.
8. Белозёров В. К. Спасительный огонь военной истории Отечества // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 637–639.
9. Белозёров В. К. Отечественная традиция асимметричного воевания // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 86.
10. Белозёров В. К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. «Новая серия». Серия «Социология. Политология». 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 190–195.
11. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений. М. : Радикс, 1994.
12. Kertzer D. I. Ritual, Politics, and Power. New Haven, CT: Yale University Press, 1988.
13. Свечин А. А. Основы военной доктрины // Русская военная доктрина: материалы дискуссий 1911–1939 годов. М. : Военный университет, 1994.

REFERENCES

1. Belozorov, V. K. (2015). Aleksandr Suvorov v trudah Karla Klauzevica = Alexander Suvorov in the works of Karl Klauzevic // Voennyi akademicheskij zhurnal. 2015. № P. 69–79. (In Russ.)
2. Snyder, J. (1977). The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation. <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>.
3. Sergejcev, T., Kulikov, D., Mostovoj, P. (2021). Ideologiya russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya = The ideology of Russian statehood. The continent of Russia. Saint-Petersburg. Piter. (In Russ.)
4. Gray, C. S. (2006). Out of the Wilderness: Prime-time for Strategic Culture. Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office.
5. Ermarth, F. W. (2006). Russia's strategic culture: past, present, and... in transition? Defense Threat Reduction Agency Advanced Systems and Concepts Office.
6. Shevchenko V.N. (Ed.) (2011). Politicheskie strategii rossiiskogo gosudarstva kak filosofskaya problema = Political strategies of the Russian state as a philosophical problem. Moscow: IF RAN. (In Russ.)
7. Trenin, D. (2021). Novyi balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya = The new balance of power: Russia in Search of a Foreign policy balance. Moscow. Al'pina Pablisher. (In Russ.)
8. Belozorov, V. K. (2005). Spasitel'nyj ogon' voennoj istorii Otechestva = The saving fire of the military history of the Fatherland. Bezopasnost' Evrazii, 3, 637–639. (In Russ.)
9. Belozorov, V. K. (2008). Otechestvennaya tradiciya asimmetrichnogo voevaniya = The domestic tradition of asymmetric warfare. Voенно-istoricheskij zhurnal, 3, 86. (In Russ.)
10. Belozorov, V. K. (2021). Prostranstvo i granica Rossii v cennostnom izmerenii = The space and the border of Russia in the value dimension. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya, 2(21), 190–195. (In Russ.)
11. Tsygankov, P. A. (1994). Politicheskaya sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij = Political sociology of international relations. Moscow: Radiks. (In Russ.)
12. Kertzer, D. I. (1988). Ritual, Politics, and Power. New Haven, CT: Yale University Press.
13. Svechin, A. A. (1994). Osnovy voennoj doktriny = Fundamentals of military doctrine // Russkaya voennaya doktrina. Materialy diskussij 1911–1939 godov. M. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук
преподаватель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgenievna

PhD in Political Science
Lecturer at the Department of Political Science
of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences
of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 04.07.2022
одобрена после рецензирования 12.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 04.07.2022
approved after reviewing 12.09.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 329.14 (430)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_46

«Зеленый» переход ФРГ: политические аспекты

П. М. Рукавицын

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
rpm66@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния политического фактора на энергетическую политику Германии. Для достижения данной цели используются системный подход, а также методы институционального и контент-анализа. Значительное внимание уделяется оценке позиции парламентских партий по вопросам декарбонизации экономики ФРГ. Автор отмечает, что доминирование политического целеполагания в вопросах определения стратегии «зеленого» перехода наносит ущерб экономическим интересам ФРГ.

Ключевые слова: Германия, декарбонизация, Евросоюз, «зеленый» переход, национальные интересы, политические партии, энергетический кризис

Для цитирования: Рукавицын П. М. «Зеленый» переход ФРГ: политические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 46–51. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_46

Original article

“Green” transition of Germany: political aspects

Petr M. Rukavitsyn

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
rpm66@mail.ru*

Abstract. In the article the author analyzes the effect of the political factor on Germany's energy policy. The main methods used are the system, institutional and content analyses. The article further elaborates on how Germany's parliamentary parties view the decarbonization of the country's economy. The author notes that highly politicized goal setting prevalent in the planning of green transition will harm Germany's economic interests.

Keywords: Germany, decarbonization, the European Union, “green” transition, national interests, political parties, energy crisis

For citation: Rukavitsyn, P. M. (2022). “Green” transition of Germany: political aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 46–51. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_46

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее значимых проблем глобального развития последних десятилетий стала защита окружающей среды. В основе подобного целеполагания – смена приоритетов в общественном сознании, в первую очередь в экономически развитых странах. Ценности общества потребления частично замещаются заботой о новом качестве жизни, неотъемлемым элементом которого становится чистая окружающая среда. В последние годы решение экологических проблем в значительной мере находит свое отражение в реализации концепции «зеленого» перехода. Наибольшей популярностью данная концепция пользуется в странах ЕС в целом и в Германии, в частности. В декабре 2019 г. Еврокомиссия представила свое концептуальное видение Европейского «зеленого» курса, целью которого является достижение климатического нейтралитета к 2050 г. [Leonard, 2021].

ФРГ не располагает значительными запасами энергоносителей, за исключением каменного и бурого угля. Основу экономической мощи Германии до сих пор составляло сочетание передовых немецких технологий и импорта относительно дешевой энергии. Но окончание основного этапа пандемии коронавируса совпало, по сути, с окончанием эпохи дешевых энергоносителей.

Заметное влияние на удорожание энергоносителей в глобальном масштабе оказало и начало «зеленого» перехода, который представляет собой смену уклада во всем энергопотреблении с целью сохранения чистой окружающей среды. В основе этого влияния – сокращение ресурсов, направляемых на добычу углеводородов, и рассинхронизация процессов сокращения масштабов традиционной энергетики и роста экологически чистого производства энергии. В данной статье мы остановимся на влиянии политических факторов на реализацию «зеленого» перехода в Германии – крупнейшей экономике Евросоюза.

СТРАТЕГИЯ ЗЕЛЕННОГО ПЕРЕХОДА В ФРГ

Принятие Еврокомиссией в 2019 г. Европейского зеленого курса было позитивно воспринято в немецком обществе – в ФРГ в начале XXI в. сформировался консенсус по вопросу о необходимости повышенного внимания к проблематике защиты окружающей среды. В 2017 г. бундстагом был принят специальный закон, в котором были сформулированы экологические требования к немецкой экономике [Quasching, 2022]. Как отмечают российские специалисты, в этот период

в экологической политике ФРГ определились приоритеты [Белозёров, Кирилина, 2017].

В целом для ФРГ энергопереход является стратегически верным решением. На протяжении десятилетий основу энергетической безопасности Германии составлял уголь – один из наиболее опасных для окружающей среды энергоносителей. Попытка во второй половине XX века сократить зависимость ФРГ от импорта энергоносителей привела к принятию программы строительства АЭС. Но трагедия в Чернобыле оказала сильное влияние на общественные настроения в ФРГ. Она стала началом заката немецкой атомной энергетики. Окончательную точку в ее развитии поставила трагедия в Фукусиме в 2010 г. После этого была разработана правительственная программа постепенного вывода АЭС из эксплуатации. Она по плану завершается в конце 2022 г.

Постепенно отказываясь от экологически грязной генерации, Германия впадала бы во всё большую зависимость от импорта природного газа, что было бы сопряжено не только с нестабильностью, вызванной колебанием цен на мировом рынке, но и со значительными геополитическими рисками. Поэтому начало интенсивного развития альтернативной энергетики на рубеже тысячелетий было чрезвычайно важным не только с экономической, но и с геополитической точки зрения.

Поначалу в обществе скептически отнеслись к перспективам «зеленого» энергетики. Царящие в Германии настроения выразила А. Меркель, которая в начале 90-х гг. заявила, что возобновляемые источники энергии (ВИЭ) вряд ли смогут вырабатывать более 4 % электричества в стране [Quasching, 2022]. Но эти прогнозы не оправдались. И в первой половине 2022 г. уже почти 50 % выработки электричества в ФРГ приходилась на ВИЭ [там же].

Таким образом, в начале XXI века Германия сделала политический выбор в пользу национальной энергетической независимости. Этот сектор энергетики получал серьезные субсидии. Фактически была создана новая отрасль промышленности по производству солнечных батарей, с числом занятых свыше 120 тыс. человек [там же].

Но затем первые успехи сошли на нет. Китайские компании, используя свои традиционные преимущества, постепенно вытеснили немецкие не только с мирового, но и с национального рынка. И теперь даже в Германии устанавливаются импортные солнечные батареи.

На сегодняшний день в общем энергобалансе ФРГ (с учетом транспорта и тепловой энергии) доля «зеленого» энергетики не превышает 20 % [там же]. Таким образом, полная декарбонизация немецкой экономики – это задача будущего. На пути решения данной задачи политическим руководством

ФРГ был допущен ряд стратегических просчетов. К их числу относятся постепенный отказ от угольной и атомной генерации, а также фактическое отсутствие инфраструктуры по приему сжиженного природного газа (СПГ). Всё это при невысоких темпах развития альтернативной энергетики привело к большой зависимости от трубопроводного газа из РФ. В 2022 г., когда возникли перебои с поставками газа из России, вице-канцлер Р.Хабек (Партия зеленых) был вынужден признать, что ФРГ переживает наиболее глубокий энергетический кризис с 1973 г. (*Газета.ru*. 8.09.2022).

Правительство ФРГ оказалось в состоянии цугцванга, который стал результатом отсутствия хорошо продуманной стратегии в области энергетической политики. В этой связи кабинет министров был вынужден временно пренебречь приоритетами защиты окружающей среды. Были задействованы выведенные ранее из эксплуатации электростанции на угле и мазуте. Эпоха атомной генерации, которую планировалось завершить к концу 2022 г., может быть продлена с целью избежать блэкаута – 2 АЭС планируется вывести в резерв, но не отключать от энергосистемы [Quasching, 2022]. Перечеркнуты планы отказаться от многолетних контрактов на поставку сжиженного природного газа (СПГ). Значительные средства инвестируются в сооружение соответствующих терминалов.

Но основные усилия правительство опять сосредоточило на ускорении «зеленого» перехода. Летом 2022 г. был принят пакет законов, в соответствии с которым доля экологически чистого электричества в ФРГ к 2030 г. должна составлять 80 % (*Der Spiegel*. 7.07.2022). Для достижения поставленных целей темпы установки солнечных батарей и строительства ветроэнергетических установок придется увеличить в 7–8 раз [Quasching, 2022]. Подобного рода планы вызывают недоумение у значительной части экспертного сообщества. По мнению специалистов, инвестиции в Зеленый переход оправдают себя не ранее, чем через 30 лет (*Focus*. 3.01.2022). А реализация самой идеи быстрого Зеленого перехода приведет к снижению темпов экономического роста, повышению налогов и ускорению инфляции. Таким образом, ошибки политического руководства в определении содержания энергетической стратегии будут оплачены немецкими налогоплательщиками.

Запланированный Евросоюзом автономный Зеленый переход будет иметь и серьезные геополитические последствия. Быстрое снижение спроса на углеводороды не пройдет бесследно для основных стран-поставщиков нефти и газа. Поступления от их продажи составляют значимую часть доходов бюджета. Их сокращение отразится на

уровне жизни населения этих стран и, в сочетании с другими факторами, возможно, приведет к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Быстрое увеличение выпуска электромобилей и энергетического оборудования нового поколения повысит спрос на редкоземельные металлы. На этом рынке заметную роль играет Китай. Таким образом, избавляясь от зависимости от России в области углеводородов, ФРГ в то же время будет вынуждена расширять торговлю с Китаем.

По прогнозам Международного энергетического агентства, интенсивное развитие зеленой энергетики приведет к увеличению в мире в несколько раз спроса, а соответственно, и цен на такие металлы, как литий, кобальт и медь (*Der Spiegel*. 25.05.2022). Это обстоятельство ставит под вопрос саму цель достижения Германией энергетической независимости. С большей долей вероятности вместо зависимости от углеводородов ФРГ столкнется с зависимостью от поставок металлов для новой энергетики.

В результате того варианта «зеленого» перехода, который реализуется в ФРГ, вырастут цены на электричество. В 2022 г. не только Германия, но и многие страны Евросоюза столкнулись с этой проблемой. В отдельные дни биржевые цены на электричество в 14 раз превышали средние цены за последние 5 лет (*Газета.ru*. 25.08.2022). Рост цен на энергию негативно отразится на конкурентоспособности немецкой экономики и уровне жизни населения.

ЕС планирует принуждать своих торговых партнеров переходить на новые экологические стандарты. Импорт в страны Евросоюза продукции, выпущенной с использованием недостаточно экологически чистых технологий, будет облагаться дополнительными пошлинами. Такая позиция неизбежно станет причиной торговых конфликтов.

Таким образом, попытки и Германии, и Евросоюза в целом форсировать проведение «зеленого» перехода вызовут серьезные внутривнутриполитические и внешнеполитические последствия. В основе этих попыток – идеологическая ограниченность, которая проявляется в доминировании политического целеполагания и нежелании учитывать серьезные проблемы, создаваемые в результате в различных сферах.

ДОМИНИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ ПРИ НЕДОСТАТКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Летом 2022 г. правительство ФРГ сделало официальное заявление о том, что вопрос эксплуатации АЭС всегда носил для кабинета министров не

идеологический, а всего лишь профессиональный характер (*Der Spiegel*. 18.07.2022). Однако история развития атомной генерации в Германии доказывает обратное. АЭС в ФРГ традиционно пользовались поддержкой партий правой части политического спектра и встречали противодействие в левой его части. Данная традиция была нарушена Ангелой Меркель в 2011 г. После того, как в конце 2010 г. правительством была согласована программа дальнейшего развития АЭС в Германии, произошла известная катастрофа в Фукусиме. Она привела к резкому изменению общественных настроений в ФРГ. И Меркель приняла решение о полной смене стратегии в данной сфере, хотя данное решение и не нашло поддержки в возглавляемом ей ХДС.

Сегодня, когда в правительстве ФРГ доминируют левые партии, СДПГ и Партия зеленых, идеологический подтекст принимаемых в энергетической сфере решений стал особенно заметен. Этим объясняется и негативная реакция канцлера О. Шольца на решение Европарламента признать природный газ и атомную энергию экологически чистыми (*Der Spiegel*. 8.07.2022). Даже несмотря на то, что социологические опросы показывают, что большинство населения не возражает против продолжения эксплуатации АЭС с учетом тяжелого кризиса в энергетике, левое большинство в правительственной коалиции продолжает настаивать на своем и готово использовать атомную генерацию только в крайнем случае. В соседней Бельгии, где более прагматично подходят к решению этого вопроса, окончательный выход из атомной генерации отложен на 10 лет (*Der Spiegel*. 25.05.2022).

Глубоко идеологизированный подход и нежелание прислушиваться к критике экспертов характерны и для реализации концепции «зеленого» перехода в целом. В этой связи самый цитируемый в сегодняшней Германии экономист, профессор Х.-В. Зинн дал уничтожающую оценку данной концепции: «Немецкая энергетическая политика подлежит кардинальному переосмыслению» (*Focus*. 24.06.2022). Он отмечает, что Германия, по сути, разрушает свою национальную автомобильную промышленность и помогает тем самым своим азиатским конкурентам, не улучшая при этом состояния окружающей среды.

Председатель совета директоров химического концерна BASF М. Брудермюллер говорит о серьезных проблемах, которые могут возникнуть у немецкой промышленности в случае полного прекращения сотрудничества с Россией в газовой сфере (*Der Spiegel*. 25.05.2022). Необратимые последствия могут наступить не только для химической промышленности, но и для металлургии, предприятий по производству стройматериалов.

Сегодня тарифы на электричество в немецкой промышленности на треть выше, чем в соседней Франции, основу энергетики которой составляет атомная генерация (*Эксперт*. 29.07.2022).

Еще одним примером доминирования политического целеполагания стал запрет на добычу сланцевого газа. Данная технология, безусловно, безусловна с экологической точки зрения. Но сегодня ФРГ импортирует американский сланцевый газ по очень высоким ценам, сама добровольно отказавшись от его добычи. В этом случае немалую роль сыграли влиятельные немецкие СМИ, значительная часть которых придерживается левых взглядов. Они сформировали соответствующие общественные настроения, которыми воспользовались левые партии для продвижения своей политической повестки. Роль политических партий ФРГ в определении характера и темпов «зеленого» перехода будет проанализирована ниже.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗЕЛЕНОГО ПЕРЕХОДА В ФРГ

При анализе влияния политических партий ФРГ на реализацию «зеленого» перехода необходимо учитывать особенности современной немецкой партийной системы. Всю вторую половину XX века внутривнутриполитическая ситуация в стране определялась доминированием двух народных партий: консервативным блоком ХДС / ХСС и СДПГ, которые по очереди возглавляли коалиционные правительства. У обеих партий, несмотря на наличие внутривнутрипартийных группировок, были в целом давно сложившиеся принципы и политические взгляды, а также свой «ядерный электорат».

В конце XX века стал заметным процесс «эрозии» народных партий. С целью максимального расширения электоральной базы они стали заимствовать лозунги у своих политических противников. Это приносило сиюминутные результаты, но в целом подрывало доверие к народным партиям, приводило к сокращению их численности и уровня поддержки в обществе.

Показательным в этом отношении стал период 1998–2005 гг., когда федеральное правительство возглавлял Г. Шрёдер. Принятая по его инициативе программа «Повестка–2010» была направлена на повышение конкурентоспособности немецкой промышленности, но при этом предусматривала сокращение социальных льгот. Многие члены СДПГ и сторонники этой партии восприняли программу Шрёдера как предательство интересов немецкой социал-демократии. Реализация этой программы

отвечала национальным интересам Германии, но нанесла непоправимый ущерб авторитету СДПГ.

Падение авторитета консервативного блока ХДС / ХСС стало очевидным в ходе 16-летнего правления А. Меркель. Она руководствовалась, в первую очередь, общественными настроениями и серьезные политические решения принимала, исходя из сложившегося в обществе консенсуса по тому или иному вопросу. Если менялись настроения, то менялись и решения Меркель. Так, например, произошло с отказом Германии от атомной генерации.

Учет общественного мнения по значимым политическим вопросам, в том числе и по проблематике «зеленого» перехода, характерен для всех парламентских партий. Пожалуй, единственное исключение представляет собой крайне правая Альтернатива для Германии. Ориентируясь исключительно на своих избирателей, она критикует негативное влияние ветроэнергетических установок на человека и окружающую среду и требует максимально ограничить их использование [Quasching, 2022].

Наибольшее внимание экологической проблематике среди парламентских партий уделяет Партия зеленых. Она использует позиции, занимаемые ее представителями в кабинете О. Шольца, для максимального ускорения процесса «зеленого» перехода, зачастую в ущерб экономическим интересам ФРГ. Зеленые решительно выступают за отказ от атомной генерации. Пока они работают в правительстве, в Германии вряд ли вернутся к вопросу о добыче сланцевого газа.

Накануне выборов в бундестаг в 2021 г. Партия зеленых воспользовалась падением авторитета СДПГ и блока ХДС / ХСС и некоторое время обходила их по уровню популярности в ходе опросов общественного мнения. Но переход «зеленых» в категорию народных партий в ближайшие годы маловероятен. Пока Партии зеленых удастся формировать кабинет министров только на земельном уровне – в земле Баден-Вюртемберг. Играть ведущую роль в формировании правительственной коалиции на федеральном уровне ей мешают идеологическая ограниченность, недостаточная способность идти на компромиссы и ставить общенациональные интересы выше партийных. Все эти недостатки препятствуют получению партией большинства голосов на выборах в бундестаг.

Еще одна важная особенность «зеленого» перехода в ФРГ обусловлена федеративным характером немецкого государства. Имеющиеся у земель полномочия позволяют им оказывать влияние на темпы декарбонизации экономики. Так, в Баварии усилиями консервативного Христианско-социального союза еще в 2014 г. были ужесточены требования к строительству ветроэнергетических

установок. В результате количество ежегодно введенных в строй установок с 2014 по 2020 гг. сократилось со 160 до 8 [Quasching, 2022]. Подобные требования были введены благодаря инициативе либеральной СвДП и консервативного ХДС и в Северном Рейне-Вестфалии [там же]. В результате процесс «зеленого» перехода в двух крупнейших по своему экономическому потенциалу землях ФРГ серьезно замедлился.

Таким образом, парламентские партии в ФРГ оказывают определяющее влияние на характер и темпы «зеленого» перехода в ФРГ как на федеральном, так и на земельном уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на все проблемы, возникающие в ходе «зеленого» перехода, реализация данной концепции в глобальном масштабе будет продолжаться. Она будет носить зачастую неупорядоченный характер и принесет в результате не только более чистую окружающую среду, но и новые формы конкуренции и, возможно, конфронтации.

Автономный «зеленого» переход не только в Германии, но и в ЕС в целом на начальном этапе не приведет к улучшению экологической ситуации в масштабах Земного шара. Результатом сокращения потребления углеводородов в Европе станет падение цен на мировом рынке и, соответственно, рост потребления углеводородов в других частях планеты. Решение вопроса о переходе на экологически чистые источники энергии возможно только в рамках заключения глобального договора с участием большинства государств, в наибольшей степени загрязняющих окружающую среду.

Реализация «зеленого» перехода и в ЕС, и в Германии будет носить затратный характер. Это приведет к снижению темпов экономического роста, негативно отразится на уровне жизни населения, станет одной из важных причин окончания для европейцев эры изобилия, о котором говорил президент Франции Э. Макрон (*Der Spiegel*. 24.08.2022). Тем не менее Германия будет продолжать двигаться по этому пути методом проб и ошибок, нередко в ущерб своим национальным интересам. В то же время политическое руководство ФРГ будет более тщательно просчитывать геополитические риски в сфере энергетической политики.

Реализация Зеленого перехода в ФРГ окажет заметное влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране. Будет расти электоральная поддержка партий, в большей степени учитывающих социально-экономические последствия отказа от традиционных энергоносителей. В случае,

если Партии зеленых не удастся преодолеть ряд идеологических табу в своих взглядах в области

энергетической политики, шансы на ее превращение в народную партию будут невысокими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонард М. [и др.]. Геополитика Европейского зелёного курса / М. Леонард, Ж. Пизани-Ферри, Д. Шапиро, С. Тальяпьетра, Г. Вольф. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/>
2. Quaschnig V. *Energirevolution jetzt!* München : Hanser, 2022.
3. Белозёров В. К., Кирилина Е. Ю. Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях // Русская политология. 2017. № 3 (4). С. 52–56.

REFERENCES

1. Leonard, M., Pizani-Ferri, G., Shapiro, D., Taljapjetra, S., Wolf, G. (2021). *Geopolitika evropejskogo zelyonogo kursa* = The Geopolitics of the European Green Deal. <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/> (In Russ.).
2. Quaschnig, V. und C. (2022). *Energirevolution jetzt!* München: Hanser. (In German).
3. Belozero, V. K., Kirilina E. Yu. (2017). Priorities of the environmental policy of the Federal Republic of Germany in modern conditions. *Russian Political Science*, 3(4), 52–56. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рукавицын Петр Михайлович

доктор политических наук, доцент

доцент кафедры военного регионоведения

Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rukavitsyn Petr Mihailovich

Doctor of Political Science (Dr. habil),

Associate Professor at the Department of Regional Studies

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 11.09.2022
одобрена после рецензирования 20.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 11.09.2022
approved after reviewing 20.09.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 327.8

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики

Ю. В. Синчук¹, Б. Е. Власов², А. Е. Огурцов³

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sinhukjv@mail.ru

^{2,3}Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия
²b.e.vlasov@mail.ru

³a.ogurtsov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история развития цифровой дипломатии как инструмент внешней политики. Раскрывается термин «цифровая дипломатия», изучается история данного феномена и его применения в современности. Основное внимание уделяется методам цифровой дипломатии внешнеполитическими ведомствами государств. Рассматриваются примеры реализации деятельности через цифровую дипломатию МИД РФ; обозначаются проблемы и перспективы развития цифровой дипломатии и способы ее воздействия на современную политику.

Ключевые слова: Россия, США, цифровая дипломатия, методы цифровой дипломатии, внешняя политика, социальные сети, МИД РФ

Для цитирования: Синчук Ю. В., Власов Б. Е., Огурцов А. Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 52–61. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

Original article

Digital Diplomacy as a Tool of Foreign Policy

Yuri. V. Sinchuk¹, Boris E. Vlasov², Alexander E. Ogurtsov³

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sinhukjv@mail.ru

^{2,3}Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
²b.e.vlasov@mail.ru

³a.ogurtsov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the history of the development of digital diplomacy as a tool of foreign policy. The definition of the term «digital diplomacy» is given, the history of the development of this phenomenon and its application in the current world order are studied. The main focus is on the use of methods of digital diplomacy by foreign ministries. Examples of the implementation of activities through digital diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation are considered; the current problems and prospects for the development of the department's activities in the digital space of foreign policy are outlined.

Keywords: Russia, USA, methods of digital diplomacy, methods of digital diplomacy, foreign policy, social networks, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

For citation: Sinchuk, Yu. V., Vlasov, B. E., Ogurtsov, A. E. (2022). Digital diplomacy as a tool of foreign policy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 52–61. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_52

ВВЕДЕНИЕ

Формирование современного цифрового поля ускорило темпы развития глобализации во всем мире, стирая границы между континентами. Концепция «мягкой силы», фокусируемая исключительно на невоенной активности, претерпевает видоизменения [Публичная дипломатия: теория и практика, 2019]. Внедрение цифровых технологий в области публичной дипломатии имеет как положительный эффект, так и возможные риски и угрозы использования цифровых платформ.

Понятия «цифровая дипломатия», «дипломатия социальных сетей», «интернет-дипломатия» впервые были использованы в рамках внешнеполитических взаимоотношений США. Если анализировать эти термины детальнее, то они предполагают открытое и широкое использование разных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в Интернете для установления контакта с целевой аудиторией согласно проблемам, связанным с внешней политикой государства [Цветкова, 2011].

Е. С. Зиновьева определяет термин «цифровая дипломатия» как одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения [Зиновьева, 2013].

На современном этапе можно наблюдать как интернет-платформы всё активнее применяются в качестве инструмента общественно-политической пропаганды. И их главным преимуществом является не только ведение диалога с обществом. Взаимодействие первых лиц стран и различных ведомств, отвечающих за внешнеполитическую деятельность, с помощью Интернета получает огромное влияние и, бесспорно, демонстрирует новейшие возможности коммуникации. На современном этапе результативными методами взаимодействия с электоратом считаются проведение интернет-дебатов в прямом эфире, обращение к интернет-пользователям напрямую.

Цифровая модель дипломатии постоянно развивается и совершенствуется. Если раньше дипломаты коммуницировали с населением при помощи различных печатных изданий либо общественных встреч, то сегодня взаимодействие допустимо также и в Интернете, в интерактивном и зачастую неофициальном стиле, что дает возможность незамедлительно доносить сведения и определять повестку дня. Необходимо отметить, что модель цифровой дипломатии почти самостоятельна от интернациональных нормативно-правовых актов, в том числе и от Венской конвенции дипломатических взаимоотношений. Согласно данному фактору,

цифровая дипломатия способна формировать собственные личные направленности, более свободное и неформальное общение. Однако внешнеполитические ведомства формируют указания, которые обозначают работникам границы дозволенного. Так как единственный неправильный либо неясный, согласно собственной формулировке, «пост» способен не только спровоцировать отрицательную реакцию и шквал критики, но и вызвать неустойчивую мировую и финансовую обстановку (<https://medium.com>).

Огромные возможности для дипломатии заключаются в формировании многостороннего партнерства, взаимодействия, коммуникации, извлечения данных и их обмена. В связи с этим становится актуальным вопрос приспособления министерства иностранных дел к новейшим каналам связи, а также коммуникации в сфере информационно-коммуникационной технологии (Information and Communication Technologies).

Отделения политических ведомств, ответственных за инновационные информационные технологические процессы, станут главными элементами стратегического планирования, а в скором времени возникнут новейшие форматы цифрового внутреннего и внешнего дипломатического общения, что повлечет за собой ужесточение требований к качеству информационной культуры [Цветкова, 2011].

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Периодом появления цифровой дипломатии как инструмента информационного влияния считается первый срок экс-государственного секретаря США Х. Клинтон. В тот момент стало понятно, что соцсети предоставляют возможность коммуницировать с большими массами людей вне зависимости от нации и их места нахождения. Главной задачей этого аспекта является создание позитивного имиджа страны за ее границами, и, кроме того, обеспечение международной безопасности по каналам цифровой дипломатии [Зиновьева, 2013].

Цифры и факты говорят об эффективности работы Х. Клинтон, которая с помощью методов цифровой дипломатии смогла значительно увеличить число подписчиков на официальной страничке Госдепа.

В тот период времени число учетных записей, которое находилось под ведомством Государственного департамента США, составляло около 20 млн. В 2010–2011 гг. были сформулированы задачи цифровой дипломатии, которые стали

основополагающими в реализации политики США в мире, через взаимодействие с другими акторами международных отношений, в целях достижения своих национальных интересов. В опубликованных официальных документах, в частности, в таком как «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром», отмечается, что дискредитация и деморализация соперника находились в сфере основных задач [Най, 2006]. Так, в мировом медиапространстве США ставили задачи: ограничение китайского влияния в Интернете, дискредитация российских медиа на территории СНГ и ограничение внешней культурной политики Ирана.

Чуть позднее в 2011–2013 гг. в информационном поле благодаря «Стратегическому плану развития информационных технологий в 2011–2013 гг.: цифровая дипломатия» [Ross, 2011], стали появляться новые термины и понятия, которые легли в основу современной цифровой дипломатии США. Как следствие документа Росса, понятийный аппарат и методология ведения цифровой дипломатии, а также ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий и популяризация соцсетей позволили Госдепу США создать отдел, занимающийся исключительно этой областью.

Область применения цифровых технологий растет с колоссальной скоростью. Сегодня нет практически ни одной сферы деятельности, где бы не были применены цифровые технологии, тем не менее – сфере коммуникации. Способы передачи информации совершенствуются с каждым годом, а коммуникационные устройства преодолевают самые смелые ожидания. Бум социальных сетей неотъемлемо влияет на повседневную жизнь миллионов людей и непосредственно на традиционно консервативную сферу – международные отношения, закрепив эти изменения во внешней политике. Появилась новая область, в которой правительства напрямую взаимодействуют с общественностью за рубежом при помощи социальных сетей.

В настоящее время цифровая дипломатия стратегическая составляющая «мягкой силы» государства. В инструментарии цифровой дипломатии находятся всевозможные ресурсы Интернета, со всеми вытекающими отсюда переменными, позволяющими пользователю самостоятельно видоизменять способ взаимодействия с аудиторией (веб-сайты, форумы, социальные сети, подкасты, интернет-СМИ и др.). Все эти способы взаимодействия позволяют внедрять нужную актору «правильную» идеологию.

Эволюция цифровых технологий последнего десятилетия свидетельствует о глобальных изменениях цивилизационного развития человечества.

В процессе исследования были применены научные методы: конкретно-исторический, логический, деятельностный. Ввиду специфики проблемы в разработку темы реализации цифровой дипломатии большой вклад внесли ивент- и контент-анализ, которые позволили изучить деятельность органов власти, ответственных лиц и других акторов, а также документы в сфере цифровой дипломатии различных государств. Качественно проанализировать все аспекты цифровой и традиционной дипломатии позволил метод SWOT-анализа, матрица которого отобразила все ее сильные и слабые стороны.

Вопросы в повестке дня кибердипломатии включают кибербезопасность, киберпреступность, укрепление доверия, право на свободное выражение мнения в Интернете, свободу СМИ и управление Интернетом. Таким образом, кибердипломатия полностью или частично осуществляется дипломатами, встречающимися в двусторонних форматах (например диалог США и Китая) или на многосторонних форумах (ООН). Помимо традиционных приемов, дипломаты взаимодействуют с различными негосударственными субъектами: руководителями интернет-компаний (Facebook или Google), технологическими предпринимателями или организациями гражданского общества. Сегодня дипломатия посредством современных технологий может влиять на результаты волеизъявления. Это определяет деятельность кибердипломатии как международного института. Мы исключаем из нашего определения «цифровая дипломатия» более техническое взаимодействие между отраслевыми министерствами (например, юстиции, телекоммуникаций, экономики) или официальными агентствами (например, группы реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации) из разных стран. Необходимо отличать чисто дипломатические действия от действий между государственными ведомствами и учреждениями, взаимодействия, которые предшествовали дипломатическим, но первостепенной задачей которых являлись решение технических, а не политических вопросов.

В цифровой дипломатии существует определенная «серая зона», где некоторые действия могут дополняться или комбинироваться. Эта «серая зона» на практике приводит к некоторой напряженности между национальными заинтересованными сторонами по вопросам компетенции и представительства.

В контексте традиционной дипломатической деятельности, в том числе в консульских целях, используются новые технологии и социальные сети (Хокинг и Мелиссен, 2015; Сандре, 2015;

Сейб, 2016). По словам Тома Флетчера, цифровая (электронная) дипломатия (англ. digital diplomacy, e-diplomacy) официально появилась 4 февраля 1994 г., когда экс-премьер-министр Швеции Карл Бильдт отправил первое дипломатическое электронное письмо президенту США Биллу Клинтону, поздравляя его с отменой эмбарго против Вьетнама.

В современной действительности человечество достигло уровня искусственного интеллекта, позволяющего аккумулировать и анализировать Big data – информацию, полученную от огромного количества пользователей (это и анализ хештегов, и оценка реакции пользователей, и выявление ключевых блогеров, и анализ содержания постов и комментариев и т. д.). При этом для подготовки постов и контрмесседжей всё чаще применяются боты как механизм реагирования на негативную информацию.

Еще не так давно, в 2000-х годах привлечение целевой аудитории, сбор новых пользователей соцсетей осуществлялся посредством диалога или убеждения, на интернет-вещание переходили радио- и телеканалы, государственные ведомства и политики заводили аккаунты и создавали веб-страницы.

В современных же условиях речь идет о проведении полномасштабных информационных кампаний, которые подразумевают имплементацию (англ. *to implement* – *претворять в жизнь*) – реализацию на практике, претворение в жизнь какой-либо теории, договора, закона, идеи, концепции «острой силы» (форма внешнеполитической деятельности, предполагающая использование средств манипулирования общественным мнением в других государствах и направленная на подрыв их политических систем) и использование методики Big data в целях детального исследования аудитории соцсетей, получения необходимых сведений о взаимоотношениях между владельцами аккаунтов, групп, сообществами, о политических пристрастиях людей и, на основе анализа, создание целевых аудиторий по интересам, геолокации, возрасту и прочим метрикам, и дальнейшее влияние на них, использование в своих интересах.

Социальные сети YouTube, Twitter и Facebook являются наиболее ангажированными в мировой политике и способными оказывать влияние на политическую карту мира

Определяя момент зарождения цифровой дипломатии, можно сделать вывод, что подъем этого явления начался в январе 2009 г. Понятие «информационная война» стало нарративом «кибервойн», упуская из виду тот факт, что кибервойна направлена больше на дестабилизацию технического

и программного обеспечения и является частью информационной войны, которая имеет более широкий смысл.

Риски повсеместного распространения различных каналов связи – сети: экстремизм и терроризм, навязывание диссидентской идеологии и внешнеполитической пропаганды, кибервойны.

Целью деятельности террористических организаций в медиасетях является захват умов молодых людей, учитывая доступность и популярность социальных сетей в молодежной среде. По этой причине уже с начала прошлого десятилетия в России возникла необходимость создания государственных программ кибернетической безопасности, в том числе и на социальных платформах (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-veb-2-0-kak-feysbuk-i-sotsseti-menyayut-mirovuyu/>).

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИИ

С июня 2012 г. тема цифровизации предприятий и государственных структур стала одной из важнейших стратегического развития России. Цифровая дипломатия представляется эффективным инструментом ведения не только «мягкой силы», но и информационной войны.

Президент РФ В. В. Путин на совещании в МИД РФ призвал действующих дипломатов активно использовать современные технологии ведения публичной дипломатии с целью освещения позиции государства по приоритетным вопросам и задачам, «разъяснять наши позиции, на разных платформах и с использованием новых технологий, пока не дойдет».

Первыми онлайн-платформами Интернета в РФ стали зарубежные социальные сети:

- 1999 г. – платформа LiveJournal.com,
- 2006 г. – социальная сеть Twitter и социальные платформы «ВКонтакте», аналог Facebook, «Одноклассники» и Instagram.

В 2002 г. государственные и муниципальные структуры РФ начали осваивать интернет-пространство, тогда же и был разботан первый сайт Президента РФ и президентский блог. Позднее президентский аккаунт был зарегистрирован в Twitter и на его китайском аналоге WEIBO. Все государственные и муниципальные ведомства, а также другие органы власти РФ имеют свое собственное медиапространство в Интернете. МИД РФ активно реализует свои планы по информированию приоритетов внешней политики посредством «твитдипломатии», которая интегрирована в цифровую систему.

На фоне цифровой дипломатии были запущены первые информационные сайты МИДа России в YouTube, «Твиттере» и «Фейсбуке», активизировалось проведение интервью, прессконференций, выступлений и брифингов руководителей министерства. В социальных сетях и на медиаплощадках происходило наполнение соответствующих аккаунтов, в частности, размещение на ведомственном канале МИД РФ в You Tube, который набирал многотысячные просмотры. На сайте «Россия сегодня» был запущен проект, который включал в себя развертывание блогов, освещающих определенные темы телеканала RT.

На нескольких социальных платформах был представлен МИД РФ как самый популярный аккаунт в Twitter (@MID_RF), который собрал 1,3 млн читателей, канал YouTube – 27 тыс. подписчиков, Facebook – 439 тыс. К 2019 г. социальными платформами и Интернетом (Facebook и Twitter) стало пользоваться 83,2 % россиян. В рейтинге «Цифровой дипломатии» (Digital Diplomacy Index) Россия вышла на восьмую строчку (<https://medium.com>)

При этом со стороны западных агентств в сфере медиапространства Россия всегда испытала и испытывает существенное давление, которое в первую очередь направлено на дестабилизацию и подрыв кредита доверия к нашей стране как международному актору. Против РФ в цифровом медиапространстве используются электронные ресурсы и цифровые платформы для дезинформации в совершенно разных сферах деятельности от энергетической до политической. Поэтому дипломатические ведомства РФ должны рационально и своевременно задействовать возможности цифровой дипломатии для предотвращения подобных прецедентов с целью формирования позитивного имиджа государства за рубежом.

В современном мире в цифровых технологиях произошли существенные изменения – подача информации осуществляется как с использованием традиционных методик, через СМИ (периодические издания, телевидение и радио), так и широко используются цифровые источники, не являющиеся официально зарегистрированными средствами массовой информации, но имеющие важное значение в формировании общественного мнения. Вопросы внешней политики заняли особое место среди самых востребованных тем.

С появлением личных блогов, «живых журналов», интернет-сайтов и социальных сетей открылись новые площадки, расширился охват акторов различных масштабов, включая президентов крупнейших государств и домохозяек, бизнесменов и правозащитников.

Жизнь современного общества неразрывно связана с социальными сетями – структурой, основанной на контактах индивидов между собой, обмене разнообразной информацией. Пользование социальной сетью стало привычным явлением не только для граждан, но и для дипломатов и политических деятелей. Появилась возможность в онлайн-режиме следить за изменениями международных политических событий, комментировать их, анализируя ситуацию в каждом конкретном случае, создавать позитивный имидж своего государства за рубежом и наблюдать в количественных показателях мнение пользователей. Значительный рост пользования Интернетом и социальными сетями (онлайн-работа, учеба, конференции, совещания, развлечения и т. д.) отмечен в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, на внешнюю политику России и других стран мира в последние годы огромное влияние оказывают цифровые технологии. Социальные сети для обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса, SMS, средств мгновенного обмена или сторонних программ-клиентов для пользователей Интернета любого возраста стали инновационными инструментами публичной дипломатии и изменили форму восприятия дипломатических процессов.

ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Между цифровой дипломатией и социальными сетями в современном мире существует неразрывная связь. Электронная дипломатия в отрыве от социальных сетей всё равно, что корабль без моря. Безусловно, уровень цифровой дипломатии зависит от степени развития цифровых технологий в регионе, что, в свою очередь, влияет на общественное мнение, принимающее и непринимаящее ценности, которые несет цифровая дипломатия.

Обеспечение безопасности нашей страны требует усиления государственного регулирования интернет-сферы и контроля над социальными площадками, что, безусловно, спровоцирует появление ограничений, но позволит внедрить средства цифровой дипломатии в практику (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-veb-2-0-kak-feysbuk-i-sotsseti-menyayut-mirovuyu/>).

Во всем мире социальные сети получили признание общественности, поскольку главным критерием их популярности стала доступность. Новые медиа позволяют общественности общаться в неформальной обстановке. Социальные платформы в Интернете занимают особое место в политике

«мягкой силы» и проведения цифровой дипломатии. Ярким примером подобной платформы стал TikTok. Алгоритмы приложения подстраиваются под предпочтения пользователя на основе затраченного на просмотр времени, поставленным «лайкам», переходам на другие страницы пользователей. На основе анализа данных пользователя строится его модель предпочтений и создается «уникальная реальность индивида» – информационный вакуум [Синчук, Каширина 2021, с. 87].

Активное финансирование разработки цифровых продуктов с использованием искусственного интеллекта выдвинет цифровую дипломатию на новый уровень. Уровень прогнозирования предпочтений пользователя на примере TikTok вырастет многократно, что позволит в дальнейшем сформировать идеи для повышения имиджа государства [Лебедева, 2021; Най, 2006]. Стремление к модернизации инструментов, подразумевает под термином «цифровая дипломатия» значительно больше, чем просто использование социальных сетей в политических и дипломатических целях. В современном мире цифровая дипломатия – значимое и мощное явление достижений внешней политики, которое меняет мировую политику.

Разные сферы жизни меняются благодаря новым технологиям. Так, для современного политика обязательным условием является наличие страницы в социальных сетях, способствующей его прямой коммуникации со своими избирателями и внешним миром. Во внешнеполитической сфере технологические новшества также завоевывают свое место. Дипломатические ведомства стран мира внедряют в свою деятельность цифровые технологии: расширяют присутствие в социальных сетях; посредством специализированных программ проводят анализ высказываний пользователей на разные темы. Использование социальных сетей в целях продвижения государственных и муниципальных учреждений, кандидатур и других политических акторов явление далеко не новое. Например, согласно исследованию Twiplomacy 2018 г., 97 % государств – членов ООН официально присутствуют в Twitter [Карпович, Троянский 2020].

С приходом цифровой дипломатии появились новые формы ее реализации. Так, например, в США электронная дипломатия используется сразу в нескольких ведомствах для продвижения внешней политики и позиции государства на мировой арене. В Дании существует должность «цифровой посол», который от имени государства действует в киберпространстве. В последние годы другие страны также активно использовали цифровую дипломатию. Деятельность премьер-министра

Индии Нарендры Моды в социальных сетях стала образцом эффективной цифровой дипломатии. Использование механизмов цифровой дипломатии позволяет расширить личностные возможности политического актора и повысить эффективность управления. Так, например, подключив ресурсы веб-дизайна, сайты правительств Южной Кореи и Индии смогли эффективно использовать возможности Интернета для автоматизации обращения граждан.

Цифровая деятельность в области дипломатии и обмена между людьми также может оказывать давление на международные отношения. В Северо-Восточной Азии, например в Японии, Южной Корее и Китае, использование социальных сетей в политике было связано с распространением ненавистнических высказываний и официальных нарративов, направленных на ослабление региональных соперников.

Проблема возникновения пандемии COVID-19 привнесла значительные новшества в цифровую дипломатию, в том числе было немало примеров участия социальных медиа в международных дебатах, постоянные обмены негативными сообщениями на цифровых платформах в период кризиса эболы между представителями госструктур США, представителями ВОЗ и «Врачи без границ».

По словам бывшего госсекретаря США Джона Керри, вовлечение и использование цифровых сетей в публичной дипломатии становится всё более необходимым, что позволяет утверждать о цифровом измерении как об основе электронной дипломатии. Вместе с этим появляются всё новые угрозы использования цифровых платформ в этих целях, так как нормы дипломатического поведения часто игнорируются. Акцент на сдерживание и реагирование глубоко укоренился в представлениях о национальной безопасности. Показательно, что Закон о кибердипломатии в его нынешней редакции призывает Государственный департамент «возглавить усилия правительства Соединенных Штатов по созданию глобальной системы сдерживания злонамеренной киберактивности; разрабатывать и реализовывать специфичные для противника стратегии, чтобы влиять на принятие противником решений посредством наложения затрат и стратегий сдерживания; способствовать наращиванию иностранного потенциала для защиты Глобальной сети с целью обеспечения участия единомышленников в механизмах сдерживания».

Хотя сдерживание как стратегический подход применимо к физическим областям конфликта и налагает пропорциональные издержки за потенциальные кибератаки, которые приводят к гибели людей и разрушениям, оно не может остановить

натиск киберагрессии ниже уровня вооруженного конфликта. Планируемые вторжения и нарушения вокруг «красных линий» определяются после того, как вторжения и нарушения уже совершены. Такие «красные линии» в киберпространстве трудно определить и на них трудно реагировать, в то время как противник устанавливают время, темп и условия соревнования. Но коллективные усилия способны препятствовать агрессии в киберпространстве до того, как будет нанесен ущерб народам.

Что дестабилизирует, так это сдержанность перед лицом непрерывных расследований и вторжений, которые по отдельности могут быть тривиальными, но в совокупности меняют глобальное распределение власти и влияния, создавая новые нормы, противоречащие нашим интересам. Кибердипломатия мобилизует партнеров на реагирование, предотвращение и ослабление неправомерного поведения противника.

На саммите 2015 г., когда лидер Китая Си Цзиньпин и президент Тайваня Ма Инцзю встретились ради демонстрации мира традиционно пожать руки, китайские хакеры вторглись в тайваньский Facebook. Также ярким примером негативного использования социальных платформ являются выпады в сторону РФ со стороны Запада [Карпович, Троянский 2020].

Кроме того, угроза внедрения цифровой дипломатии в социальные сети заключается в том, что террористические группы используют эти сети как платформу для распространения своих официальных позиций, в качестве примера запрещенная в России группировка «Исламское государство» после терактов в Париже в 2015 г. публично заявила в Twitter, что берет на себя ответственность за теракты.

Вызовы и угрозы цифровой дипломатии в глобальном масштабе заключаются в разделении сферы информации, дезориентации национальной составляющей в информационном поле, отделение национального от регионального.

2021 г. уже стал знаменательным для проблем кибербезопасности как по масштабу, так и по сложности крупных атак, что свидетельствует о необходимости более активного участия стран в установлении и соблюдении ожиданий ответственного поведения для обеспечения безопасности и стабильности в Интернете. Международная кибербезопасность не может продвигаться вперед только на основе диалога между ограниченным числом передовых кибердержав. Во взаимосвязанном мире в целях всеобщей безопасности ответственность за установление и соблюдением международных обязательств возлагается на все государства.

Необходимо демистифицировать эту новую область дипломатии и предоставить дорожную карту для стран, развивающих свой собственный потенциал кибердипломатии. Когда дело доходит до этой области человеческой деятельности и конфликтов – киберпространства – знание того, как структурировать дипломатические обязанности и в каких форумах участвовать с ограниченными ресурсами, может быть сложной задачей. Действительно, это новая дипломатическая сфера, в которой все государства только учатся ориентироваться, и единого подхода для всех не существует. Однако, хотя серебряной пули может и не быть, в последние годы появилось множество передовых практик и моделей, которые правительства могут и должны изучить и принять.

С момента вступления в силу Соглашения о технологиях кибербезопасности в 2018 году был проведен ряд многосторонних форумов по кибердипломатии, в том числе в ООН, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Глобальный форум по киберэкспертизе (GFCE), Форум по управлению Интернетом (IGF) и др. Перспективными задачами были указаны следующие:

- взаимодействие напрямую со многими представителями первого поколения кибердипломатов из разных стран мира;
- создать или усовершенствовать, основываясь на имеющемся опыте, свой собственный потенциал кибердипломатии.

Преодоление так называемого цифрового разрыва необходимо для построения инклюзивной глобальной экономики, вовлечение всех стран в переговоры по кибердипломатии необходимо для построения безопасного, справедливого и уважающего права онлайн-мира, отражающего разнообразие интересов и потребностей. Государства, не обладающие необходимой дипломатической силой в этих вопросах, рискуют остаться в стороне от важных соглашений или принять их как свершившийся факт. Более того, многие международные соглашения о кибербезопасности требуют от соответствующих стран принятия мер и выполнения обязательств, требующих координации.

Программы цифровой дипломатии Соединенных Штатов несут в себе угрозу дестабилизации безопасности на глобальном уровне, поскольку каждое продвижение к целям своих национальных интересов разрушает баланс сил на международной арене, что, безусловно, вызывает ответную реакцию у других акторов международных отношений и превращает цифровую дипломатию в инструмент информационной войны (<https://nicbar.ru/politology/study/56-kurs>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровые ресурсы должны рассматриваться как дополнительная форма осуществления публичной дипломатии. Внешнеполитические ведомства и международные организации, используя цифровую дипломатию, смогут удовлетворить свои глобальные потребности. Одна из задач дипломатии – это разъяснение. Ссылаясь на слова С. В. Лаврова «...без социальных сетей сейчас ни одна профессия не может обойтись, а дипломатия тем более» (<https://russiancouncil.ru/analytics-andomments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vcherei-segodnya/>).

Публичная дипломатия способствует росту имиджа страны, ее культурному присутствию в других странах, что проецирует предполагаемый образ нации и способствует достижению высокого доверия и взаимопонимания между государствами.

Эффективная кибердипломатия начинается с осознания правительством того, что эти вопросы оказывают глубокое влияние не только на международную киберстабильность, но и на экономику, торговлю и другие международные обязательства. В повестке дня внешней политики должны быть четко сформулированы основные направления деятельности правительства, а также указаны

долгосрочные цели международного сотрудничества.

Кибердипломатия должна соответствовать внутренней и внешней политике страны, которая достигается путем согласования национальной правовой базы и политики с международными обязательствами, а также координации ее внутреннего подхода к кибербезопасности с ее международными усилиями.

Правительствам необходимо развивать дополнительные компетенции и навыки, ориентированные на вопросы кибербезопасности, в дополнение к традиционным методам и процессам дипломатии и торговли.

Малые государства и развивающиеся экономики должны учитывать технические знания и ресурсы для решения вопросов по крупным и сложным проблемам глобального управления.

Учитывая множество двусторонних, региональных, многосторонних и частных сетей, в которых осуществляется кибердипломатия, государства должны стремиться к достижению внешнеполитических целей, корректировки своих возможностей в области кибердипломатии. Государства должны взять на себя обязательство применять международное право к киберпространству и внедрять существующие инструменты для борьбы с киберпреступностью и другими угрозами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2019.
2. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. США и Канада // Экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.
3. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс Безопасности. 2013. № 1 (104). С. 213–229.
4. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск ; М. : Тренды, 2006.
5. Ross A. Digital Diplomacy and US Foreign Policy // The Hague Journal of Diplomacy. 2011. № 3–4. Vol. 6. P. 451–455.
6. Синчук Ю. В., Каширина Т. В. Перспективы и возможности цифровой дипломатии // Журнал политических исследований. 2021. № 2. С. 87–101.
7. Лебедева О. В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 2021. № 5. С. 102–111.
8. Карпович О. Г., Троянский Г. М. Цифровая дипломатия. Особенности использования цифровой дипломатии иностранными внешнеполитическими ведомствами и международными организациями // Дипломатическая служба. 2020. № 4. С. 99–105.

REFERENCES

1. Publichnaya diplomatiya: Theory and practice = Teoriya i praktika. ed. M. M. Lebedevoy. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2019. (In Russ.)

2. Cvetkova, N. A. (2011). Web 2.0 programs in US Public Diplomacy. USA And Canada: economy, politics, culture = Programmy Web 2.0 v publichnoy diplomatii SSHA. SSHA I Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 3, 109–122. (In Russ.)
3. Zinov'eva, E. S. (2013). US Digital Diplomacy: Opportunities and threats to international security = Cifrovaya diplomatiya SSHA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoj bezopasnosti. Indeks Bezopasnosti, 1(104), 213–229.
4. Naj, D. S. (2006). Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike. Novosibirsk ; Moscow: Trendy.
5. Ross, A. (2011). Digital Diplomacy and US Foreign Policy. The Hague Journal of Diplomacy, 6(3–4), 451–455.
6. Sinchuk, Yu. V., Kashirina, T. V. (2021). Prospects and opportunities of digital diplomacy = Perspektivy i vozmozhnosti cifrovoj diplomatii. Zhurnal politicheskikh issledovaniy, 2, 87–101.
7. Lebedeva, O. V. (2021). Modern tools of «digital diplomacy» as the most important element of «soft power» = Sovremennye instrumenty «cifrovoj diplomatii» kak vazhnejshij element «myagkoj sily». Mezhdunarodnaya zhizn', 5, 102–111.
8. Karpovich, O. G., Troyanskij, G. M. (2020). Digital diplomacy. Features of the use of digital diplomacy by foreign foreign ministries and international organizations = Cifrovaya diplomatiya. Osobennosti ispol'zovaniya cifrovoj diplomatii inostrannymi vneshnepoliticheskimi vedomstvami i mezhdunarodnymi organizაციyami, Diplomaticheskaya sluzhba, 4, 99–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синчук Юрий Владимирович

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Власов Борис Евгеньевич

кандидат юридических наук
начальник кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

Огурцов Александр Евгеньевич

кандидат юридических наук
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sinchuk Yuri Vladimirovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of the Department of Theory and History of International Relations
Moscow State Linguistic University
Professor of Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vlasov Boris Evgenievich

PhD (Law)
Head of the Theory and Methodology Department of Public Administration
Management Academy of the Ministry of Internal Affairs

Ogurtsov Alexander Evgenievich

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Operational-Investigative Activities Management Academy of the Ministry of Internal Affairs

Статья поступила в редакцию 05.07.2022
одобрена после рецензирования 03.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 05.07.2022
approved after reviewing 03.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 323.1

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_62

Илья Семенович Кремер – фронтовик, мыслитель, человек

К. Б. Божик

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

kristina_bozhik@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути Ильи Семёновича Кремера (1922–2020) – доктора исторических наук, профессора, известного специалиста по истории европейской дипломатии и истории Германии XX века. И. С. Кремер – однокурсник многих будущих крупных историков, обучался на истфаке МГУ. В 1941 г. он стал рабочим оборонного завода, а в 1943 г. – военнослужащим Красной Армии и закончил войну в Берлине. В биографии И. С. Кремера заметное место занимают его дружба с выдающимися деятелями Германии, работа на руководящих постах Международной федерации борцов Сопротивления – Союза антифашистов (ФИР – СА), уникальный опыт преподавательской деятельности, которую он не оставлял до конца своих дней.

Ключевые слова: И. С. Кремер, фронтовик, Великая Отечественная война, историк, историческая наука, Советский комитет ветеранов войны, Российский союз ветеранов, Международная федерация борцов Сопротивления – Союз антифашистов

Для цитирования: Божик К. Б. Илья Семёнович Кремер – фронтовик, мыслитель, человек // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). 62–66. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_62

Original article

Ilya Semenovitsch Kremer – War Veteran, Thinker, Human

Kristina B. Bozhik

Moscow state linguistic university, Moscow, Russia

kristina_bozhik@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the life path of professor Ilya S. Kremer (1922–2020), a famous researcher on the history of European foreign affairs and on Germany of the 20th c. Ilya Kremer studied in the MSU, where he became a fellow-student to a bunch of historians well-recognized in the future. When the Great Patriotic War started in 1941, Ilya Kremer labored as a military industry worker. In 1943 he was drafted into the Red Army and finished the war in Berlin. The significant places in the biography of prof. I. S. Kremer are taken by his friendship with the figures of the German establishment, his guiding activity in the International Federation of the Resistance – the Anti-Fascist Association (FIR – AA), and his outstanding teaching activity lasted to the end of his life.

Keywords: I. S. Kremer, veteran, Great Patriotic War, historian, historical science, Soviet Committee of War Veterans, Russian Union of Veterans, International Federation of Resistance Fighters - Union of Anti-Fascists

For citation: Bozhik, K. B. (2022). Ilya Semenovitsch Kremer – war veteran, thinker and human. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 62–66. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_62

ВВЕДЕНИЕ

28 января 2022 г. исполнилось бы 100 лет Илье Семёновичу Кремеру (1922–2020) – видному российскому ученому и общественному деятелю, историку международных отношений, крупнейшему знатоку политической жизни ФРГ, фронтовику Великой Отечественной войны. Илья Кремер родился в Гомеле, в семье служащих. Вырос в городе Клинцы (ныне Брянская область), где окончил школу с отличием – как по старой памяти говорили, с «золотым аттестатом», который дал ему право без экзаменов поступить на исторический факультет Ленинградского университета. Оттуда Илья Кремер перевелся в Московский университет. Там его однокурсниками стали С. Шмидт, А. Каждан, М. Гефтер, А. Некрич. Позднее на поприще исторической науки его друзьями были Л. Безыменский, А. Манфред, Г. Мирский, Г. Севостьянов, А. Фурсенко.

БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ

Началась война. Годы спустя И. С. Кремер признавал: он и многие его ровесники, знавшие, что война неизбежна, ждали ее не со страхом, а с воодушевлением и надеждой быстро покончить с фашизмом, показав, на что способны.

В июле 1941 г. третьекурсник И. Кремер вместе со своими товарищами-студентами был направлен на строительство Двинского оборонительного рубежа и трудился близ Рославля, на берегу Десны. Эти дни оставили у Ильи Кремера одно из воспоминаний о способностях человека поддаваться ненависти и превозмогать ее:

Одним из ярких впечатлений августовских дней сорок первого года был провод через село группы из тридцати–сорока немецких пленных, сброшенных на парашютах и захваченных нашими солдатами... Ни мы, ни сельские жители не произносили ни одного слова, никак не реагировали на это событие. Война только начиналась и еще не произвела того ожесточения в душах, которое пришло позже. Мимо нас шли даже не враги, а противники, потерпевшие этой ночью неудачу. Интересно сравнить эти чувства с тем, что я испытывал в первые дни мая сорок пятого в Берлине, когда оставленный один ночевать в центре города, в зенитном бункере, я дрожал от ночного холода, но не мог заставить себя укрыться немецким солдатским одеялом, которые там лежали десятками. В это время “немецкое” означало – фашистское, грязное, оскверненное, вызывавшее брезгливость... [Кремер, 2019, с. 154].

В первую военную осень Илья Кремер, продолжая учиться на историческом факультете

Московского университета, начал трудиться на заводе «Красная Пресня», где собирались боевые машины реактивной артиллерии, знаменитые «Катюши». Молодой студент заряжал аккумуляторы автомобилей. В главное здание университета на Моховой попала бомба, занятия прекратились, многие преподаватели были отправлены в эвакуацию. Илья записался в студенческий лыжный батальон, уходивший на защиту Москвы, но был оставлен в тылу из-за сильной близорукости, по мобилизации трудился токарем на авиазаводе.

В 1943 г. Илью Кремера призвали в армию и направили в школу младших командиров зенитной артиллерии. С лета 1944 г. он служил командиром зенитного орудия в 5-м зенитно-артиллерийском корпусе на 1-м Белорусском фронте. Сержант Кремер прошел Польшу и Германию и завершил Великую Отечественную войну в поверженном Берлине, расписавшись на колонне Рейхстага красным рекламным карандашом, на бегу подобранным в разбитой витрине писчебумажного магазина.

Перед этим, 3 или 4 мая, сержант Кремер получил распоряжение остаться на ночь в пустой башне ПВО в центре Берлина. Осмотрев башню, он устроился на ночлег. На рассвете его разбудил стук в дверь. За дверью стоял пожилой немец – лифтер, аккуратно пришедший на службу. Старик сообщил: возле здания собралась толпа голодных берлинцев. Они просят отдать им хлеб, который, по их убеждению, остался в солдатском буфете. Советский сержант с немецким лифтером отправились в буфет и обнаружили в картонных коробках несколько сотен завернутых в целлофан буханок черного хлеба.

Сержант Кремер предложил немцу вынести на улицу стол и позвать мужчин помоложе, чтобы они рядом со столом сложили коробки. Сам он вышел на улицу, дал команду столпившимся выстроиться в очередь и начал раздавать хлеб. Через несколько минут у толпы затормозил генеральский «Виллис». Генерал подозвал Кремера, поинтересовался, что происходит, и поддержал его действия, ободряюще сказав: «Правильно делаешь, сержант! Молодец!»

Илья Кремер отлично владел немецким языком, и командование часто привлекало его к переводу документов, найденных в сбитых самолетах противника. В архиве Министерства обороны РФ хранится план местности, нарисованный сержантом Кремером, помогавшим посланному на рекогносцировку офицеру. Во время битвы за Берлин Кремера в качестве переводчика прикомандировали к оперативной группе штаба 5-го зенитно-артиллерийского корпуса. Группа собирала сведения о работе ПВО на последних оборонительных рубежах гитлеровской Германии. Кремер как переводчик участвовал в допросах

пленных офицеров ПВО Берлина, включая их начальника полковника Веллермана. В представлении И. С. Кремера к награждению медалью «За боевые заслуги» отмечено: его переводы были точными, вопросы – «остроумными». Упоминается в представлении и то, что Кремер работал над составлением истории своего корпуса.

В первые послевоенные месяцы И. С. Кремера включили в группу советских специалистов, изучавших документацию по немецкой ракете «Фау-2». С изучения трофейных документов, отсортированных при участии переводчика Кремера, начались работы советских конструкторов под руководством С. П. Королева, через 12 лет открывшие дорогу в Космос.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В НАУКУ

Осенью 1945 г. Илья Кремер, получив звание лейтенанта запаса, был демобилизован. Вернувшись в Москву, он продолжил прерванное войной обучение в университете, совмещая учебу сначала с подработкой в «Совинформбюро», а затем с работой в качестве редактора и автора статей «Дипломатического словаря».

В 1948 г. Илья Семенович окончил исторический факультет МГУ. Завершая образование, он всё больше сосредоточивался на истории европейской дипломатии. Начальный путь его в науке был непрост. Начавшаяся «борьба с космополитизмом» не давала возможности остаться в университете в качестве преподавателя. С иронией Кремер вспоминал, что лишь тогда был поставлен перед фактом своего еврейского происхождения. В редакции «Дипломатического словаря», работавшей под руководством бывшего посла СССР в Великобритании И. М. Майского, И. С. Кремер по своей эрудиции и трудолюбию занял видное место, в том числе и в буквальном смысле: его разместили в одном кабинете с именитым главредом.

Незадолго до смерти И. В. Сталина в результате внутренних интриг в руководстве страны Майского арестовали как британского шпиона. Редакция была разогнана, И. С. Кремера вместе с другими сотрудниками вызывали на допросы, исключили из партии, два года он преподавал историю в автомеханическом техникуме при заводе «ЗИС», пока Майский не был оправдан. О своем опыте послевоенного десятилетия, о работе с сотрудниками «Совинформбюро» С. Лозовским и Э. Теумин, расстрелянными по делу Еврейского антифашистского комитета, о первых знакомствах с советскими дипломатами – Ю. В. Рубининым и И. М. Майским – и впечатлениях от тех не проясненных до конца

событиях И. С. Кремер описал в мемуарах «Дело «Дипломатического словаря»» [Кремер, 2018].

В 1955 г. И. С. Кремер смог трудоустроиться в Институте истории АН СССР и проработал там до 1966 г., занимаясь при этом подготовкой академического многотомника «Всемирная история». В 1966 г. в АН СССР был создан Институт международного рабочего движения, и Кремер занял в нем должность заведующего отделом истории. Он преподавал также в Высшей профсоюзной школе, а в 1974–1991 гг. – профессор Института общественных наук при ЦК КПСС. Многие дипломаты и управленцы, проходившие обучение в этих идеологических вузах, стали учениками Ильи Семёновича.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМАНИСТА

В 1960-е гг. И. С. Кремер заслужил известность в качестве крупного специалиста по истории международных отношений и Новейшей истории Германии. В эти годы им были подготовлены фундаментальные труды. В 1963 г. идеи, высказанные в кандидатской диссертации (1958), развил в монографии «Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией». Название работы и оценка событий были заданы временем, однако честное изложение материала не утратило актуальности. В 1970 г. появился 2-й том фундаментального труда «Германская история в Новое и Новейшее время», в котором И. С. Кремером написаны 10–11-я главы.

В 1971 г. И. С. Кремер защитил докторскую диссертацию. Эта работа легла в основу монографии «ФРГ: внутриполитическая борьба и внешняя ориентация» (1977), востребованной и в современных условиях. Данный труд знаменовал признание Кремера в качестве ведущего исследователя дипломатии и политической жизни ФРГ. Идеи книги получили развитие в новом труде «ФРГ: этапы восточной политики» (1986). Эти неустаревающие труды остаются базисом для тех, кто старается разобраться в истории и политике ФРГ.

Всего же перу профессора И. С. Кремера принадлежит более 150 научных, учебных, информационно-справочных работ, опубликованных на русском, немецком, английском и датском языках. И. С. Кремер – соавтор 13-томной «Всемирной истории» (1955–1983) и учебников для высших учебных заведений «История Новейшего времени стран Европы и Америки», «Очерк истории внешней политики СССР 1917–1963 годах», «История международных отношений в XX – начале XXI века». В 1970–80-е годы он неоднократно выступал

в телепередачах «Сегодня в мире» и «Международная панорама», комментируя события политической жизни ФРГ. Последнее телеинтервью профессора Кремера, посвященное воспоминаниям о войне и раздумьям о сохранении мира, состоялось на телеканале «Russia Today» в канун 9 мая 2019 года.

Еще до начала перестройки И. С. Кремер получил уникальный для советского историка опыт: в 1979, 1981, 1992 годах он выступал с курсами лекций в Свободном университете Западного Берлина, в 1985 г. – в Боннском университете, в 1993 г. – в Швейцарском техническом университете Цюриха. В 1993 г. курс И. С. Кремера «Советская революция и Россия после 1985 года» издан в Швейцарии, до сих пор труд не переведен на русский язык.

В 1993 г. профессор Кремер пришел в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), переименованный из знаменитого ИНЯЗа им. Мориса Тореза, и стал трудиться в вузе на кафедре международных отношений. И. С. Кремер как лектор, научный руководитель и мудрый, неизменно тактичный старший товарищ внес неоценимый вклад в развитие кафедры, в становление МГЛУ как самостоятельного центра российской исторической науки. Без его усилий сложно представить возвращение дипломированных историков, политологов, международников в стенах лингвистического университета.

Даже после своего 95-летнего юбилея И. С. Кремер не оставлял преподавательской работы и до последних дней жизни помогал коллегам, опекал докторантов и аспирантов, помогая им завершать то, что было задумано при его участии.

В БОРЬБЕ ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ

Профессор И. С. Кремер проявил себя и в иных сферах. Он был членом Московского союза журналистов, Советской ассоциации политических наук при Академии наук СССР, Советского комитета за европейскую безопасность.

Полвека И. С. Кремер отдал Советскому комитету ветеранов войны и Российскому союзу ветеранов. Уже будучи известным ученым, он по приглашению председателя комитета генерала армии П. И. Батова занялся международным направлением деятельности организации, осуществляя взаимодействие с ветеранами антифашистского движения капиталистических стран: Дании, Норвегии, Австрии, ФРГ. Илья Семёнович стал членом Президиума Комитета, однако сознательно отказывался от повышения в воинском звании, полагая, что этого достойны другие люди, имеющие больший фронтовой опыт и боевые заслуги.

С 1970-х гг. И. С. Кремер представлял СССР в руководстве Международной федерации борцов Сопротивления – Союз антифашистов (ФИР–СА). В сложные 90-е годы его избирали генеральным секретарем этой авторитетной организации, с 2004 г. он вошел в состав ее почетного президиума. И. С. Кремер был участником конгрессов ФИР–СА и Всемирного конгресса ученых за мир, многих конференций, посвященных памяти участников борьбы с нацизмом. По поручениям Советского комитета ветеранов войны (впоследствии – Российского союза ветеранов) и ФИР–СА И. С. Кремер выезжал в Австрию, Германию, Грецию, Данию, Израиль, США, Швейцарию. Ему удавалось не только связывать ветеранское движение и историческую науку России с зарубежными антифашистскими, пацифистскими, мемориальными организациями, но и развивать сотрудничество между зарубежными коллегами.

И. С. Кремер всей душой стремился к тому, чтобы участие России в ФИР – СА не угасло вместе с фронтовым поколением, чтобы наследники ветеранов и ученые-исследователи Второй мировой войны и антифашистского Сопротивления занимали в обществе активную и независимую позицию.

Во многом благодаря поддержке И. С. Кремера скульптор-нонконформист, ветеран и инвалид войны Вадим Сидур, поначалу востребованный в ФРГ, успел отчасти добиться прижизненного признания и в СССР. В годы перестройки при участии Ильи Семёновича был посмертно открыт музей художника.

В ФРГ друзьями профессора Кремера стали люди, немалую часть жизни уделившие исцелению ран, нанесенных миру нацизмом. Среди них такие известные личности, как бывший федеральный канцлер Гельмут Шмидт, помощник канцлера Вилли Брандта Эгон Бар, благотворитель Эберхард Ратцувайт, основавший фонд «Контакты». Много сделавший для детского здравоохранения в России Э. Ратцувайт признает, что на этот путь вступил благодаря И. С. Кремеру. В 2016 г. во многом благодаря усилиям И. С. Кремера и Э. Ратцувайта бундестаг ФРГ приравнял советских военнопленных к политическим жертвам гитлеровского режима. Дружбу с Ильей Семеновичем хранил Авраам Коэн, глава израильского Союза воинов и партизан – инвалидов войны.

На протяжении десятилетий личность И. С. Кремера была центром, через который соединялись судьбы множества незаурядных людей разных поколений, внесших заметный вклад в науку, искусство, дипломатическую службу, общественную жизнь России. История его ученичества, дружбы, наставничества требует особого исследования.

В 1945 г. за свой фронтовой путь И. С. Кремер был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», а в 1985 г. – орденом Отечественной войны II степени. Трудовые заслуги исследователя и педагога были отмечены орденами «Знак Почёта» и Дружбы народов. Профессор Кремер награжден Почетной медалью Совета Мира, почетным дипломом памяти М. Ванденборга (героя европейского Сопротивления), ветеранскими наградами СССР, России и Израиля.

В мае 2021 г. в МГЛУ, которому Илья Семенович посвятил завершающие 27 лет своей деятельности, состоялась встреча, посвященная памяти ученого. Коллеги И. С. Кремера из Российской академии наук, высших учебных заведения, внешнеполитического ведомства, Российского союза ветеранов пришли к выводу, что 100-летие ученого должно

быть достойно отмечено, чтобы стать точкой отсчета для многих конструктивных начинаний.

Большая часть жизни И. С. Кремера пришлось на советскую эпоху, налагавшую суровые ограничения на гуманитарную мысль. Вместе с тем именно в политологии, истории и теории международных отношений, длительное время подвергавшихся идеологическому прессингу, он стремился дать образец объективного знания и честного научного творчества. Наследие профессора Кремера, его научные труды, воспоминания, интервью – не только клад академического знания, но и чистый нравственный камертон. Прислушиваться к нему полезно будет как молодежи, так и зрелым людям.

И. С. Кремер – фронтовик, расписавшийся в мае 1945 года на Рейхстаге, остался в памяти людей как мудрый и скромный ученый, говоривший о важности борьбы за мир.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кремер И. С. Студенты – историки на «спецзадании» // Новая и Новейшая история. 2019. № 2. С. 150–155.
2. Кремер И. С. Дело «Дипломатического словаря» // Новая и Новейшая история. 2018. № 5. С. 181–197.

REFERENCES

1. Kremer, I. S. (2019). Students are historians on a «special assignment». Modern and contemporary history, 2, 150–155.
2. Kremer, I. S. (2018). The case of the «Diplomatic dictionary». Modern and contemporary history, 5, 181–197.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Божик К. Б.

преподаватель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bozhik K. B.

Lecturer of the Politology Department of the Institute
of International Relations and Social and Political Sciences
of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 09.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 09.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 94(970)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_67

Политические причины принятия решения об экономической реформе 1957 года в СССР

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

gorlov812@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен период подготовки Н. С. Хрущёвым реформы управления промышленностью и строительством (сер. 1950-х гг.). Отмечена поспешность Н. С. Хрущёва при проведении реформы управления, непродуманность важных ее сторон. Реформа Н. С. Хрущёва обострила взаимоотношения членов Президиума ЦК КПСС. Лидеру партии необходима была социальная опора в лице секретарей обкомов, которые в результате реформы становились не только политическими, но и экономическими руководителями своих регионов.

Ключевые слова: ведомственность, перестройка управления промышленностью и строительством, совнархоз, партаппарат, территориальная организация, отраслевое управление, централизованное планирование

Для цитирования: Горлов В. Н. Политические причины принятия решения об экономической реформе 1957 года в СССР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 67–73. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_67

Original article

Political Reasons for the Decision on Economic Reform in 1957 in the USSR

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

gorlov812@mail.ru

Abstract. The article examines the period of the mid-1950s, when N. S. Khrushchev was preparing a reform of industrial and construction management. The haste of N. S. Khrushchev in carrying out management reform, the ill-considered nature of its important aspects are noted. The reform of N. S. Khrushchev aggravated the relationship between the members of the Presidium of the Central Committee of the CPSU. The party leader needed social support in the person of regional committee secretaries, who as a result of the reform became not only political, but also economic leaders of their regions.

Keywords: departmental structure, restructuring of industrial and construction management, sovnarkhoz, party apparatus, territorial organizations, branch management, centralized planning

For citation: Gorlov, V. N. (2022). Political Reasons for the Decision on Economic Reform in 1957 in the USSR. Vestnik Moscow Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 67–73. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_67

ВВЕДЕНИЕ

Многие предприятия в регионах СССР подчинялись главкам, которые располагались в столице. Интересы ведомств стояли на первом месте, поэтому предприятия разных министерств выпускали одни и те же виды той или иной продукции. Например, предприятия 19 министерств изготавливали металлорежущие станки [Организация управления и планирования промышленности, 1960]. И таких примеров было множество. Такая неэффективная, нерациональная практика приводила к тому, что многие предприятия изготавливали непрофильную продукцию с довольно высокой себестоимостью, в то время как поблизости находились узкоспециализированные предприятия, выпускающие такую же продукцию и страдающие от недогрузки.

На июльском 1955 г. пленуме ЦК партии этот вопрос обсуждался всерьез. Приводилось много примеров о нерациональном подходе в экономике. Тогда же предлагали перенести все главки из Москвы на места, приблизив их к источникам сырья¹. После XX съезда партии создавались комиссии, в которые входили ведущие специалисты Госплана.

ПОДГОТОВКА К РЕФОРМЕ ВЕДОМСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

После смерти И. В. Сталина всего за три года из союзного подчинения в республиканское передали около 15 тыс. предприятий [Петров, 1958]. Н. С. Хрущёв на XX съезде КПСС докладывал: «Этот опыт себя оправдал: руководство предприятиями стало конкретнее, оперативнее»². Все эти конкретные действия затронули только количественную сторону сверхцентрализованного управления. Всё более становилось очевидным, что необходимо менять сложившуюся ведомственную систему управления.

В 1950-е гг. в стране стали создаваться специализированные территориальные организации. Самым ярким положительным опытом в этом направлении стало создание при Московском горисполкоме крупнейшей организации – Главмосстрой. Этот опыт хотели распространить и на другие регионы страны. Надо отметить, что В. М. Молотов при обсуждении вопроса о создании единой организации Главмосстрой был категорически против: «...нельзя сосредоточить руководство строительством

в одном главном управлении при Моссовете, этим делом должны заниматься все ведомства»³.

Отчет о деятельности Главмосстроя специально рассматривался на заседании ЦК КПСС в марте 1956 г. Опыт Главмосстроя стал главным аргументом, который приводил Н. С. Хрущёв в феврале 1957 г., ратуя за реформу управления. Ему он придавал исключительное значение (Фурцева Е. А. *Руководство народным хозяйством на новую, высшую ступень* // Правда. 05.04.1957).

Однако не всё так было гладко при распространении территориального опыта. Можно привести слова партийного лидера столицы Е. А. Фурцевой: «...все эти организации создавались при сопротивлении со стороны работников министерств и ведомств, которые считали, что москвичам непосильно будет осуществлять руководство таким крупным хозяйством» (там же). Образование крупных территориальных объединений сталкивалось с сопротивлением из-за различных интересов ведомств.

Надо сказать, что начало дискредитации работы отраслевых ведомств поддержали центральные и местные органы печати. Среди правительственных руководителей не все были сторонниками Н. С. Хрущёва и не все его поддерживали. Д. В. Павлов (министр торговли СССР 1955–1958 гг.), вспоминая как лидер партии агитировал за образование совнархозов, отметил неожиданный отпор в лице заместителя председателя Совмина СССР И. Ф. Тевосяна: «Тевосян подробно и аргументировано доказывал, что предполагаемая реорганизация приведет к отраслевой разобщенности, нанесет ущерб единой технической политике. И что же Хрущёв? Он почувствовал в Тевосяне сильного и непреклонного противника его реформ. Вскоре М. Ф. Тевосяна направили послом в Японию» [Павлов, 1989, с. 11]. Лидер партии очень болезненно воспринимал любые возражения против его реформаторских начал.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ Н. С. ХРУЩЕВА И ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС ПО ВОПРОСУ ЛИКВИДАЦИИ МИНИСТЕРСТВ

Н. С. Хрущёв придавал огромное значение декабрьскому 1956 г. пленуму ЦК партии. Главным вопросом на пленуме был вопрос улучшения управления экономикой. Выступивший на пленуме председатель Госплана Н. Байбаков подверг ожесточенному разному ведомственную систему управления. Казалось, что судьба министерств будет уже решена в 1956 г. По всей видимости глава партии хотел провести

¹Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1958, с. 88.

²XX съезд КПСС. Стенограф. отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.

³XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1962, с. 205

ликвидацию министерств именно в декабре 1956 г. Однако неожиданно Н. С. Хрущёв встретил упорное сопротивление своим стремлениям по управленческой политике. Оппозиция в Президиуме ЦК в лице В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова, М. З. Сабурова, М. Г. Первухина вынудила его отступить и пойти на некоторый компромисс. Была образована Государственная экономическая комиссия. Произошла только частичная децентрализация. Расширились местные министерства, но ликвидировать центральные министерства Н. С. Хрущёву в тот период не позволили.

Н. С. Хрущёв с присущей ему настойчивостью продолжал проводить жесткую линию на ликвидацию центральных министерств. В январе 1957 г. Н. С. Хрущёв потребовал созвать заседание Президиума ЦК КПСС, где прочитал доклад «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленности и строительства». Хрущёв еще до этого заседания отправил документ всем членам и кандидатам в члены ЦК партии, не спрашивая согласия Президиума ЦК КПСС. Расчет Н. С. Хрущёва на их поддержку оказался абсолютно верным. Именно благодаря их поддержке была создана комиссия во главе с Н. С. Хрущёвым о подготовке мероприятия по намечаемой реформе¹.

В ходе подготовки к февральскому 1957 г. Пленуму ЦК партии Н. С. Хрущёв сумел добиться созыва специального заседания Правительства СССР, где самым тщательным образом были рассмотрены все важнейшие вопросы предстоящей реформы. В подготовке к Пленуму ЦК лидер партии привлек видных специалистов, в том числе А. Н. Косыгина, А. Г. Зверева, Н. К. Байбакова, П. Рудакова, И. И. Кузьмина, П. А. Сатюкова и др.

Доклад Н. С. Хрущева обсуждали на февральском пленуме целых два дня. 27 человек высказали свои мнения в прениях. В основном это были секретари ЦК, а также руководители регионов. Все как один одобрили предложения Н. С. Хрущёва по реформе управления. После тщательного обсуждения с членами ЦК было сформировано необходимое большинство, которое фактически аннулировало результаты декабрьского Пленума ЦК партии 1956 г. Госэкономкомиссия прекратила свою работу. После прений на Президиуме ЦК КПСС было принято решение о подготовке проекта реформы управления промышленностью и строительством, который должен был быть утвержден Верховным Советом СССР.

В кулуарах пленума мнения по реформе управления разошлись. Даже Н. С. Хрущёву пришлось

впоследствии это признать [Молотов, Маленков, Каганович, 1998]. Советский политолог Ф. М. Бурлацкий обратил внимание: «Всё было сделано наспех, при большом сопротивлении многих работников хозяйственного аппарата, не понимавших целей этих преобразований, ломки традиций и озабоченных переменами в своей судьбе» [Бурлацкий, 1988, с. 194]. Байбаков (бывший председатель Госплана) сохранил в памяти: «Н. С. Хрущёв ожидал, что я буду сопротивляться назначению меня председателем Куйбышевского совнархоза, как некоторые министры, которые после ликвидации министерств оставались работать в совнархозах» [Байбаков, 1993, с. 80].

Через несколько лет И. И. Кузьмин, готовивший с Н. С. Хрущёвым проект реформы, на XXI съезде партии высказал Первухину: «Вы говорили о каком-то “организационном зуде”, говорили о наличии каких-то тенденций в идее перестройки»². Именно И. И. Кузьмину после февральского Пленума ЦК партии Н. С. Хрущёв доверил важнейший экономический пост – председателя Госплана СССР. Это был сторонник лидера партии, занимавший до этого пост заведующего промышленным отделом ЦК партии. Отдать такой важный пост крупному хозяйственнику как А. Н. Косыгина Н. С. Хрущёв не решился.

Самого главного на февральском Пленуме Н. С. Хрущёв добился. Важнейший результат Пленума – реорганизация управления экономикой. Вопросы сроков проведения реформы и размеры совнархозов решили отложить до сессии Верховного Совета, которая должна была пройти в мае 1957 г.

Хрущёв продолжал искать себе союзников. 22 марта 1957 г. Президиум ЦК КПСС обсудил на своем заседании проект тезисов Н. С. Хрущёва, чтобы разослать его главам ведомств для ознакомления и обсуждения. Ярый противник реформы В. М. Молотов не решился выступить на заседании, но от своего мнения не отрекся и через несколько дней направил записку в Президиум ЦК КПСС. Молотов предлагал доработать проект тезисов, внося в него существенные исправления. Надо отметить, что на споры с Молотовым Президиум ЦК КПСС затратил целый день, так как тот упорно и настойчиво возражал. К тому же позицию В. М. Молотова поддерживали М. Г. Первухин (бывший председатель Госэкономкомиссии) и секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов [Молотов, Маленков, Каганович, 1998].

¹Последняя «антипартийная» группа: Стенографический отчет июньского (1957) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 5. С. 77.

²XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959, с. 205.

ХРУЩЕВСКИЕ ТЕЗИСЫ О ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Н. С. Хрущёв пошел на беспрецедентный шаг – тезисы своего доклада о реформе управления на сессии Верховного Совета он решил опубликовать и вынести на «всенародное обсуждение». Никогда до этого с советским народом не советовались, проводя внутренние реформы. Это дало бы Н. С. Хрущёву важнейший козырь в борьбе со своими оппонентами.

30 марта 1957 г., когда до сессии Верховного Совета СССР оставалось чуть более месяца, Н. С. Хрущёв опубликовал свои тезисы доклада в центральной газете страны «Правда». В тезисах беспощадно критиковалась отраслевая система управления, предлагалось ликвидировать министерства и вместо них создать советы народного хозяйства на основе укрупненных административно-экономических районов. Тезисы Н. С. Хрущёва выносились на «всенародное обсуждение». В них отмечалось, что «нет необходимости иметь совнархозы во всех областях, краях и автономных республиках, а создавать их там, где промышленность достаточно развита» (*Хрущёв Н. С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Тезисы доклада // Правда. 30.04.1957*).

Для многих регионов вопрос размеров совнархозов был первостепенным. Большинство руководителей партийных обкомов хотели иметь свой совет народного хозяйства. Именно их настойчивое давление отвергло вполне обоснованное укрупнение административно-экономических районов для совнархозов. Эти пожелания учтут только через пять лет, когда придут к решению об укрупнении совнархозов. Но в 1957 г. политические соображения преобладали над экономическими, что было не в первый раз в советской истории.

Личные соображения Н. С. Хрущёва о его поддержке со стороны партаппаратчиков, если он выполнит их пожелания, оправдались. Действительно, если совнархоз будет в пределах одной области, то партийный руководитель будет не только политическим лидером региона, но и вправе решать экономические вопросы по самым ключевым проблемам. В таком случае обком партии сможет диктовать условия руководству совнархоза, тем более что председатель совнархоза по своему статусу будет входить в бюро обкома партии и должен будет исполнять его партийные решения. Таким образом, Н. С. Хрущёв, предоставив руководителям обкомов не только политическое, но и экономическое руководство, значительно увеличил количество своих сторонников в ЦК КПСС.

Председатель Мосгорсовнархоза Петухов пояснял, почему не стали объединять Московский городской и Московский областной совнархозы: «Объединение двух совнархозов потребовало бы изменение структуры партийного руководства, так как Мосгорсовнархоз тесно связан с городским комитетом партии, а предприятия, расположенные в области, должны быть связаны с областным комитетом партии» (*Всенародное обсуждение вопроса о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством // Правда. 13.04.1957*). С его рассуждениями нельзя не согласиться, так как партийное руководство было ядром советской системы. Бесспорно, это был главный аргумент для отказа в создании единого Московского совета народного хозяйства. И несмотря на понимание того факта, что в нашей стране нецелесообразно было создавать множество однотипных совнархозов в силу разного характера промышленного развития регионов, политический фактор сыграл решающую роль в этом важнейшем вопросе реформы управления советской экономикой.

Как и следовало ожидать, миллионы советских граждан горячо одобрили тезисы Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва. Однако ряд критических замечаний всё же просочился в центральные органы печати. Смеляков (министр машиностроения СССР) предупреждал: «...Местничество – это, пожалуй, самая большая опасность. До сих пор с места весьма редко выдвигают вопросы увеличения загрузки заводов, принятия дополнительных заказов после выявления резервов внутри района» (*Всенародное обсуждение вопроса о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством // Правда. 14.04.1957*). Такие же опасения против местнических устремлений высказала 1-й секретарь МГК КПСС Е. А. Фурцева, Г. Н. Глебовский (директор машиностроительного завода в Свердловске) допускал, что «не стоило ликвидировать главки в отраслевых министерствах, но число их путем целесообразной координации должно быть уменьшено». Знаменитый советский ученый академик П. Я. Капица высказался негативно о предстоящей реформе управления, не безосновательно опасаясь негативных последствий для развития советской науки [Организация управления... 1960, с. 11]. Среди руководства признавалась опасность местничества, но не было сомнений, что партия вполне может справиться с этим фактором.

Инженер А. Демьянович рекомендовал создать Высший совет народного хозяйства: «ВСНХ должен быть высшим органом управления промышленностью СССР и осуществлять оперативное руководство совнархозами по выполнению

народнохозяйственных планов и т. д.» (*Всенародное обсуждение вопроса о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством* // *Правда*. 14.04.1957). Это было вполне разумное предложение от местничества, к которому впоследствии вернулись.

Не удивительно, что секретари обкомов КПСС полностью поддержали инициативы соответствия совнархоза каждому обкому партии. В своих многостраничных отчетах они настойчиво доказывали необходимость создания в своем регионе своего совнархоза. Их убежденность и настойчивость сыграли решающую роль на позицию Н. С. Хрущёва в важнейшем вопросе о размере совнархозов.

Поэтому доклад Н. С. Хрущёва на сессии Верховного Совета заметно отличался от его тезисов от 30 марта 1957 г., опубликованных в центральной печати. Хрущёв объявил об образовании 105 совнархозов, что совпадало с областями, отказавшись от укрупнения экономических районов.

Скрябин (глава Запорожского обкома КПСС) сообщил, что «обком партии взял под свой контроль выполнение намеченных мероприятий по строительству и реконструкции предприятий Бердянска» [Скрябин, 1960, с. 32–33], тем самым сразу обозначив бюро обкома руководящим органом области. Местных партийных лидеров можно понять. 1-й секретарь обкома играл решающую роль не только в политических, но и в решении экономических, социальных, культурных вопросов, имел приоритет, своеобразную пальму первенства. Первым секретарям обкома принадлежало большинство в ЦК КПСС, поэтому инициативы управленцев-хозяйственников они могли всегда заблокировать.

Н. С. Хрущёву дали довести его инициативу с реформой до сессии Верховного Совета СССР, но полностью его план провести не позволили. Во многом благодаря сильному давлению советского ВПК Н. С. Хрущёв всё-таки дал добро оставить восемь министерств. Новиков (возглавлял Ленинградский совнархоз) напомнил, что «подавляющее большинство министров и их центральные аппараты не приветствовали такой реорганизации... Особенно рьяно возражали против передачи заводов в совнархозы министры оборонных отраслей промышленности...» [Новиков, 1989, с. 108–109].

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И ПРИНЯТИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОЗДАНИИ В РЕГИОНАХ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

На сессии Верховного Совета проблем у Н. С. Хрущёва с оппозицией не было. Только два депутата

выразили свое мнения о необходимости сохранения отраслевой системы управления. Депутат, вице-президент АН СССР И. П. Бардин заявил: «В США различные металлургические корпорации или компании построены не по районному принципу. Это доказательство того, что и при таком отраслевом порядке можно вести дела неплохо»¹.

На сессии не выступали крупные хозяйственники по поводу предстоящей реформы, хотя это их непосредственно касалось в первую очередь. С другой стороны, молчание министров означало отсутствие коллегиальной поддержки хрущевской реформе. Особенно странным выглядело молчание на протяжении всей сессии Верховного Совета СССР председателя Правительства СССР Н. А. Булганина, хотя он обязан был выразить свою позицию о предстоящей реформе. Молчание министров и председателя Совета Министров СССР на сессии было красноречивее любых слов. Большинство докладчиков на сессии были секретарями обкомов. Только выступление депутата И. П. Бардина стало диссонансом в обсуждении проекта Первого секретаря КПСС, носило характер открытого несогласия реформаторским инициативам Н. С. Хрущёва.

Поражала быстрота реформы, с какой поспешностью проект Н. С. Хрущёва провели через все инстанции. После доклада Н. С. Хрущёва на пленуме ЦК партии в феврале 1957 г. в центральной печати были опубликованы тезисы его доклада на «всенародное обсуждение». Около месяца шло обсуждение тезисов в печати, а потом Н. С. Хрущёв произнес речь на сессии Верховного Совета. Обсуждение доклада Н. С. Хрущёва длилось всего четыре дня. А затем его доклад Верховный Совет утвердил в качестве закона.

Немыслимая спешка была и при проведении реорганизации управления. Тысячи квалифицированных специалистов перебрасывались в региональные совнархозы. Влиятельные советские хозяйственники высылались из Москвы в самые короткие сроки. Всего за полтора месяца более двадцати министерств передали свои архивы созданным 105 совнархозам, в которые переехали десятки тысяч работников, министерства самоликвидировались. За короткий срок были укомплектованы совнархозы, которые возглавили руководство местными предприятиями.

Надо отметить, что реформа управления увеличила не только количество сторонников Н. С. Хрущёва, в первую очередь среди региональной партийной элиты, но и выросло число его непосредственных

¹Заседания Верховного Совета 4-го Созыва (7-я сессия) (7–10.5.1957 г.). Стенографический отчет. М.: Изд-во Верховного Совета СССР, 1957, с. 253.

врагов. Разногласия между Н. С. Хрущёвым и так называемой антипартийной группы Г. М. Маленкова, В. Н. Молотова, Л. М. Кагановича, Н. А. Булганина после реформы управления достигли своего апогея. Журналист А. Стреляный отметил: «Сильные и опасные уже самими своими фамилиями, они и слышать не хотели о демократизации, в том числе и хозяйственной...» [Стреляный, 1988, с. 192].

Н. С. Хрущёв перебирал в памяти: «...Как проходило у нас в Президиуме ЦК обсуждение вопроса о перестройке? Молотов был против перестройки и очень настойчиво возражал. В этом вопросе был также против и Первухин. Он явно поддакивал Молотову. Шепилов – тот был против...»¹. Известный партийный руководитель Л. М. Каганович обвинял Хрущёва в том, что он своей реформой рассчитывал «перешерстить, перетряхнуть кадры министерств и их местных органов и заменить «неблагонадежных» и неверных новому руководству другими, своими кадрами» [Каганович, 1996, с. 512–513].

Таким образом, реформа Н. С. Хрущёва обострила ситуацию в Президиуме ЦК КПСС. Направив свои тезисы доклада на широкое обсуждение в центральной печати, Н. С. Хрущёв получил довольно серьезные козыри против своих политических противников, что позволило в дальнейшем усилить свои позиции в центральном аппарате партии и разгромить так называемую антипартийную группу. Реформа затронула интересы высших эшелонов власти, поэтому не удивительно, что такая судьбоносная реформа не прошла без конфликтов.

¹Последняя «антипартийная» группа: Стенографический отчет июньского (1957) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1994. №2. С. 20–21.

Реформа имела и политические, и экономические причины. Н. С. Хрущёв укрепил свою политическую власть. Дискуссия по тезисам доклада Первого секретаря партии, развернутая в масштабе всей страны, была совершенно новым событием в политической жизни. И хотя проведение реформы было делом решенным, обсуждение в печати во многом повлияло на окончательный вариант реформы управления. Лидер партии пошел на ряд существенных изменений первоначального варианта реформы, и только спустя 5 лет после начала реформы вернулся к ряду важных предложений, которые первоначально решительно были им отвергнуты. Бесспорно, что местнический аспект одержал полную победу в 1957 г. Вопрос о размерах совнархозов стал ключевым при обсуждении реформы управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шли поиски новых форм управления промышленностью и строительством. Вопрос влияния партийного аппарата в регионах становится важнейшим. Возросла роль Госплана, высшего планирующего органа, отражающего генеральную линию ЦК партии. Таким образом, решалось самое главное – усиление партаппарата на местах. При реформе управления становился решающим контроль местных партийных органов над экономическими органами. Производственные результаты, по мнению Н. С. Хрущёва, – вот главный критерий деятельности партийных организаций на местах. Таким образом, сроки реорганизации и размеры советов народного хозяйства были вызваны политическими причинами. Задача перехода к экономическим методам хозяйствования пока не планировалась.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Организация управления и планирования промышленности / под ред. Б. А. Борисов, Н. А. Разумов. М. : Госпланиздат, 1960.
2. Петров Н. Ю. Советы народного хозяйства. М. : Госюриздат, 1958.
3. Павлов Д. В. Воспоминания // Ветеран. 1989. № 6. С. 11.
4. Молотов В. Н., Маленков Г. М., Каганович Л. М. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. : Демократия, 1998.
5. Бурлацкий Ф. М. После Сталина // Новый мир. 1988. №10. С. 153–197.
6. Байбаков Н. К. 40 лет в правительстве. М. : Республика, 1993.
7. Скрыбин В. А. Новое в работе парторганизаций. Киев : Госполитиздат УССР, 1960.
8. Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 108–109.
9. Стреляный А. Последний романтик // Дружба народов. 1988. №11. С. 190–228.
10. Каганович Л. М. Памятные записки. М. : Вагриус, 1996.

REFERENCES

1. Borisov B. A., Razumov N. A. (Eds.) (1960). Organizaciya upravleniya i planirovaniya promyshlennosti = Organization of management and planning of industry. Moscow: Gosplanizdat. (In Russ.)
2. Petrov, N. Yu. (1958). Sovety narodnogo hozyajstva = Soviets of the National Economy. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.)
3. Pavlov, D. V. (1989). Vospominaniya = Memoirs. A veteran, 6, 11. (In Russ.)
4. Molotov, B. N., Malenkov, G. M. Kaganovich, L. M. (1957). Stenogramma iyun'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty = Molotov, Malenkov, Kaganovich (1957). Transcript of the June plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents (1998). Moscow: International Foundation "Democracy". (In Russ.)
5. Burlatsky, F. M. (1988). Posle Stalina = After Stalin. Novy mir, 10, 153–197
6. Baibakov, N. K. (1993). 40 let v pravitel'stve = 40 years in the government. Moscow: Republic. (In Russ.)
7. Scriabin, V. A. (1960). Novoe v rabote partorganizacij = New in the work of party organizations. Kyiv: Gospolitizdat of the Ukrainian SSR. (In Russ.)
8. Novikov, V. N. (1989). V gody rukovodstva N.S. Hrushcheva = During the leadership of N.S. Khrushchev. Questions of history, 1, 108–109. (In Russ.)
9. Strelyany, A. (1988). Poslednij romantik = The last romantic. Friendship of peoples, 11, 192.
10. Kaganovich, L. M. (1996). Pamyatnye zapiski = Memoirs. Moscow: Vagrius. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 30.08.2022
одобрена после рецензирования 20.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 30.08.2022
approved after reviewing 20.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 94(47):356/359(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_74

Борьба с украинскими националистами на Западной Украине в 1944 году

А. А. Климов¹, Г. Е. Забродченко²

¹Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Россия
andrey_klimov1968@mail.ru

²Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия
gen22069@yandex.ru

Аннотация. В статье показан исторический опыт участия личного состава войск НКВД СССР в проведении борьбы с украинским национализмом в период окончания Великой Отечественной войны на основе архивных материалов и документальных источников. Показаны различные формы применения и способы действий органов и войск НКВД СССР, чекистско-войсковые (специальные) операции, с привлечением различных сил и средств правоохранительных структур государства, а также порядок взаимодействия с органами госбезопасности и воинскими частями Красной армии при обеспечении общественной безопасности в регионе.

Ключевые слова: боевые действия, войска НКВД, освобождение территории, чекистско-войсковая операция, украинский национализм

Для цитирования: Климов А. А., Забродченко Г. Е. Борьба с украинскими националистами на западной Украине в 1944 году // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 74–78. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_74

Original article

Struggle Against Ukrainian Nationalism in Western Ukraine in 1944

Andrey A. Klimov¹, Gennady E. Zabrodchenko²

¹Research institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, andrey_klimov1968@mail.ru

²Central Museum of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, gen22069@yandex.ru

Abstract. The article reveals the historical experience of the participation of the personnel of the troops of the NKVD of the USSR in the fight against Ukrainian nationalism during the Great Patriotic War, on the basis of archival materials and documentary sources. On the basis of archival documents, various forms of application and methods of actions of bodies and troops of the NKVD of the USSR, Chekist-military (special) operations involving various numbers of forces and means of law enforcement agencies of the state, as well as the order of interaction with state security agencies and military units of the Red Army in ensuring public security in the region are shown.

Keywords: military operations, NKVD troops, liberation of the territory, chekist-military operation, Ukrainian nationalism

For citation: Klimov, A. A., Zabrodchenko, G. E. (2022). Struggle against ukrainian nationalism in Western Ukraine in 1944. Vestnik Moscow Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 74–78. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_74

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях проведения специальной военной операции на Украине, одной из основных целей которой является денацификация Украины, необходимо учитывать исторический опыт проведения борьбы с украинским национализмом в период Великой Отечественной войны.

На Украине в течение четверти века безжалостно переписывают нашу общую историю в соответствии с так называемой «национальной украинской концепцией истории». Например, полное освобождение Советской Украины 28 октября 1944 г. трактуют как начало коммунистической оккупации Украины. При этом тушью, как при военной цензуре, вымарывается та кровавая роль, которую украинские националисты сыграли в этнических чистках поляков и евреев в период немецко-фашистской оккупации советской территории.

После освобождения в 1944 г. Западной Украины от немецко-фашистских оккупантов основная тяжесть борьбы с националистическими формированиями Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) легла на воинские части внутренних и пограничных войск НКВД СССР, которые действовали в тесном контакте с органами государственной безопасности и внутренних дел.

ПРОВЕДЕНИЕ БОРЬБЫ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ В 1944 Г.

Борьба с бандформированиями ОУН–УПА требовала от командования и всего личного состава войск НКВД СССР отличной выучки, постоянной боеготовности и высокой бдительности.

Основной формой деятельности внутренних и пограничных войск весной и летом 1944 г. являлись чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации крупных банд ОУН–УПА одновременно на большой территории (во многих случаях они совпадали с операциями по очистке тыла фронтов и армий). Основная задача операций заключалась в ликвидации банд украинских националистов с целью обеспечения в тылу Красной армии твердого порядка, безопасной работы тыловых учреждений, местных партийных и советских органов власти.

Только за февраль, март и первую половину апреля 1944 г. внутренними войсками НКВД Украинского округа было проведено 52 операции по ликвидации банд украинских националистов.

Весной 1944 г. западные области Украинской Советской Социалистической Республики были полностью освобождены от немецко-фашистских

захватчиков. Для восстановления государственной границы Советского Союза на участке от села Кошары на Западном Буге до станции Ужок на реке Сан, общим протяжением 532,5 км, были выставлены вновь сформированные пограничные части.

Оперативная обстановка на границе требовала повседневного и непрерывного руководства пограничными частями, как по обеспечению должной охраны границы, а также по организации и проведению боевых операций в пограничных районах по борьбе с бандами украинских националистов.

С этой целью на основании Приказа НКВД СССР от 15 апреля 1944 г. в составе пограничных войск НКВД было сформировано Управление пограничных войск НКВД Украинского округа (РГВА. Ф. 41185. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4)¹.

Командование пограничных войск НКВД Украинского округа осуществляло повседневное руководство служебно-боевой деятельностью войск округа. Это проявлялось в форме доведения до командного состава приказов и распоряжений НКВД СССР, разработке мероприятий по службе и обеспечению боеготовности частей округа, применительно к особенностям каждого участка границы, в ориентировании личного состава об изменениях оперативной обстановки и в осуществлении необходимой помощи.

В целях борьбы с бандами украинских националистов на территории Западной Украины была образована оперативная группа Управления пограничных войск НКВД Украинского округа. Например, в донесении начальника пограничной войск НКВД Украинского округа генерал-майора П. В. Бурмака от 5 сентября 1944 г. в Народный комиссариат внутренних дел СССР о результатах боевых действий пограничных частей округа за 2 сентября 1944 г. говорилось «...штабом округа проводится операция на участке 2 пограничного отряда, опергруппой Управления войск арестовано 3 человека». Кроме того, 29–30 августа 1944 г. оперативной группой Управления пограничных войск НКВД Украинского округа под командой начальника отделения 5-го отдела подполковника Киянова вела бой с бадгруппой, укрывавшейся в лесу юго-западнее с. Угерцы Городокского района. В бою было убито – 15 человек, захвачено – 14 человек. 21–22 сентября 1944 г. оперативной группой Управления пограничных войск НКВД Украинского округа проведена операция по ликвидации бандгруппы в с. Рокитно. В результате – убит 51 бандит, захвачено 63 бандита.

¹Российский государственный военный архив – РГВА.

26–27 октября 1944 г. оперативной группой проведена операция в районе Крехув. В результате было убито 20 бандитов, ранено 8 бандитов, задержаны – 5 человек, подозреваемых в принадлежности к бандгруппе, захвачено в бою 47 бандитов (РГВА. Ф. 58. Он. 2. Д. 284. Л. 38–39).

Отдельно стоит отметить одну из крупнейших чекистско-войсковых (специальных) операций по борьбе с бандформированиями украинских националистов в районе Черный лес Станиславской области (ныне Ивано-Франковской области) Западной Украины. Эта специальная операция по ликвидации вооруженных групп украинских националистов была проведена с 13 по 17 сентября 1944 г. (РГВА. Ф. 38650. Он. 1. Д. 131. Л. 1)

По данным органов НКВД, в лесных массивах под названием Черный лес, а также в населенных пунктах западнее и юго-западнее г. Станислав действовали крупные бандформирования УПА численностью до 5 тыс. человек. Кроме того, в районе Черный лес предполагалось наличие бандитских складов с оружием, боеприпасами и продовольствием.

Местность всего района специальной операции имела большое количество высот, рек, оврагов, которые были покрыты густым лесом и кустарником. В оврагах и зарослях бандитам было удобно создавать подземные укрытия (схроны), где можно было хранить в больших количествах оружие, боеприпасы и продукты питания, а в случае необходимости укрываться от преследования.

Командованием войск НКВД СССР для проведения операции была создана группировка войск в составе:

- 19-я отдельная стрелковая бригада (осбр) в составе 190-го, 191-го и 192-го отдельных стрелковых батальонов (осб) и отдельного батальона боевого обеспечения – всего 1364 человека;
- 92-й пограничный полк (пп) с батальоном 88-го пп войск НКВД по охране тыла 4-го Украинского фронта – всего 935 человек;
- 14-й пограничный отряд (по) с комендатурой 13-го по пограничным войскам Прикарпатского округа – всего 937 человек;
- 87-й по с комендатурой 33-го по пограничных войск Прикарпатского округа – всего 1 070 человек. Всего в операции было задействовано 4 306 человек.

План специальной операции «Черный лес» был согласован с начальником управления НКВД по Станиславской области и начальником пограничных войск НКВД Прикарпатского округа.

В соответствии с планом операция проводилась в два этапа. Первый этап операции предусматривал проверку северной части Черного леса

с 13 по 14 сентября 1944 г. Во время второго этапа проводилась «прочёска» южной части леса с 16 по 17 сентября 1944 г. 15 сентября 1944 г. по плану операции выставлялись заслоны войск НКВД (РГВА. Ф. 38650. Он. 1. Д. 131. Л. 4). В 7.00 13 сентября 92-й пп совместно с воинскими частями 19-й осбр и подразделениями 14-го по начали проведение первого этапа операции в Черном лесу. В ходе «прочёсывания» в 10.40 разведывательная группа 192-го осб вступила в бой с украинскими националистами в районе Лесничества. В результате начавшейся перестрелки банда оуновцев отошла в район Пусте Поле.

В 12.00 западнее Пусте Поля личный состав 190-го осб встретил разведку бандитов и в ходе боя убил четырех бандитов, а одного оуновца захватил живым.

В 7.00 14 сентября 1944 г. прочесывание лесного массива было возобновлено и в районе Кустарники подразделения батальона были обстреляны оуновцами численностью около 400 человек.

Личный состав 19-й осбр по отдельному сигналу открыл сильный минометный и ружейно-пулеметный огонь по украинским националистам, которые пытались перейти в атаку. Бандиты понесли большие потери от огня минометов и станковых пулеметов и были вынуждены разделиться на две группы и с боем отойти. Банда украинских националистов численностью до 200 человек отходила в западном направлении и дважды пыталась атаковать позиции 192-го осб, но в результате умелых действий личного состава все атаки оуновцев были отбиты, а сама банда мелкими группами начала отход в северо-восточном направлении (РГВА. Ф. 38650. Он. 1. Д. 131. Л. 5).

Вечером 14 сентября 1944 г. воинские части получили приказ на проведение второго этапа операции «Черный лес». Для подготовки личного состава и сосредоточения на исходных позициях отводились одни сутки – 15 сентября 1944 г.

«...В 15.00 15 сентября во время выхода подразделений 14-го погранотряда к северо-западной окраине Гусаки, подразделения 4-й и 5-й комендатур были обстреляны с чердаков жилых домов. Гусаки были окружены с целью захвата банды, но банда оказала упорное сопротивление. В результате боя д. Гусаки была подожжена. Банда была ликвидирована. В результате боя было убито 22 бандита, захвачено 11, сгорело 12 домов.

С 7.00 16 сентября 1944 г. войска начали прочёску лесного массива «Черный лес». Во время оцепления д. Демброва подразделения 14-го пограничного отряда из домов деревни были подвергнуты ружейно-пулеметному обстрелу.

В результате перестрелки в д. Демброва возникли пожары, во время которых в горящих домах были слышны сильные взрывы. Других столкновений во время второго этапа операции не было.

При прочесывании леса было обнаружено несколько крупных лагерей-стоянок бандитов со следами недавнего присутствия бандитов» (РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 131. Л. 6).

Конечный рубеж специальной операции «Черный лес» был достигнут к исходу дня 17 сентября 1944 г.

В результате проведенной чекистско-войсковой операции в Черном лесу было убито бандитов – 358; захвачено живыми – 330, ранено – 12. Потери войск НКВД составили – 11 человек ранено, из них 1 офицер.

У украинских националистов было захвачено 3 пушки (37-мм), 11 станковых пулеметов, 27 ручных пулеметов, большое количество стрелкового вооружения и боеприпасов.

Проведенная чекистско-войсковая операция показала, что легенда о неприступности «Черного леса» и о присутствии там больших банд украинских националистов с танками и бронемашинами была развеяна. Войсками НКВД СССР были разгромлены крупные вооруженные группы украинских националистов, уничтожены бандитские лагеря (схроны), склады с оружием, боеприпасами и продовольствием (РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 131. Л. 7–8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понеся большие потери, бандформирования ОУН–УПА осенью 1944 г. изменили тактику бандитизма и 10 октября 1944 г. была издана инструкция, в которой предписывалось украинским националистам перейти к диверсионным формам действий, а в Приказе штаба УПА от 4 ноября 1944 г. предписывалось:

«...Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации борьбу вести без жалости и щепетильности <...> Составить планы, в основу которых положить хитрость, изобретательность, но не силу. Операции проводить только ночью, назначая для этого нужное количество людей. Операции проводить смело, решительно и по возможности бесшумно. Для этой цели лучше играть роль

милиции и НКВД, прибывших из других уездов» [Шитько, Паламарчук, 2009, с. 102].

С каждой специальной операцией, проведенной по разгрому бандформирований ОУН – УПА, крепло оперативно-тактическое мастерство войск НКВД СССР. В результате эффективных действий военнослужащих внутренних и пограничных войск НКВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории западных областей Украинской ССР в течение 1944 г. число участников украинских националистических формирований, резко уменьшилось, были уничтожены главари ряда крупных бандформирований [Баранов, Климов, Козлов, 2019].

Эффективность и результативность применения войск НКВД СССР подтверждается результатами служебно-боевой деятельности. Только с октября 1944 г. по март 1945 г. было проведено 150 чекистско-войсковых операций с участием в них более 16 тыс. военнослужащих войск НКВД. В ходе операций было уничтожено 1 199 бандитов и захвачено 1 526 бандитов [Россия и СССР в войнах XX века, 2001, с. 548].

Приобретенный опыт и знания, новые формы и методы действий, навыки управления войсками и боевая выучка личного состава войск НКВД СССР позволили существенно повысить эффективность и результативность проводимых чекистско-войсковых (специальных) операций.

Успехи в выполнении боевых задач по борьбе с украинскими националистами достигались:

- умелым подбором, подготовкой и сплоченностью личного состава войсковых нарядов;
- знанием каждым солдатом и офицером местности, расположения местных предметов в районе действия служебных нарядов;
- инициативой, смелыми и решительными действиями и стремлением к успешному выполнению боевой задачи;
- физической закалкой, выносливостью, знанием и умелым применением приемов и методов захвата украинских националистов живыми;
- своевременным доведением до личного состава положительного опыта борьбы с украинскими националистами и всемерной его популяризацией, что способствовало повышению качества оперативно-служебной деятельности войск НКВД СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов. М. : Объед. ред. МВД России, 2008.

2. Шитько В. В., Паламарчук С. П. Внутренние войска в борьбе с буржуазно-националистическим подпольем (1939–1953). Новосибирск: МВД России, 2009.
3. Баранов В. П., Климов А. А., Козлов А. В. Пятый Украинский фронт. М. : На боевом посту, 2019.
4. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

REFERENCES

1. NKVD–MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym nacionalisticheskim podpol'em na Zapadnoj Ukraine, v Zapadnoj Belorussii i Pribaltike (1939–1956): sbornik dokumentov = NKVD–Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus, and the Baltic States (1939–1956): collection of documents (2008). Moscow: Obied. red. (In Russ.)
2. Shitko, V. V., Palamarchuk, S. P. (2009). Vnutrennie vojska v bor'be s burzhuažno-nacionalisticheskim podpol'em (1939–1953) = Internal troops in the fight against the bourgeois-nationalist underground (1939–1953). Novosibirsk. (In Russ.)
3. Baranov, V. P., Klimov, A. A., Kozlov, A. V. (2019). Pjatyj Ukrainskij front = The Fifth Ukrainian Front. Moscow: Na boevom postu. (In Russ.)
4. Rossiya i SSSR v vojnah XX veka: statisticheskoe issledovanie = Russia and the USSR in the wars of the XX century: a statistical study (2001). Moscow: OLMA-PRESS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климов Андрей Алексеевич

доктор исторических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-исследовательского института (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

Забродченко Геннадий Евгеньевич

кандидат исторических наук
ученый секретарь Центрального музея
Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klimov Andrey Alekseevich

Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor
Senior researcher at the research institute (military history)
of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Zabrodchenko Gennady Evgenievich

PhD (History), Scientific Secretary of the Central Museum of Internal Troops
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 14.09.2022
одобрена после рецензирования 05.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 14.09.2022
approved after reviewing 05.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Обзорная статья

УДК 94

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_79

Последователи Хорста Весселя в Прибалтике и их попытки «окончательного решения еврейского вопроса» (1939–1944)

В. В. Марковчин

*Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
markovchin@yandex.ru*

Аннотация. В статье поднимается тема антисемитизма, коллаборационизма и национализма, характерная для государств Прибалтики. Были использованы исторические и нарративные методы исторического исследования. В основу легли недавно опубликованные документальные материалы из российских и в зарубежных архивов.

Ключевые слова: страны Прибалтики, Великая Отечественная война, коллаборационизм, окончательное решение еврейского вопроса

Для цитирования: Марковчин В. В. Последователи Хорста Весселя в Прибалтике и их попытки «окончательного решения еврейского вопроса». (1939–1944) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 79–86. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_79

Original article

The Followers of Horst Wessel in the Baltic States and their Attempts to «Finally Solve the Jewish Question» (1939–1944)

Vladimir V. Markovchin

*Southwest State University, Kursk, Russia
markovchin@yandex.ru*

Abstract. The article raises the themes of anti-Semitism, collaborationism and nationalism characteristic of the Baltic states. Historical and narrative methods of historical research were used in its preparation. It is based on recently published documentary materials deposited in both Russian and foreign archives.

Keywords: the Baltic states, the Great Patriotic War, collaboration, the final solution of the Jewish question

For citation: Markovchin, V. (2022). The followers of Horst Wessel in the Baltic States and their attempts to «Finally solve the Jewish question» (1939–1944). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 79–86. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_79

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения между немцами и народами Прибалтики насчитывают многие сотни лет, в разные эпохи они были совершенно разными. Однако в центре внимания данной статьи находится период 1939–1944 гг., когда набравшее силу Германское государство сначала развязало Вторую мировую войну, а затем вторглось в Советский Союз.

Этому вторжению предшествовала целенаправленная работа немецких спецслужб и дипломатов по подготовке прибалтийского населения к будущему германскому доминированию в регионе: поиску единомышленников, финансированию деятельности националистических, фашистских и иных формирований, готовых идти в створе германской экспансионистской политики. Такая работа принесла плоды, достигла цели, так как последователи официального марша НСДАП «Хорст Вессель» здесь нашлись в значительном количестве и приняли самое деятельное участие во всех мероприятиях как на оккупированной немцами территории, так и на фронтах Великой Отечественной войны. Наиболее характерно это проявилось в решении «еврейского вопроса», занимающего особое место в нацистской политике и подразумевавшего массовое уничтожение еврейского населения Европы.

Стремясь занять достойное место в обширном германском государстве, лидеры «освобожденных» вермахтом государств Прибалтики не учли, что в гитлеровских планах отсутствовало желание давать этим территориям какую-либо самостоятельность. Все три республики подлежали германской колонизации, а лишнее население предстояло насильственно переселить за Урал. Ранее данная тема затрагивалась в работах, издаваемых фондом «Историческая память» [Резиденты сообщают... 2020; Дюков, 2013; Крысин, Литвинов, 2016].

Цель статьи – показать степень вовлеченности прибалтийских «добровольцев» в геноцид еврейского населения. Данная тема на сегодняшний день весьма актуальна на фоне регулярных попыток переписать итоги Великой Отечественной войны либо замалчивать факты профашистской деятельности населения оккупированной Прибалтики, предпринимаемыми как в Литве, Эстонии и Латвии, так и во многих странах Запада.

РОЛЬ И МЕСТО ПРИБАЛТИКИ В ПЛАНАХ НАЦИСТОВ

По замыслам нацистского руководства, сама Россия должна была исчезнуть, при этом часть ее центральных областей, населенных русскими, предполагалось присоединить к другим

рейхскомиссариатам: к рейхскомиссариату Остланд (Прибалтике) должны были отойти Новгородская и Смоленская области, к рейхскомиссариату Украина – Брянская, Курская, Воронежская, Астраханская области, Краснодарский и Ставропольский края [Загорулько, Юденков, 1980].

Реально захватчикам удалось создать только два рейхскомиссариата – Украина и Остланд. Рейхскомиссары приобрели в ходе войны печальную известность своей ненавистью и чудовищными преступлениями по отношению к населению оккупированных территорий [Совершено секретно. Только для командования, 1967].

На генеральные комиссариаты оккупированные территории советских республик делились произвольно. В генеральный комиссариат Вайсрутиен (Белоруссия), входивший в рейхскомиссариат Остланд, были включены Барановичская область и западная часть Минской области, а также частично Виленская, Брестская, Пинская и Полеская области. Остальные территории Белоруссии были присоединены к Восточной Пруссии, переданы рейхскомиссариату Украина или находились в тыловом районе группы армий «Центр».

Гитлер заблаговременно отклонил проекты создания марионеточных государств на оккупированных территориях Советского Союза с преимущественно нерусским населением, а также возможность заключения с ними союзных договоров. Война с Советским Союзом, как говорилось в одном из документов верховного командования вермахта (ОКВ), не служит тому, «чтобы дать его народам более счастливую долю или принести им полную свободу и политическую самостоятельность»¹ [Kroener, Umbreit, 1999, с. 39].

По мнению фюрера, рейх не мог служить удовлетворению иллюзий той части населения Украины и Прибалтики, которое иногда встречало вермахт как армию-освободителя. Вместо ожидаемой «национальной самостоятельности» оно в результате получило жесточайший террористический оккупационный режим, цель которого заключалась, прежде всего, в ограблении населения захваченных территорий. Это станет понятно не сразу, а спустя небольшой срок, и сделано это было с расчетом на то, что местные националисты вынуждены будут подчиниться и идти в беспрекословное услужение оккупантам: в противном случае они оказывались перед угрозой ареста и депортации наравне с другими «врагами рейха».

Рейхскомиссариат Остланд был создан уже в июле 1941 г., и в течение того же года оккупационное руководство практически полностью

¹Зд. и далее перевод наш. – В. М.

заменило военную администрацию на территории прибалтийских республик. На должность рейхскомиссара Остланд был назначен личный друг А. Розенберга, гауляйтер Шлезвиг-Гольштейна Х. Лозе, который вскоре начал проводить самостоятельную политику и интриговать против имперского министра восточных территорий, что вскоре привело к разрыву их дружбы.

С самого начала немецкая администрация не давала населению Прибалтийских республик каких-либо обещаний относительно их независимости. По воле Гитлера дальнейшая аннексия Остланда была решенным делом. Предоставление государственной самостоятельности Эстонии, Латвии и Литве не предусматривалось [Kroener, Umbreit, 1999]. Немецкая оккупационная администрация стремилась всячески скрывать свои планы в отношении Прибалтики, чтобы снизить страх местного населения перед предстоящей депортацией. Более гибкая, чем на Украине, в Белоруссии и оккупированных областях России, политика в отношении населения Прибалтики была связана с тем, что некоторую его часть планировалось подвергнуть германизации – большую часть населения Эстонии, некоторую часть латышей и незначительную часть литовцев. Остальные жители этой территории в дальнейшем подлежали вытеснению «германскими» переселенцами [там же].

Центральные власти, руководимые директорами в Эстонии, генеральными директорами в Латвии и генеральными советниками в Литве, не могли иметь в своем составе руководителей правительства. Хьяльмар Мяз в Ревеле (Таллине), Оскар Данкерс в Риге, и Петрас Кубилиунас в Каунасе лишь председательствовали на совещаниях и выступали в роли спикеров, не допускаясь до решения практических вопросов.

Местные руководители могли назначаться только с разрешения немецких властей. Как жаловался эстонский директор Ангелус в своем письме от 15 сентября 1944 г. министру оккупированных восточных территорий, даже отдельные руководители ведомств сталкивались с недоверием оккупационных властей, главным образом, самого Х. Лозе, и в свою очередь, чувствовали, что их используют в качестве «вывески» и постоянно относятся к ним как к представителям «второразрядного народа» [там же].

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

При подготовке к вторжению в СССР нацисты прибегали к многочисленным пропагандистским уловкам. Например, апеллируя к недавнему, общему историческому прошлому, фашистами

были использованы факты захвата немецкими войсками в сентябре 1917 г. Риги, а затем повторного «освобождения» Прибалтики частями ландесвера и белогвардейцами от «нашествия» Красных войск в 1918–1919 гг.

Вот как сообщал о торжествах, посвященных очередной годовщине событий полномочный представитель СССР в Латвии И. С. Зотов в письме в НКВД СССР в 1939 г.: «Особенно торжественно в этом году отпраздновали фашистские заправилы 22 мая день «освобождения» Риги от большевиков. В речах и статьях, предназначенных для этого случая, население и солдат предостерегали от этого «страшного» врага Латвии. Даже в том случае, когда немцы, захватив Ригу, преследовали свои цели, направленные против латышей, все же деятели старались выдавать это за акт добродетели и помощи. Радостный прием, оказанный приехавшему на торжества генералу Флетчеру¹, свидетельствовал об общности интересов фашистских государств в борьбе против большевиков» [От национализма к коллаборационизму... 2018, с. 51].

По этой же причине в новой войне, по замыслам немцев, население всех трех республик должно было всячески помогать вермахту вести непримиримую борьбу с евреями и коммунистами. И эти расчеты в полной мере оправдались. Необходимо сказать, что у немецких фашистов здесь были сторонники, такие как, например, представители литовского фашистского движения «Железный волк»², созданного Аугустиномасом Вольдемарасом еще в 1927 г. Как видно из информационной справки МИД Германии относительно поддержки группы литовских фашистов от 19 июля 1939 г.: «Касательно планов “Группы Вольдемараса” по проведению погромов следует сказать, что литовское правительство уже давно и успешно работает над вытеснением еврейства из литовской экономики, в последние годы это привело к постоянному росту численности выезжающих из страны евреев. Евреи давно исключены из общественной жизни Литвы. Организация погромов может легко привести к нарушению этой отрадной для нас планомерно реализующейся тенденции» [там же, с. 45].

Из приложения к информационной записке начальника главного управления имперской безопасности (РСХА) Р.Гейдриха министру иностранных

¹Флетчер Альфред (1875–1959) – немецкий военный и политический деятель, националист. В феврале–июле 1919 г. командовал Балтийским ландесвером во время гражданской войны в Латвии.

²Лит. Geležinis vilkas. Другое наименование – «Ассоциация железных волков». В настоящее время в составе армии Литовской Республики имеется моторизованная бригада «Железный волк», названная в честь этого фашистского движения. Кроме того, на территории республики проводятся военные учения НАТО, названные аналогично.

дел Германии И. фон Риббентропу от 29 июня 1940 г. видно, что за прошедший год немцы не изменили свои намерения: «Планируется, опираясь на антисемитские настроения в Литве, устроить еврейские погромы. Для проведения этой нелегальной работы необходима сумма в размере 100 тыс. лит (примерно 41 тысяча марок)» [От национализма к коллаборационизму... 2018, с. 92].

Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза никак не повлияло на эти планы. Вот как видели свою судьбу литовские националисты в будущем: «При приближении часа освобождения от советского коммунистического террора и еврейской эксплуатации, надо всеми возможными средствами активизировать деятельность движения активистов в Литве, чтобы идейно и организационно подготовить литовский народ к решающему акту, от которого будет зависеть будущее Литвы. Для идейного созревания литовского народа необходимо усилить антикоммунистические и антиеврейские акции и распространять мысль о неизбежности русско-германского военного столкновения, что Красная русская армия скоро будет выгнана из Литвы и что Литва станет свободным независимым государством. Очень важно по случаю избавиться и от евреев» [там же].

К борьбе с евреями в данной инструкции его составители возвращаются постоянно: «Вынудить евреев бежать из Литвы». «Сигналом к восстанию следует считать момент, когда немецкие войска перейдут границу и начнут нападение на русских» [там же, с. 124]. «Можно надеяться, что таким образом весь народ придет в движение и в стране создастся такая накаленная атмосфера против оккупантов, евреев и русских коммунистов, что среди них возникнет страх и паника, которая надломит всякое с их стороны более или менее серьезное сопротивление». «Красная армия, наше еврейство и все изменники нашего народа в панике побегут из Литвы или поспешат поспешат где-нибудь по норам» [там же, с. 126].

Аналогичные намерения лишний раз подтверждает содержание листовки так называемого Фронта литовских активистов с обращением к населению Литвы. Она была подготовлена уже в июне 1941 г.: «Сразу надо арестовать местных коммунистов и других предателей Литвы, чтобы они не избежали расплаты за свои действия (предатели будут только тогда помилованы, когда сумеют доказать, что они ликвидировали хотя бы по одному еврею» [там же, с. 151–152]. «Уже сейчас “информируйте” евреев, что их судьба ясна, поэтому пусть сегодня же уходят из Литвы. В решительный момент берите их имущество в свои

руки, чтобы ничего не пропало» [От национализма к коллаборационизму... 2018, с. 152].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИСТОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Решимость литовских и других фашистов полностью соответствовала устремлениям германских фашистов. В телеграмме начальника РСХА командирам оперативных групп полиции безопасности и СД в оккупированных областях СССР от 29 июня 1941 г. говорилось следующее: «Не следует чинить препятствий самостоятельным стремлениям антикоммунистических и антиеврейских кругов к чисткам во вновь занятых областях. Напротив, их [чистки] надо интенсифицировать и там, где это требуется, направить в нужное русло, но не оставляя никаких следов, чтобы местные «круги самообороны» не могли позже сослаться на какое-либо распоряжение или данное им политическое обещание» [там же, с. 156].

Тесная координация действий между немецкими фашистами и их сторонниками в странах Прибалтики уже очень скоро дала первые плоды. Из материалов сводки № 15 о событиях на оккупированной территории Латвийской ССР, поступившей шефу полиции безопасности и СД Рейнхарду Гейдриху от 7 июля 1941 г., видно, что «Кроме формирования вспомогательной полиции созданы две самостоятельные группы для проведения погромов. Разрушены все синагоги, расстреляно пока 400 евреев» [там же, с. 157].

В целях активизации решения «еврейского вопроса» был подготовлен специальный Приказ рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции в министерстве внутренних дел Г. Гимлера от 25 июля 1941 г.: «Задачи, стоящие перед полицией в оккупированных восточных областях, не могут быть выполнены только введенными и теми, которые будут еще введены в действие, подразделениями полиции СС. Отсюда необходимо создать дополнительные охранные формирования из подходящей для нас части населения оккупированных областей, как это уже частично произошло с оперативными группами полиции безопасности. Эти охранные формирования в первую очередь должны быть созданы из украинцев, жителей прибалтийских стран и белорусов. Они должны быть отобраны из еще имеющих в наличии на местах мужчин и военнопленных-некоммунистов» [там же, с. 158].

Происходившие в Латвии события прослеживаются по дневнику бывшего министра иностранных дел и чрезвычайного и полномочного посланника Латвии в Литве Л. Сейи от 2 декабря

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ПРОВЕДЕННЫХ РАССТРЕЛОВ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППОЙ А НА 1.2.1942¹

	Литва	Латвия	Эстония	Белоруссия	Старые сов. районы	Всего
евреев	136 421	35 238	963	41 828	3 600	218 050
во время погромов	5 500					5 500
литовские пограндозоры	5 502					5 502
коммунистов	1 064	2 914	4070	3 111+		8 359
партизан	56	367	400	221+		1 044
душевно-больных	653	693	–	298+		1 644
другие	78	–	30	203+		311
	143 774 + 5 500	39 212	5 463	42 861	3 600	240 410

¹Заголовок немецкого документа.

1941 г.: «В ночь с 29 на 30 ноября, судя по всем признакам, в Риге состоялось широкомасштабное уничтожение, т.е. расстрел жидов. Жиды в Рижском гетто получили распоряжение переселиться в Саласпилс, прим. в 20 км от Риги, но по пути были расстреляны. В своем гетто жиды якобы организовали секретный передатчик, хранили оружие и давали убежище немецким дезертирам. Число расстрелянных жидов измеряется тысячами. Неизвестно, осталось ли гетто совсем пустым. На улицах жидов видно очень мало, 4-х я сегодня все же видел, так что совсем они не исчезли. Это уничтожение жидов взволновало людей. Но не видно, чтобы латыши жалели жидов: только редкая латышская семья не понесла тяжелых потерь при большевиках, и хотя бы часть вины за это ложится на жидов» [От национализма к коллаборационизму... 2018, с. 162].

Уточняет отношение добровольцев-латышей к порученному им делу отчет № 15 оперативной группы А полиции безопасности и СД за октябрь 1941– январь 1942 г.: «Здесь, [в Латвии] несмотря на все ошибки, допущенные в том числе и немецкой стороной, и несмотря на давление, оказываемое националистическими кругами, ясно видны признаки окончательного умиротворения областей и готовности к сотрудничеству. Запись в охранные команды также дала удовлетворительные результаты. Там, где латвийцы использовались, особенно в рядах безопасности, они продемонстрировали выдающиеся боевые качества» [там же, с. 163].

Объясняя жестокость латышей по отношению к евреям, отчет в очередной раз обращает внимание на то, что «до 1940 г. в Латвии не было евреев, занимающих должности чиновников, и совсем никто из евреев не был занят в системе

государственного управления, а в СССР очень быстро все ключевые государственные должности были отданы евреям. Половина судей были евреями. В высших инстанциях, особенно в трибунале, их численность доходила до 80 %. Таким же сильным было влияние евреев на экономику и культурную жизнь» [там же, с. 163–164].

«При вступлении германских войск в Латвию на ее территории находилось 70 тыс. евреев. Остальные ушли вместе с большевиками. Оставшиеся евреи проявили себя как саботажники и поджигатели. Так, в Дюнабурге из-за устроенных евреями пожаров была уничтожена большая часть города. Во время еврейско-большевистского террора было увезено, схвачено или убито 33 038 латвийцев. Поэтому можно было ожидать масштабных погромов. В действительности же только несколько тысяч евреев были уничтожены местным населением по собственному почину. Необходимо было провести в Латвии всеобъемлющие чистки силами зондеркоманд, при помощи латвийской вспомогательной полиции (в основной массе из семей пропавших или убитых латвийцев). До октября 1941 г. этими зондеркомандами было расстреляно около 30 тыс. евреев. Оставшиеся, в основном необходимые в экономике евреи, были собраны в гетто, созданные в Риге, Дюнабурге и Либау» [там же, с. 164]. «Еврейский вопрос» решался ускоренными темпами.

Недавно рассекреченные документальные материалы Центрального архива министерства обороны (ЦАМО) существенно дополняют и расширяют представление о масштабах решения «еврейского вопроса» в Прибалтике. Заявление обер-ефрейтора 12-й роты 107-го охранного полка 281-й

дивизии вермахта Отто Георга от 3 июля 1944 г. посвящено событиям июля 1941 г., когда его часть находилась в г. Двинске (Латвия): «[Помимо русских военнопленных] в Двинске было в лагере, кроме того, 14000 евреев, которые все были расстреляны, женщины, дети, мужчины и старики. Каждый день расстреливалось по 300–500 человек. <...> Расстрелы производили немецкие СС-овцы, потом и латышские добровольцы. Нам, немецким солдатам, было известно, что многих еврейских женщин перед расстрелом избивали и насиловали» (ЦАМО¹, 1944. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 472. Л. 109).

Из показаний обер-ефрейтора Вильгельма Симона, взятого в плен 14 сентября 1944 г.: «Мы вышли из караульного помещения и увидели группу женщин, примерно 900 чел., евреек. Многие из них были с детьми, в том числе и с грудными. Группу женщин вели латвийские полицейские. Мы последовали за ней. Женщин подвели к громадным ямам, вырытым на небольшой высоте недалеко от склада. Здесь полицейские стали подводить женщин к яме, ставили их по 4 в ряд на колени и приканчивали выстрелом из пистолета в затылок. Трупы падали вперед – в яму. Около ямы стояло еще 2 полицейских с винтовками, которые стреляли в яму, добывая не убитых сразу» (ЦАМО, 1944. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 472. Л. 142).

Схожие данные также содержатся в спецсообщении Управления контрразведки «Смерш» 3-го Белорусского фронта от 26 августа 1944 г. № 3/23791: «Летом 1943 года на базе еврейского гетто, в г. Каунас было создано три еврейских концентрационных лагеря, главный из них оставался в Вильямполе, второй лагерь организовался в предместье города Шанцы и третий лагерь размещался в районе аэродрома (Алексоты) <...> Условия существования и режим в еврейском гетто были настолько жестокими и нечеловеческими, что сами немцы боялись проникновения правды о лагерях в народ. В силу этого полиция и гестаповцы пресекли всякую попытку к побегу из гетто, угрожая за это расстрелом. Арестованный нами бывший начальник лагеря евреев в Шанцах унтершарфюрер Бендцко Курт предупреждал евреев, что за одного сбежавшего из лагеря он расстреляет 50 других» (ЦАМО, 1944. Ф. 32. Оп. 2656. Д. 6. Л. 23–25).

«Еще до организации в г. Каунас немецкой администрации, литовские контрреволюционные националисты – шаулисты² объединились в вооруженные группы и отряды и начали организованные облавы и расстрелы еврейского населения города. В своей ярости «шаулисты» не останавливались ни

перед чем. В течение двух–трех дней они собрали в городе 6 тыс. евреев, вывели их за город и зверски расстреляли. На глазах у населения женщины, дети, старики были раздеты и перебиты из винтовок, пистолетов, автоматов и ручными гранатами, а их вещи здесь же разграблены участниками расстрела» (ЦАМО, 1944. Ф. 32. Оп. 2656. Д. 6. Л. 26).

«В начале июля месяца 1941 года немцы сожгли в Вильямполе еврейскую больницу; там сгорели все, находившиеся на излечении больные и медицинский персонал. <...> Отобранных стариков, старух и детей в количестве около 10 тыс. человек немцы вывели в IX форт Каунасской крепости и там всех их расстреляли. <...> В августе месяца 1941 года начальник еврейского отдела гестапо – Рауке через еврейский комитет гетто объявил, что немецким властям нужно 500 человек евреев, имеющих хорошее образование, якобы для работы в Каунасских архивных учреждениях. 534 человека евреев изъявили желание работать в архивах, были собраны немцами, выведены из гетто и расстреляны в IX форте. 28-го октября 1941 года немецко-фашистские палачи вновь отобрали в еврейском гетто 12 тысяч детей, стариков, вывели свои жертвы в район IX форта крепости и расстреляли. Оставшиеся в гетто евреи видели, как СС-овцы и полицейские, вернувшиеся с кровавой расправы, обмывали человеческую кровь со своей обуви и обмундирования. <...> Ужасная трагедия, превосходящая все остальные по жестокости и бесчеловечности немцев, произошла в марте месяца 1944 года: палачами СС и СД было расстреляно и сожжено 1500 еврейских детей» (ЦАМО, 1944. Ф. 32. Оп. 2656. Д. 6. Л. 27–28).

В Эстонии, в 30 километрах южнее Таллина, немцами был создан специальный лагерь, в котором содержалось около 2 тыс. евреев, пригнанных на принудительные работы из Гродно и Каунаса. По спецсообщению Наркома внутренних дел ЭССР от 2 октября 1944 г.: «утром 19 сентября с. г. в лагерь прибыла специальная команда СС или гестапо, в числе 60-ти человек немцев, и в течение дня расстреляла около 1 600 человек мужчин, женщин и детей еврейской национальности. От смерти спаслись не более 80-ти человек. <...> 27 сентября нами арестован и заключен под стражу один из активных членов военно-фашистской организации «Омакайтсе³» Синипалу Август Фрицевич, рождения 1898 г., уроженец г. Таллин, эстонец, женатый, беспартийный, из рабочих, по специальности маляр, проживающий в г. Таллине по ул. Улэ, д. № 37, кв. 12. Синипалу в 1943 г. перешел на официальную

¹Центральный архив Министерства обороны – ЦАМО.

²Литовские коллаборационисты.

³Omakaitse (Самооборона) – военизированная эстонская организация, занимавшаяся в 1941–1944 гг. репрессиями против евреев и других неблагонадежных представителей, а также охраной военных и иных объектов.

службу в 3-ю роту 287-го полицейского батальона и в составе своего подразделения с августа 1943 г. принимал участие в охране заключенных в лагере Клоога евреев и в конвоировании их к месту массового расстрела 19-го сентября с.г.» (ЦАМО, 1944. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 168. Л. 374–376).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе данных источников можно сделать следующие выводы:

1) в соответствии с планами немецкого руководства определенная часть населения Прибалтики должна была принять и приняла активное участие в физическом уничтожении еврейского населения;

2) для успешной реализации этой задачи велась открытая и подпольная пропаганда. Культивировалось проведение погромов, при которых сложно

выявить активных участников. При откровенном антисемитизме погромщиков, последние не отказывались и от сопутствующих грабежей;

3) националистические и профашистские организации в Прибалтике были созданы в 1920–1930-е гг. С началом боевых действий они во многом реализовали те планы, которые были разработаны вместе с немцами заранее;

4) итогом деятельности литовских, латвийских и эстонских «добровольцев», полицейских и военнослужащих вермахта стало убийство сотен тысяч евреев и военнопленных;

5) современная политика стран Прибалтики во многом продолжает традиции восьмидесятилетней давности – восхваляются «доблести» легионеров частей СС, фактически пропагандируется фашизм; открыто преследуется русскоязычное население; в военной и внешней политике руководство Прибалтийских государств придерживается антироссийской позиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Резиденты сообщают...» // Сборник документов о политической обстановке в Латвии, Литве и Эстонии, август 1939 г. – август 1940 г. / сост. А. Р. Дюков. М. : АКАДЕМИА, 2020.
2. Дюков А. Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М. : Историческая память, 2013.
3. Крысин М. Ю., Литвинов М. Ю. Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы, 1941–1956. М. : Вече, 2016.
4. Загоруйко М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург». М. : Экономика, 1980.
5. Совершенно секретно. Только для командования! : Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы / сост. В. И. Дашичев ; под ред. Н. Г. Павленко. М. : Наука, 1967.
6. Kroener B. R., Umbreit H. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5 : Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereichs. Bd. 5/2. Stuttgart. 1999.
7. От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы : в 2 т. / сост.: А. В. Репников. М. : Росспэн, 2018.

REFERENCES

1. Dukov, A. P. (Ed.) (2020). «Rezidenty soobshhajut...»: sb. dokumentov o politicheskoj obstanovke v Latvii, Litve i Jestonii, avgust 1939 g.– avgust 1940 g. = “Residents report...”: collection of documents on the political situation in Latvia, Lithuania and Estonia, August 1939–August 1940. Moscow: Akademia. (In Russ.)
2. Dudkov, A. P. (2013). Protektorat «Litva». Tajnoe sotrudnichestvo s nacistami i nerealizovannyj scenarij utraty litovskoj nezavisimosti = Protectorate “Lithuania”. Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of the loss of Lithuanian independence. Moscow: Istoricheskaya pamyat’. (In Russ.)
3. Krysin, M. Yu., Litvinov, M. Yu. (2016). Latyshskie «lesnye brat’ja» i nemeckie specslozuby, 1941–1956. Moscow: Veche. (In Russ.)
4. Zagorulko, M., Judenkov A. (1980). Krah plana «Oldenburg» = The collapse of the Oldenburg plan. Moscow. (In Russ.)
5. Dashichev, V. (Ed.) (1967). Sovershenno sekretno! Tolko dlja komandovaniya! Strategija fashistskoj Germanii v vojne protiv SSSR. Dokumenty i materialy = «Top Secret! Only for the command!» The strategy of fascist Germany in the war against the USSR. Documents and materials. Moscow. (In Russ.)

6. Kroener, B. R., Umbreit H. (1999). Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg = The German Reich and the Second World War. Stuttgart.
7. Repnikov et al. (2018). Ot nacionalizma k kollaboracionizmu: Pribaltika v gody btoroj mirovoj vojny. Dokumenty. V dvuh tomah. T. 1 = From nationalism to collaboration: The Baltic States during the Second World War. Documents. In 2 volumes. Vol. 1. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марковчин Владимир Викторович

кандидат исторических наук, доцент
профессор кафедры Юго-Западного государственного университета, г. Курск

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markovchin Vladimir Viktorovich

PhD (History), Associate Professor
Professor of the Department of Southwestern State University, Kursk

Статья поступила в редакцию 01.06.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 01.06.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 930.23

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_87

Политика памяти в современной России

А. В. Нефедьев¹, А. Ю. Соклаков²

^{1,2}Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Москва, Россия

¹awnefedjew@yandex.ru

²al-sokl@yandex.ru

го государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 87–93. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_87

Original article

Politics of Memory in Modern Russia

Alexei V. Nefediev¹, Alexander Yu. Soklakov²

^{1,2}Military History Research Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia, Moscow, Russia

¹awnefedjew@yandex.ru

²al-sokl@yandex.ru

Abstract. The article gives an objective idea of the content, main directions and goals of the current politics of memory in the Russian Federation. Numerous attempts to falsify Russian history are considered in the context of more general concepts of mental and information wars. The conclusions and results of the research are based on factual data and accompanied by expert opinions. The authors conclude that it is necessary for specialists of various profiles to develop information and educational technologies that are adequate to the threat.

Keywords: information war, likbez, ideology, historical policy, historic truth, politics of memory, falsification of history

For citation: Nefediev, A. V., Soklakov, A. Y. (2022). Politics of Memory in Modern Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 87–93. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_87

ВВЕДЕНИЕ

Свобода ученых в исследовании и в аргументированной, объективной трактовке установленных фактов и исторических событий является непреложным атрибутом не только научной этики и благочестия, но также и демократии [Аристотель, 1997; Mill J.S., 1860]. Действительно, она выступает одним из факторов, определяющих развитие науки. Вместе с тем нынешний масштаб продуцирования направленных на разрушение устоявшихся исторических трактовок уже не может быть объясним исключительно научными поисками и обменом мнениями. В последние годы возросло количество фальсификаций отечественной истории. Их тиражирование оказывает существенное влияние на трансформацию исторической памяти населения целых

государств, «в результате постоянного и массированного воздействия на сознание нации качественно меняется ее менталитет, ценности, что ведет к разрушению монолита нации, к потере национальной идентичности, и приводит к исчезновению нации с политической карты мира» [Плотникова, Гусевская, 2020, с. 212].

Изначально использовавшееся среди историков понятие «ментальность» (лат. *mens* – менталитет) достаточно быстро было заимствовано психологами, социологами и политиками [Метелев, 2000]. К настоящему времени данный термин получил междисциплинарный статус, тем не менее «продолжают множиться дефиниции и концепции менталитета и ментальности, количество которых не поддается учету» [Ракитянский, 2020, с. 69]. Неудивительно, что такие сопряженные с информационной войной способы воздействия на ментальность и историческую память как «политика преодоления прошлого», «историческая политика», а также «политика памяти» находятся под пристальным вниманием не только профессиональных историков и политологов [Соклаков, 2020]. При этом их универсальное определение в настоящее время также отсутствует [Кирчанов, 2016].

Более того, появившийся в связи с корректировкой освещения причин прихода к власти нацистов, руководством ФРГ в 1980-е годы термин «Geschichtspolitik» («историческая политика») [Steinbach, 2008] был приспособлен для собственных нужд в стремящейся избавиться от наследия социализма Польше. Поэтому не удивительно, что ныне рядом исследователей он нередко уравнивается с «политикой памяти» и обозначает властные усилия по корректировке ментальности населения целых государств [Траба, 2009; Третьяков, 2021]. Очевидно, что «историческая политика (политика памяти) как направление деятельности любого современного государства и качественно новый уровень политизации истории, представляет собой одно из наиболее эффективных средств воздействия на общественное сознание, выполняя функцию одного из компонентов идеологии» [Третьяков, 2021, с. 36]. Поэтому рассмотрение процесса формирования в России на фоне нарастающего внешнего деструктивного информационного потока собственной политики памяти представляется актуальной задачей.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

На фоне роста русофобии и традиционной для Запада политики двойных стандартов наметилось

стремление воздействовать на историческую память населения Восточной Европы, а также России и стран постсоветского пространства. Ныне практика создания музеев оккупации, институтов памяти дополнилась проведением общеевропейских акций и принятием резолюций. Вся эта деятельность насыщена фактоидами¹, извращающими роль нашего Отечества в истории и прежде всего во Второй мировой войне. В борьбе за «оккупацию» сознания россиян излюбленными целями информационных атак уже не первый год выступает деятельность советских и нынешних органов власти, Русской православной церкви, а также общественных структур и движений патриотической направленности (ветеранские организации, Союз казаков России и др.). Из исторической же повестки чаще всего фальсификационным нападкам подвергаются события и факты Великой Отечественной войны и миротворческие усилия СССР в предвоенный период [Сержантов, 2021].

Разумеется, подобные усилия не остались незамеченными и повлияли на активизацию патриотических слоев населения и властных структур² [Всероссийский семинар по борьбе с фальсификацией истории... URL]. Примечательно, что одновременно под рассуждения о допустимости в современном мире «постправды»³ и «конкурентности правды»⁴ россиянам навязывается как искаженные исторические представления [Соклаков, 2010], так и мысль о недопустимости проведения нашим государством собственной политики памяти [Решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии ... 2019]. Отповедь подобным воззрениям на встрече с общественностью Липецкой области дал Президент России В. В. Путин. Так, отвечая на вопрос о том, как нужно противостоять фальсификациям истории, он, в частности, сказал: «... правдой. Только правду нужно излагать, но она должна быть аргументированной» (<http://kremlin.ru/events/president/news/62633>). Кроме того, непременным условием эффективного противостояния является также консолидация усилий историков, государства и общества в целом. Можно констатировать: российская политика памяти

¹Фактоид – ложное утверждение, оформленное подобно достоверному факту.

²Например: Центр информационного противоборства в Рязанском государственном университете им. С. А. Есенина приступил к работе. 14.02.2020. URL: <https://www.noo-journal.ru/tsentr-informatsionnogo-protivoborstva-ryazan-rgu/>

³Постправда – меняющий сознание масс эмоциональный поток информации в СМИ.

⁴Конкурентная правда – манипуляция и убеждение на основе различного сочетания фактов.

должна проводиться в целях защиты интересов государства и нации совместными усилиями научного сообщества, государства и общественности на основе исторической правды.

Неслучайно, начиная с 2011 г., было проведено уже три Всероссийских съезда учителей истории и обществознания, разработан Устав общественной организации Всероссийской «Ассоциация учителей истории и обществознания». Историческое сообщество активно подключилось к разработке и совершенствованию предложенной Президентом страны еще в 2013 г. единой линейки учебников истории России. Была успешно разработана концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории и историко-культурный стандарт, а к 2021 г. проект обновленной концепции преподавания учебного курса «История России»¹.

Отстаивание исторической правды объединило усилия государства и различных общественных организаций. Например, в 2004 г. был учрежден неправительственный «Фонд исторической перспективы», с 2008 г. успешно работают фонды «Современная история» и «Историческая память», а в 2016 г. был образован фонд «История Отечества». Перечень проводимых ими мероприятий впечатляет. Например, один только фонд «Историческая память» организовал 18 международных конференций и более 150 научных семинаров и других мероприятий в 11 странах, пять историко-документальных выставок, издал 91 книгу (в том числе и в переводах), издает два научных журнала, создал две электронные базы данных о 15 696 жертвах «лесных братьев» в западных регионах СССР и с информацией о 9 097 уничтоженных нацистами белорусских деревень².

Эффективным заслоном на пути фальсификации истории стало и рассекречивание архивных документов. Поэтому рядом архивов, в том числе Центральным архивом Министерства обороны и НИИ Военной истории ВА ГШ, проводится огромная работа³. Разумеется, рассекречивание архивной информации – это лишь первый шаг в нужном направлении. Насущной задачей для академического и педагогического сообщества является их скрупулезный анализ, а также подготовка и издание научных и справочно-энциклопедических трудов

и учебной литературы. Значительная деятельность в этом направлении ведется в Министерстве обороны. В частности, в стенах НИИ Военной истории ВА ГШ усилия исследователей сосредоточены на проведении научно-исследовательских работ (в том числе по проблематике противодействия попыткам фальсификации военной истории и обобщению опыта деятельности ОВУ НКО СССР и командующих войсками фронтов и армий в 1944–1945 гг.), разработке военно-теоретических и военно-исторических трудов (в том числе по различным аспектам развязанной в отношении России гибридной войны, посвященных изучению опыта боевых действий и военно-политического руководства советских войск в 1941–1945 гг.), а также изданию научно-справочных трудов (о комбригах военных лет, битве за Ленинград) и др. [Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни ... 2018; 80 лет начала Советско-Финляндской войны... 2020; Пляскин, 2018].

Российские СМИ не раз освещали деятельность Управления МО по увековечиванию памяти защитников Отечества и работу посвященных Великой Отечественной войне обобщенных банков данных «Мемориал», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и электронного портала «Память народа». Востребованным ресурсом стала и электронная книга памяти международного движения «Бессмертный полк»⁴, созданного благодаря инициативе томских журналистов в 2012 г.

Стоит упомянуть и о значимости организационной работы комитета «Победа» и Комиссии при Президенте России по делам ветеранов, а также предшествовавшего им Комитета по подготовке и проведению мероприятий в связи с памяtnыми событиями военной истории Отечества и по делам ветеранов (существовал в 1995–2000 гг.). Эффективно строится взаимодействие государства с Русской православной церковью. Например, опыт создания в 2010 г. выставки «Православная Русь» был положен в основу работы в 22 городах мультимедийных выставочных парков «Россия – моя история». В этом взаимодействии активно участвует и Министерство обороны. В частности, усилиями личного состава и сотрудников НИИ Военной истории ВА ГШ и Управления МО по увековечиванию памяти защитников Отечества было осмыслено и разработано военно-историческое обеспечение (сопровождение) оформления главного храма ВС РФ, положенное в основу музейного комплекса «Дорога памяти». Координация и направление в требуемое русло военно-политических усилий,

¹Дудник С. Н. О содержании обновленной Концепции преподавания учебного курса «История России» (27.03.2021). URL: <https://multiurok.ru/files/o-soderzhanii-obnovlionnoi-kontseptsii-prepodavani.html>

²Историческая память. «Фонд содействия актуальным историческим исследованиям: историческая память». О фонде. URL: <http://historyfoundation.ru/about/>

³Минобороны России рассказало о рассекречивании архивных документов. 24.03.2021. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/845728-dokumenty-minoborony-perechen>

⁴Электронная книга памяти «Бессмертный полк – Тамбовская областная ТПП». URL: <http://totpp.ru/ru/special/geroi-vov/>

а также внедрение в повседневную практику передового опыта и в определенной мере научных наработок возложена на ГлавПУР¹.

Разумеется, ошибки, просчеты, равно как и успехи в патриотическом воспитании молодежи и в противодействии фальсификации истории вызывали и продолжают инициировать нередко искусственно притянутые выпады оппонентов. Так, декларирование в 2010 г. руководителем Совета при Президенте РФ по правам человека М. А. Федотовым десталинизации как одной из первоочередных задач приветствовал премьер-министр Литвы А. Кубилюс. По мнению директора российского фонда «Историческая память» А. Дюкова, это далеко не случайно, поскольку «официальные власти Литвы до сих пор надеются получить от России финансовые компенсации за так называемую “советскую оккупацию”»². Поэтому оптимизация форм и методов проведения отвечающей национальным интересам России политики памяти является приоритетной задачей. Так, несмотря на определенную эффективность, в 2012 г. была упразднена Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России³ [Нарышкин, 2011] и оперативно создано «Российское военно-историческое общество» и учреждена научная общественная организация «Российское историческое общество». Совершенствуется работа с молодежью. Так, в 2015 г. был дан старт федеральному проекту «Волонтерский корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», вскоре переросшему во всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы».

Эффективность противодействия фальсификации истории во многом зависит от слаженной работы Федерального собрания. Например, в 2015 г. после требования Совета Федерации проверить на соответствие законодательству деятельность включенных в «патриотический стоп-лист» двенадцати иностранных неправительственных организаций, их деструктивное воздействие на историческую память россиян было значительно ограничено.

¹Основы организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации от 22.07.2019. URL: https://vii.sfu-kras.ru/images/pdf/Prikaz_MO_RF_404.pdf

²Эксперт: Реализация «программы Федотова» открывает путь для получения Литвой многомиллиардных компенсаций. 24.03.2011. URL: <https://regnum.ru/news/society/1387456.html>

³ Андреева Д. История не терпит сослагательного наклонения. 5 лет Комиссии по противодействию фальсификации истории. 19.05.2014. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:-Z2nj74Cx1kJ:www.rosinform.ru/society/512524-istoriya-ne-terpit-soslagatel'nogo-nakloneniya-5-let-komissii-po-protivodeystviyu-falsifikatsii-istorii/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

Следует также упомянуть целый ряд принятых в России законов:

- 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»;
- 2006 г. № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город воинской славы”»;
- 2014 г. введение в УК РФ ст. 354.1. «Реабилитация нацизма»;
- 2020 г. № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”».

Кроме того, в 2020 г. в Конституции появилась ст. 67-1, в которой отражена важность для объединенной тысячелетней историей России сохранения памяти предков и исторически сложившегося государственного единства: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Опубликованная в прошлом году В. В. Путиным ст. «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», высветившая связь исторического прошлого с нынешними политическими, экономическими и идеологическими реалиями, по словам председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко «должна стать руководством к действию...» (<https://rg.ru/2020/06/22/matvienko-statia-putina-o-vojne-dolzha-stat-nastolnoj-knigoj-dlia-molodezhi.html>). Действительно, профессиональные историки как никто должны понимать слова Президента России: «исторический ревизионизм <...> прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и ее итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития» и напротив: «опираясь на общую историческую память, мы можем и должны доверять друг другу» (<http://kremlin.ru/events/president/news/63527>). Вот почему НИИ Военной истории ВА ГШ разоблачению фальсификаций итогов Второй мировой войны уделяется неослабевающее внимание [История Великой Отечественной войны ... 2020]. Поэтому лозунг «за Россию и мир» должен остаться не модным слоганом, но стать руководством к действию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация эффективной защиты от информационных атак не исчерпывается наличием точной и правдивой информации, требуется учет психологических аспектов поведения лиц, чье сознание отравлено информационными фейками и фальсификациями исторических событий. Поэтому специалисты высказываются

о необходимости разработки соответствующих информационно-просветительских технологий – своего рода ликбезов в сфере исторической грамотности, а также информационной и идеологической безопасности [Басик, 2021; Бутина, 2021; Елькина, Соклаков, 2020]. Представляется, что в деле по ликвидации безграмотности (ликбез) в знании истории объединение усилий историков с иными специалистами является приоритетной задачей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. Брагинская. Философы Греции. М. : ЭКСМО-Пресс, 1997. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>
2. Mill J. S. On Liberty (2 ed.). London, 1860.
3. Плотникова Е. А., Гусевская Н. Ю. Историческая политика как поле информационной войны: «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт» // Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 206–215.
4. Метелев А. В. Ментальность в этимологической и категориальной системах // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4 (18). С. 51–56.
5. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020.
6. Соклаков А. Ю. Термины и определения // Пандемия 2020: информационные атаки и алгоритмы защиты: сборник материалов вебинара. М. : МВОКУ, 2020. С. 80–94.
7. Кирчанов М. В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21) С. 73–86.
8. Steinbach P. Politik mit Geschichte – Geschichtspolitik? // Bundeszentrale für politische Bildung. 28.03.2008. URL: <https://www.bpb.de/themen/erinnerung/geschichte-und-erinnerung/39789/politik-mit-geschichte-geschichtspolitik/>
9. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4 С. 43–64.
10. Третьяков А. В. Понятие исторической политики в постсоветской историографии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2 (58) С. 33–43.
11. Сержантов. А. В. История Великой Отечественной войны как объект фальсификаций // Причины, итоги и уроки Великой Отечественной войны (1941–1945). Правда и вымыслы : материалы круглого стола. Кубинка, 2021. С. 5–13.
12. Всероссийский семинар по борьбе с фальсификацией истории: в целях повышения уровня участия педагогического сообщества в противодействии фальсификации истории. 23.11.2021. URL: <https://www.noo-journal.ru/vserossiyskiy-seminar-po-borbe-s-falsifikatsiyey-istorii/>
13. Решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии в годы Второй мировой войны: учебное пособие / под ред. А. В. Картаполова. М. : ВУ, 2019.
14. Соклаков А. Ю. К вопросу об освещении военной истории казачества в книгах издательств «Яуза» и «Эксмо» // Историческая наука: проблемы и основные тенденции развития: материалы Международной научной конференции Тульского государственного университета, 30.05.2010. Тула : Тульский государственный университет, 2010. С. 8–12.
15. Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования / сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршуно, А. И. Рупасов: коллективная монография. СПб. : ГАЛАРТ 2018.
16. 80 лет начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Сборник материалов круглого стола / под ред. С. Н. Ковалева. М. : ВАГШ ВС РФ, 2020.
17. Пляскин В. П. Методологические проблемы военно-исторического исследования. М. : НИИ (военной истории) ВА ГШ ВС РФ. 2018.
18. Нарышкин С.Е. Современный мир: история не остается безучастной // Власть. № 12. 2011. С. 4–10.
19. История Великой Отечественной войны, как объект искажения и фальсификации. К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945): сборник науч. статей / сост. Д.М. Воробьев. М. : ВАГШ ВС РФ, 2020. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/279756/>

20. Басик И. И. Политика памяти в контексте ментальной войны // Психологическая оборона. Информационное противодействие в условиях ментальной войны: материалы конференции. КВЦ «ПАТРИОТ», 2021. С. 9–10.
21. Бутина М. В. Демонизация и дегуманизация личности как методы психологической войны // Психологическая оборона. Информационное противодействие в условиях ментальной войны: материалы конференции. КВЦ «ПАТРИОТ», 2021. С. 11–12.
22. Елькина Т. В., Соклаков А. Ю. Педагогические аспекты реализации идеологического компонента военного профессионального образования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (60). 2020. С. 122–125.

REFERENCES

1. Aristotel' (1997). Nikomahova etika = Nicomachean Ethics. Moscow. <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (In Russ.)
2. Mill, J. S. (1860). On Liberty (2 ed.). London.
3. Plotnikova, E. A., Gusevskaya, N. Yu. (2020). Istoricheskaya politika kak pole informacionnoj vojny = Historical politics as a field of information warfare. Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt. (pp. 206–215). Omsk. (In Russ.)
4. Metelev, A. V. (2000). Mental'nost' v jetimologicheskoy i kategorial'noj sistemah = Mentality in etymological and categorical systems. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 4(18), 51–56. (In Russ.)
5. Rakityanskij, N. M. (2020). Mental'nye issledovaniya global'nyh politicheskikh mirov = Mental studies of global political worlds. Moscow. (In Russ.)
6. Soklakov A.Yu. (2020). Terminy i opredeleniya = Terms and definitions. Pandemiya 2020: informacionnye ataki i algoritmy zashchity: sbornik materialov vebinara. (pp. 80–94). Moscow: MVOKU. (In Russ.)
7. Kirchanov, M. V. (2016). Priruchenie proshlogo: istoricheskaja politika i politika pamjati (evropejskij istoriograficheskij opyt i latinoamerikanske konteksty) = Taming the Past: Historical Politics and the Politics of Memory (European historiographical experience and Latin American contexts). Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike, 3(21), 73–86. (In Russ.)
8. Steinbach, P. (2008). Politik mit Geschichte – Geschichtspolitik? Bundeszentrale für politische Bildung 28.03.2008. <https://www.bpb.de/themen/erinnerung/geschichte-und-erinnerung/39789/politik-mit-geschichte-geschichtspolitik/> (In German)
9. Traba, R. (2009). Pol'skie spory ob istorii v XXI veke = Polish disputes about history in the XXI century. Pro et Contra, 3–4, 43–64. (In Russ.)
10. Tret'yakov, A. V. (2021). Ponjatie istoricheskoy politiki v postsovetsoj istoriografii = The concept of historical politics in post-Soviet Historiography. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2(58), 33–43. (In Russ.)
11. Serzhantov, A. V. (2021). Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny kak ob'ekt fal'sifikacij = The history of the Great Patriotic War as an object of falsifications. Prichiny, itogi i uroki Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945). Pravda i vymysly: materialy kruglogo stola. (pp. 5–13). Kubinka. (In Russ.)
12. Vserossijskij seminar po bor'be s fal'sifikaciej istorii: v celyah povysheniya urovnya uchastiya pedagogicheskogo soobshchestva v protivodejstvii fal'sifikacii istorii. 23.11.2021. URL: <https://www.noo-journal.ru/vserossiyskiy-seminar-po-borbe-s-falsifikatsiyey-istorii/>
13. Kortapolov, A. V. (Ed.) (2019). Reshayushchij vklad Sovetskogo Soyuza v razгром fashistskoj Germanii v gody Vtoroj mirovoj vojny: uchebnoe posobie = The decisive contribution of the Soviet Union to the defeat of Nazi Germany during the Second World War: textbook. Moscow: VU. (In Russ.)
14. Soklakov A.Yu. (2010). K voprosu ob osveshchenii voennoj istorii kazachestva v knigah izdatel'stv «Yauza» i «Eksmo» = To the question of the coverage of the military history of the Cossacks in the books of the publishing houses «Yauza» and «Eksmo». Istoricheskaya nauka: problemy i osnovnye tendencii razvitiya. (pp. 8–12). (In Russ.)
15. Ignatiev P. V., Korshuno E. L., Rupasov A. I. (Eds.) (2019). Leningrad. Vojna. Blokada. Doroga zhizni: materialy i issledovaniya = Leningrad. War. The blockade. The Road of Life: materials and research. St. Petersburg: Galart. (In Russ.)
16. Kovalev, S. N. (Ed.). (2020). 80 let nachala Sovetsko-finlyandskoj vojny 1939–1940 gg. = 80 years of the beginning of the Soviet-Finnish War of 1939–1940. Moscow: VAGSH VS RF. (In Russ.)
17. Plyaskin, V. P. (2018). Metodologicheskie problemy voenno-istoricheskogo issledovaniya = Methodological problems of military historical research. Moscow: NII (voennoj istorii) VA GSH VS RF. (In Russ.)

18. Naryshkin, S. E. (2011). Sovremennyy mir: istoriya ne ostayotsya bezuchastnoj = The modern world: history does not remain indifferent. *Vlast'*, 12, 4–10. (In Russ.)
19. Vorob'ev, D. M. (Ed.). (2020). Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny, kak ob'ekt iskazheniya i fal'sifikacii (k 75-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.) = The history of the Great Patriotic War as an object of distortion and falsification (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941–1945). Moscow: VAGSH VS RF. (In Russ.)
20. Basik, I. I. (2021). Politika pamyati v kontekste mental'noj vojny. Mat. konferencii: Psihologicheskaya oborona. Informacionnoe protivodejstvie v usloviyah mental'noj vojny = The Politics of Memory in the context of Mental Warfare. (pp. 9–10). KVC «PATRIOT». (In Russ.)
21. Butina, M. V. (2021). Demonizaciya i degumanizaciya lichnosti kak metody psihologicheskoy vojny = Demonization and dehumanization of personality as methods of psychological warfare. Mat. konferencii: Psihologicheskaya oborona. Informacionnoe protivodejstvie v usloviyah mental'noj vojny. (pp. 11–12). KVC «PATRIOT». (In Russ.)
22. El'kina, T. V., Soklakov, A. Yu. (2020). Pedagogical aspects of the implementation of the ideological component of military vocational education. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia», 2(60), 122–12

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нефедьев Алексей Викторович

кандидат политических наук, доцент
начальник отдела Научно-исследовательского института военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

Соклаков Александр Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nefediev Alexei Viktorovich

PhD (Political Science), Associate Prof.,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Department Head in the Military History Research Institute
of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Soklakov Alexander Yurievich

PhD (History), Associate Prof.
Senior Researcher in the Military History Research
Institute of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.05.2022
одобрена после рецензирования 06.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 25.05.2022
approved after reviewing 06.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 94

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_94

«Либеральная империя» и электоральные процессы во Франции (1869–1870)

М. А. Уварова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия**uvarovamaria82@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена двум важным событиям истории Франции эпохи Второй империи – парламентским выборам 1869 г. и плебисциту 1870 г. Задачей данной статьи является выяснить, как либеральные реформы отразились на проведении избирательных кампаний и способствовали ли они росту популярности оппозиции и падению авторитета императора. Исследование показало, что выборы и плебисцит проходили в обстановке свободной политической конкуренции, при этом подавляющее большинство французов ободрило либеральные реформы. Это означает, что уровень доверия к императору был по-прежнему высок, а либеральное движение рассматривалось как опора императора и новая идейная платформа империи.

Ключевые слова: Франция, Вторая империя, Наполеон III, бонапартизм, «либеральная империя», плебисцитарная демократия

Для цитирования: Уварова М. А. «Либеральная империя» и электоральные процессы во Франции (1869–1870) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 94–101. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_94

Original article

The «liberal empire» and electoral processes in France 1869–1870)

Maria A. Uvarova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**uvarovamaria82@gmail.com*

Abstract. This article covers two important events of the Second Empire epoch: parliamentary elections of 1869 and the plebiscite of 1870. The goal of this article is to reveal how the reforms affected electoral campaigns and whether they boosted the opposition's popularity and the emperor's credibility. The research study showed that the elections and the plebiscite had had no restrictions and had been competitive; simultaneously the majority of the French people had voted for liberal reforms fixed as constitutional amendments. Therefore, the emperor's authority was still firm and the liberal movement was seen from now on as the new ideological platform of the empire.

Keywords: France, the second Empire, Napoleon III, bonapartism, the liberal empire, plebiscitary democracy

For citation: Uvarova, M. A. (2022). The «liberal empire» and electoral processes in France (1869–1870). Vestnik Moscow Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 94–101. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_94

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Второй империи во Франции подразделяется на два периода – авторитарный и либеральный (или «либеральная империя» 1867–1869 гг.). Как политическая система авторитарная империя во многом повторяла первую наполеоновскую империю. Однако гораздо более спорным и проблематичным для исследования является либеральный период правления Наполеона III – время, когда плебисцитарная демократия стала приобретать черты представительной монархии, когда бонапартизм продемонстрировал свою способность трансформироваться согласно меняющемуся общественному климату. Во многом это объясняется позицией самого Луи Бонапарта – новый император французов занимал социально-реформистскую позицию и настаивал на важности умения следовать передовым идеям своего времени. Итогом проведенных за два года реформ стало общенациональное голосование: парламентские выборы 1869 г. и плебисцит 1870 г., в ходе которых французы смогли выразить свое мнение о проведенных преобразованиях в сфере государственных структур и гражданских свобод. Выборы и плебисцит продемонстрировали восприятие реформ различными политическими движениями и широким кругом избирателей.

Задачей данного исследования является выяснить, как и в какой степени либеральные реформы конца 1860-х гг. повлияли на доверие французского общества к императору; означало ли возвращение народу гражданских свобод ослабление влияния бонапартизма и рост популярности оппозиционных движений; на каких аргументах основывались поддержка и критика «либеральной империи» в ходе избирательных кампаний; насколько полноценно политические свободы функционировали в ходе выборов и плебисцита; какие политические группы получили наибольшую поддержку избирателей.

Источники, на которых основано исследование, представляют собой документы, хранящиеся в личных фондах наиболее видных деятелей той эпохи, принадлежавших к различным политическим группам. Это записки и письма, статистические данные по выборам и плебисциту, предвыборные брошюры, донесения различного уровня чиновников и представителей полиции, а также периодические издания.

Говоря о периоде «либеральной империи», следует иметь в виду ряд проблем, имеющих место в его историографической оценке. В то время как этот период имеет богатую архивную основу, исследования реформ 1867–1870 гг. начались относительно недавно. Отечественная историография на сегодняшний

день не представила таких исследований, хотя начали появляться работы, разрывающие традицию марксистского видения Второй империи как популистской диктатуры и отмечающие ее прогрессивность в социально-экономической сфере [Смирнов, 2003; Черкасов, 2012]. Французская историография долгое время также обходила этот период, однако в конце 1990-х гг. начали появляться работы, призывающие «реабилитировать» Вторую империю [Anceau, 2012; Anceau, 2017; Anceau, 2019; Dufreigne, 2010; Milza, 2006; Sagnes, 2007; Tulard, 1995].

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Стимулом к проведению либеральных реформ стало стремление Наполеона III укрепить свой пошатнувшийся к концу 1860-х гг. политический авторитет национального лидера. Авторитарная диктатура в духе Первой империи изживала себя и не соответствовала требованиям современного общества. Император понимал, что после десятилетия стабилизации и жесткого контроля динамично развивающееся общество потребует возвращения ему свобод, отнятых в обмен на благосостояние и прекращение революций (*Archives Nationales de France. Fonds Persigny. 44 AP-16*).

В 1860-е гг. во Франции стали видны перемены в политическом климате. Впервые за время существования империи начала громко заявлять о себе республиканская и либеральная оппозиция, долгое время отстраненная от политического участия в ходе репрессивной политики первых лет империи. Наиболее «непримиримыми» в отношении к империи оставались республиканцы, защищавшие ценности демократии в духе 1848 г. Более гибкую позицию заняли либералы, или «третья партия» – союз «старых» либералов-орлеанистов во главе с Адольфом Тьером [Игнатченко, 2017] и молодых либералов (в значительной степени вскормленных революцией 1848 г. и в прошлом имевших республиканские убеждения), возглавляемых молодым депутатом Эмилем Оливье. Изначально позиция Оливье заключалась в отказе от борьбы в республиканском духе и переходе к компромиссу с бонапартистами: он полагал, что Франции необходимо окончательно избавиться от наследия «революционного духа» и воссоздать при бонапартистской системе то, что не состоялось при Июльской монархии – представительное правление с полнотой гражданских свобод и широкой социальной программой. Оливье был убежден, что только сохранение империи поможет установить свободу без революции [Ollivier, 1899–1912].

На самом деле использование термина «либеральный» применительно к реформам конца 1860-х гг. и позиции Оливье отражает скорее политическую практику, чем теорию и идеологию. Идею Оливье имеет мало общего с традиционным либерализмом в духе доктринеров первой половины XIX в. – прежде всего потому, что он согласился на отвержение легитимной монархии и принятие узурпатора Луи Бонапарта. Либеральный характер этих реформ заключался именно в ослаблении или снятии ограничений, наложенных на гражданские свободы в первые годы империи. Тем самым плебисцитарная демократия должна была стать представительной монархией. Мотивация либералов и императора здесь совпала – обе стороны руководствовались принципом сохранения стабильности общества и государства и авторитета монарха.

На протяжении 1867–1869 гг. были проведены серьезные реформы в структурах органов власти. Был введен принцип ответственности министров перед парламентом; депутатам Законодательного корпуса было возвращено право на подачу запроса правительству в случае отклонения их предложений; император высказал намерение пересмотреть состав правительства и ввести туда как можно больше представителей оппозиции [там же]. Был принят новый закон о свободе прессы, результат длительных дебатов и сложных компромиссов между властью и оппозицией: он был осторожным и двусмысленным – с одной стороны, он отменял все ограничения на регистрацию и издания газет и журналов, с другой – сохранялись все наказания за содержание публикаций, сохранялось наказание за «оскорбление власти», «преступления прессы» по-прежнему приравнивались к уголовным делам (*Archives Nationales de France. Fonds Rouher. 45 AP–5*). Тем не менее ликвидация предварительной цензуры позволила увидеть свет многочисленным изданиям республиканского направления.

Новый закон о свободе собраний (в том числе и предвыборной агитации) напоминал, по своей сути, закон о свободе прессы: ликвидировались все административные и полицейские барьеры для организации собраний и демонстраций, но на каждом из них должен был присутствовать наблюдатель от полиции. Тем не менее эти собрания позволили выйти из тени представителям оппозиции и свободно распространять свои идеи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ НА ВЫБОРАХ 1869 г.

Парламентские выборы 1869 г. и плебисцит 1870 г. стали для империи способом выяснить отношение французов к проводимой политике либерализации

системы. Эти события во многом выявили противоречивый характер реформ и сложность положения, в котором отныне оказались все оппозиционные партии.

В первую очередь в ходе избирательной кампании проблемой для императорского правительства стало наличие так называемых официальных кандидатов – консервативных бонапартистов, зачастую являвшихся правительственными или муниципальными чиновниками. Еще до начала реформ Оливье требовал законодательно запретить совмещение поста чиновника со статусом народного депутата, однако это требование так и не было услышано императором – официальные кандидатуры сохранялись из соображений баланса между исполнительной и законодательной ветвями власти (*Archives Nationales de France. Fonds Rouher. 45 AP–5*).

Между тем новые законы о свободе собраний начали давать свои плоды – по всей стране росла популярность либералов и республиканцев (в документах той эпохи они часто фигурируют под названием «независимые кандидатуры»). Отчеты региональных муниципальных властей свидетельствуют об озабоченности пусть и незначительным, но все же ростом популярности оппозиции¹. Социальное распределение востребованности независимых кандидатов по регионам было довольно предсказуемым: в индустриальных районах (Париж, Эльзас, Лотарингия, крупные города), где сосредотачивались пролетариат и средний класс, предпочтения отдавались либералам и республиканцам; крестьянство оставалось консервативным, к реформам относилось с подозрением и, как и в 1848 и 1852 гг., поддерживало бонапартистскую линию: в императоре деревня видела залог порядка, материального благополучия и стабильности.

По итогам парламентских выборов 23–24 мая 1869 г. наиболее впечатляющую победу одержала республиканская оппозиция – так, в Париже она получила 125 тыс. голосов (на 100 тыс. голосов больше, чем на предыдущих выборах 1863 г.), в то время как бонапартисты добились всего 55 тыс. Эта победа дала возможность впервые пройти в Законодательный корпус ряду виднейших республиканских лидеров – таким как Л. Гамбетта, Э. Пикар, Ж. Ферри, Ж. Фавр и др. Несмотря на рост популярности радикалов, существенно улучшили свои позиции либералы (или, как их отныне часто именовали, «либеральные бонапартисты») – архитекторы либеральной империи. По итогам выборов, в парламенте они получили 120

¹L'Opinion Nationale. 7 Janvier 1868.

мест, опередив консервативных бонапартистов (98 мест)¹. Это было беспрецедентной победой либералов в период империи – однако и эта победа просто объяснима: ее, скорее всего, и не было бы без поддержки императора и его реформистской программы. На тот момент либералы в глазах французов уже утратили свой статус самостоятельной оппозиционной партии и превратились в «агентов», в «проект императора». Тем самым, выбирая либералов, общество выражало свою поддержку прежде всего Наполеону III. Следовательно, страна разделилась на две серьезно противоречащие друг другу «партии» – сторонников мягких либеральных реформ и сторонников «непримиримых», республиканцев, радикалов [Girard, 1960; Price, 2004].

Безусловно, новый закон о свободе собраний сильно воодушевил либералов и республиканцев, и без него они едва добились бы столь впечатляющих успехов; хотя в парламент республиканцам удалось провести всего 30 депутатов, это был настоящий прорыв по сравнению с эпохой авторитарного десятилетия. Однако пропагандистская активность официальных кандидатов оставалась на уровне эпохи диктатуры по части давления и популизма: согласно ряду репортажей независимых журналов, во многих департаментах префекты организовывали принудительные собрания граждан, на которых оглашалась программа бонапартистов. Применялись давно испытанные бонапартистами популистские средства привлечения избирателей: банкеты, бесплатные обеды и народные гуляния: «население здесь бедное и мало образованное, и неудивительно, что решающую роль для кандидата сыграли деньги и развлечения – столь могущественные инструменты выборов»² (*Archives Nationales de France. Fonds Rouher. 44 AP-19*). При этом электорат не демонстрировал большого энтузиазма в отношении представителей той или иной партии, скорее, к потенциальным депутатам проявляли недоверие, в то время как наибольшие чаяния были направлены на персону императора как на гаранта порядка – народ был явно «сбит с толку предоставленными ему широкими возможностями ... в нем еще жило воспоминание о 1848 г. и о бедствиях, ценой которых нам досталась свобода» (*Archives Nationales de France. Fonds Crémieux. 369 AP-3*). Сохранились письма с жалобами от жителей ряда небольших коммун, явно напуганных наплывом предвыборной агитации со стороны представителей оппозиции – их часто обвиняли в попытках разжигания беспоряд-

ков и подрыве тех гарантий свободы и порядка, которые были созданы императором. Региональные муниципальные власти выражали озабоченность растущим смятением среди избирателей, отвыкших от бурной политической агитации, которой они не знали с 1848 г.: «французский народ получил свободы и не знает, что делать с ними, понимая их как свободу бунтовать, но не свободу выбирать» (*Archives Nationales de France. Fonds Rouher. 45 AP-5*).

В целом риторика официальных кандидатов мало отличалась от той, которая имела место в период авторитарной империи, и риторикой, которой были популизм и упор на личное доверие императору: «...голосуя за нашего кандидата, вы голосуете за императора... это значит выбирать порядок, безопасность, мир, процветание и будущее ваших детей ... правительство выполняет свои обещания, ибо император – друг рабочих»³, как гласила она из листовок, распространяемая среди жителей маленького шахтерского городка. В рапортах префектов о ходе выборов относительно тех коммун и департаментов, где победили либералы или республиканцы, содержатся замечания о том, что подобное «упущение» произошло по вине мэров, не сумевших в достаточной степени повлиять на избирателя и организовать соответствующую кампанию⁴.

Можно заметить, что риторика агитационных брошюр и листовок в пользу как бонапартистских, так и либеральных кандидатур часто является идентичной. Тексты изобилуют понятиями «порядка и свободы, противостоящим анархии – худшей из тираний...»⁵, т. е. берется на вооружение известная либеральная доктрина, основа которой – соединение свободы и порядка ради предотвращения революции. В отношении кандидатов-республиканцев часто применяются уничижительные эпитеты, как, например, «болтуны, скандалисты и заговорщики – враги народа... которые будто бы обещают народу счастье, но на самом деле они – интриганы и паразиты»⁶. И если республиканцы вызывали у официальных кандидатур столь сильный страх и неприязнь, то восприятие либералов в ходе кампании 1869 г. было более благосклонным – они рассматривались как опора императора, его помощники в деле улучшения социального и политического положения Франции: например, встречается характеристика Оливье как «преданного государству человека, опытного и серьезного политического деятеля,

¹Там же, 25 Mai 1869.

²Зд. и далее пер. наш. – У. М.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же.

сделавшего так много для страны...»¹. Язык, на котором либеральные кандидаты обращаются к электорату, едва ли отличим от бонапартистского: так, один из либералов обещает «преданно и самоотверженно поддержать императора и его династию... Я займусь развитием народного образования... Я стремлюсь к благополучию рабочего класса, добьюсь продолжения строительства в нашем краю железных дорог и шоссе – залога будущего процветания страны...»². Очевидно, что на тот момент цели и платформы бонапартистов и либералов всё более сближались – и те, и другие готовы были защищать персону императора и существующий порядок, только с разных позиций: одни – с позиций консерватизма, другие – с позиций реформизма.

В таких обстоятельствах статус настоящей оппозиции сохранялся лишь за республиканцами. Правительство и провластные органы печати и представители региональных властей не скрывали, что цель избирательной кампании 1869 г. – продемонстрировать как можно ярче и выгоднее переход империи к либерализму с целью погасить республиканскую активность, как можно сильнее маргинализировать «непримиримых», выставить их врагами свободного и процветающего отечества: «Эта оппозиция обладает чертами, недопустимыми для серьезной политической деятельности: жестокостью и радикальностью. Они намерены действовать силой и стремятся навязать свои утопические взгляды. Они бессильны, поэтому прибегают к пустой болтовне и бесполезным уличным демонстрациям» (*Archives Nationales de France. Fonds Rouher. 45 AP-8*). В данном случае явственно проступает расхождение между законодательством и практикой в ходе проведения либеральных реформ: на законодательном уровне империя признала свободу собраний и предвыборной агитации и открыла широкие возможности различным партиям, но на практике чинила оппозиции препятствия.

Позиция республиканцев в ходе избирательной кампании была твердой и однозначной – они не признали «либеральную империю» и призывали французов противостоять этой лицемерной, демагогической политике, которая, на их взгляд, мало чем отличалась от периода авторитарной диктатуры: «Французы, на нынешних выборах вы вольны управлять своей судьбой – свергнуть тирана. Не ждите, пока вас освободят депутаты, защитите и освободите себя сами... Воспользуйтесь выборами: сделайте из предвыборной агитации сигнал к революции!»³. Республиканцы восприня-

ли эти выборы как возможность легальным путем добиться своего представительства в парламенте.

Итоги выборов 1869 г. продемонстрировали тенденции политической жизни Франции после проведения реформ «либеральной империи»: либеральная партия во главе с Оливье утратила статус оппозиции и начала восприниматься обществом как партия власти, которой покровительствовал император – этим объясняется успех либералов на выборах. Бонапартисты сохранили свои прочные позиции и лишь незначительно уступили либералам – общество ассоциировало их со стабильностью, но верило, что некоторые послабления принесут больше пользы, чем консервация системы. Республиканцы оставались на положении политических изгоев, которые, с одной стороны, обладали всеми возможностями для свободного участия в выборах, с другой – всячески дискредитировались официальной пропагандой.

Выборы весьма ярко отразили региональные и социальные распределения предпочтений избирателей. Республиканцев поддержали Париж и крупные промышленные центры большинства регионов Франции – помимо наличия в них активного и растущего класса пролетариата, там всегда была развита культура самоуправления, политической самоорганизации, коллективного действия; крупные города юга Франции отвергли бонапартистов во многом в силу региональной самостоятельности и исторически сложившейся тенденции к сепаратизму, проявлявшихся еще со времен Альбигойских войн и мятежей гугенотов. В этих же крупных городах по всей стране почти равного с республиканцами успеха добились либералы – за них голосовал средний класс, интеллектуалы и средняя буржуазия, те, кто, с одной стороны, устал от авторитаризма бонапартистов и приветствовали либерализацию системы, с другой – опасались революционного сценария. Явными сторонниками консервативного бонапартизма проявили себя часть представителей крупной промышленности и крестьянство – обширные сельские регионы центра и запада Франции остались верными императору и готовы были поддержать любую его политику во имя сохранения стабильности и благополучия в аграрной и индустриальной сферах.

Документы, относящиеся к той кампании, свидетельствуют, что борьба оппозиции была пусть и тяжелой, но свободной и открытой, и главным препятствием для нее был пропагандистский ресурс бонапартистов, рисовавших зловещие картины потенциальной революции и кровопролития. Уровень проведения этой избирательной кампании оказался на удивление высоким

¹Там же.

²L'Opinion Nationale. 7 Janvier 1868.

³L'Avenir National. 23 Mai 1869.

для своего времени, продемонстрировав зрелость политической культуры французского общества и, самое главное, понимание властями того обстоятельства, что политические свободы являются отныне сильной опорой этой власти. Некоторые историки считают эти выборы первой в политической истории Франции избирательной кампанией, проведенной современными методами [Girard, 1960; Milza, 2006; Price, 2004]. Тот факт, что республиканцы добились депутатских мест в парламенте, говорит о широких возможностях политической деятельности, открывшихся благодаря проведенным реформам.

ПЛЕБИСЦИТ 1870 Г.

Другим важным испытанием для молодой «либеральной империи», авторитета императора среди французов и для оппозиции стал плебисцит 8–9 мая 1870 г. Его целью было выяснить, насколько массы одобряют проведенные реформы и проект новой конституции. Наполеон III оставался верен своим первоначальным принципам – ни одно серьезное действие власти не имеет веса без одобрения народа (*Archives Nationales de France. Fonds Bonaparte. 400 AP-52*).

Среди представителей различных политических сил развернулись широкие дебаты и дискуссии о перспективах этого плебисцита, о преимуществах и негативных последствиях голосования «за» или «против». Либералы призывали одобрить конституцию: ведь если французы выразят недоверие политике императора, страна окажется охваченной революционными смутами: «Вы выбираете власть толпы и анархию, репрессии и гражданскую войну? Вы хотите понижения заработной платы, стагнацию в производстве, безработицу и социальное недовольство? Вы выбираете власть профсоюзов и контроль над частной собственностью? Тогда голосуйте “против”» (*Archives Nationales de France. Fonds Crémieux. 369 AP-3*).

Республиканцы призывали голосовать против реформ и против новой конституции, в которой эти реформы должны были быть закреплены. Для них эта конституция не привносила в жизнь Франции реальных политических свобод – ибо она сохраняла принцип давления императора на парламент и плебисцитарный, управляемый характер демократии, т.е. свободы законодательного органа были всё равно контролируемы исполнительной властью¹. Если либералы были уверены, что империю

спасет именно возвращение к основам конституционной монархии, то для республиканцев любая форма компромисса становилась преступлением против народа. Поэтому предметом разногласий двух партий стал вопрос о том, какая основа более прочна для государства – полноценная представительная демократия или конституционная монархия с элементом плебисцитарной демократии. Предлагаемая либералами система выглядела очень эклектичной и запутанной для Франции второй половины XIX в., поскольку она пыталась соединить в себе всё наследие первой половины столетия – конституционность, парламентаризм, монархию, народный суверенитет, гражданские свободы и фигуру монарха как национального лидера, гаранта порядка и традиции. В итоге ни один из этих составляющих элементов не был полноценным, все они ограничивались друг другом и вступали во взаимное противоречие.

По итогам плебисцита 8–9 мая 1870 г., «за» либеральные реформы и новую конституцию проголосовали 82 % французов. Результат голосования по всей Франции почти полностью совпадал с региональным раскладом голосов на выборах 1869 г.: ощутимый перевес «против» наблюдался в Париже и крупных индустриальных городах северо-востока и юга. Западная и центральная сельская Франция голосовала «за». При этом в отчете министра внутренних дел императору о плебисците было отмечено, что по сравнению с плебисцитом 1852 г. число проголосовавших «за» в Париже и других крупнейших городах сократилось². Что ясно указывает на рост популярности оппозиции за минувшее десятилетие, а также на результат отныне разрешенной свободной предвыборной агитации. С точки зрения либералов и бонапартистов такой итог указывал на то, что французы предпочли порядок революции³. Можно также рассматривать плебисцит как успех личной деятельности Наполеона III, нежели его министра Оливье, чьи реформы зависели от мнения императора, но не от доверия народного большинства [Girard, 1985], и таким образом французы голосовали за императора – человека, которого они хорошо знали, который был им понятен, который выполнял свои обещания и символизировал порядок, но едва ли при этом столь массовую поддержку имел Оливье, фигура в политике новая и далекая от популистской риторики. Получалось, что изживавшая себя либеральная

¹La Lanterne. 1869. № 58.

²Journal officiel. 10 Mai 1870; Archives Nationales. Fonds Bonaparte. 400 AP-52.

³L'Avenir national. 11 Mai 1870.

идея могла стать популярной только при покровительстве империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распределение голосов на выборах и плебисците создало в стране противоречие: с одной стороны, выборы показали ощутимый рост популярности альтернативных партий, с другой – плебисцит продемонстрировал верность нации особе императора и его политике. Это можно объяснить прежде всего тем, что либералы поддерживали императора именно потому, что только его они воспринимали как гаранта политических свобод. Страна, политической основой которой являлась демократия, проголосовала за авторитарную власть лишь потому, что на тот момент такая власть представлялась самым надежным гарантом демократии. Французы продемонстрировали свое стремление к расширению политических свобод, ход выборов ясно указывал на то, что нация вполне созрела для «открытия клапана» этих свобод. Но при этом с именем Наполеона III массы по-прежнему связывали несомненные достижения империи – экономический рост, повышение уровня жизни населения, рост доходов, завершение индустриализации страны [Anceau, 2017; Zeldin, 1958].

Парламентские выборы продемонстрировали резкий рост популярности либеральной партии,

сторонников Оливье. Причиной их успеха стал не только новый закон о свободе собраний. Для многих французов либеральная партия была сильно дискредитирована последними годами Июльской монархии – поэтому выбор в пользу либералов был скорее выбором в пользу императора, покровительствовавшего реформам и заслужившего гораздо большее доверие народа.

Другим значимым результатом либерализации системы империи стало дальнейшее развитие и укрепление электоральной активности населения. Выборы и плебисцит показали свободу политической борьбы и умение французов ею пользоваться. Как отмечал британский историк Второй империи Р. Прайс, к середине XIX века во Франции сформировалась «электоральная культура», результат длительных процессов, начиная с революции 1789 г.; на эту культуру опирался бонапартистский режим – и даже управляемая демократия не смогла нарушить процессы политического созревания масс: напротив, бонапартизм и либеральные реформы 1860-х гг. возвращали и укрепляли демократические институты страны [Price, 2004]. Кроме того, законы о политических свободах и выборы 1869 г. открыли дорогу республиканской партии, которая в последующие десятилетия станет одной из самых влиятельных и сильных в стране и сыграет ключевую роль в развитии политических институтов Франции уже в XX веке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. М. : Эксмо, 2003.
2. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов. // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 197–216.
3. Anceau E. Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Tallandier, 2012.
4. Anceau E. L'Empire libéral. V. 1, 2. Paris : Editions SPF, 2017.
5. Anceau E. Ils ont fait et défont le Second empire. Paris : Tallandier, 2019.
6. Dufreigne J-P. Napoléon III : Un empereur qui rêvait... Pocket, 2010.
7. Milza P. Napoleon III. Paris : Perrin, 2006.
8. Sagnes J. Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris : Editions Singulières, 2007.
9. Tulard J. Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Colloque présidé par Jean Tulard. Palais de Congrès de Paris, 21 Octobre 1995.
10. Игнатченко И. В. Адольф Тьер. Судьба французского либерала первой половины XIX века. М. : Дело, 2017.
11. Ollivier E. L'Empire libéral. Paris : Hachette, 1899–1912.
12. Girard L. Les élections de 1869. M. Rivière et Cie La Roche-sur-Yon, Impr. Centrale de l'Ouest: 1960.
13. Price R. People and politics in France (1848–1870). Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
14. Girard L. Les libéraux français. 1814–1875. Paris: Aubier, 1985.
15. Zeldin T. The political system of Napoleon III. Macmillan & Co, 1958.

REFERENCES

1. Smirnov, A. Y. (2003). Imperiya Napoleona III [The empire of Napoleon III]. Moskva: Eksmo. (In Russ.)
2. Cherkasov, P. P. (2012). Napoleon III – imperator frantsuzov = Napoleon III, the emperor of the French people. Modern and contemporary history, 3, 197–216. (In Russ.)
3. Anceau, E. (2012). Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Paris : Tallandier.
4. Anceau, E. (2017). L'Empire libéral. V. 1, 2. Paris : Editions SPF.
5. Anceau, E. (2019). Ils ont fait et défait le Second empire. Paris: Tallandier.
6. Dufreigne, J-P. (2010). Napoléon III : Un empereur qui rêvait... Paris : Pocket.
7. Milza, P. (2006). Napoleon III. Paris: Perrin.
8. Sagnes, J. (2007). Napoléon III, le parcours d'un saint-simonien. Paris : Editions Singulières.
9. Tulard, J. (1995). Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Colloque présidé par Jean Tulard. Palais de Congrès de Paris, 21 Octobre.
10. Ignatchenko, I. V. (2017). Adolphe Thiers. Sudba frantsuzskogo liberala pervoy poloviny XIX veka = The fate of French liberal in the first half of the XIXth century. Moscow: Delo. (In Russ.)
11. Ollivier, E. (1899–1912). L'Empire libéral. Paris: Hachette.
12. Girard, L. (1960). Les élections de 1869. M. Rivière et Cie La Roche-sur-Yon, Impr. Centrale de l'Ouest.
13. Price, R. (2004). People and politics in France (1848–1870). Cambridge: Cambridge University Press.
14. Girard, L. (1985). Les libéraux français. 1814–1875. Paris: Aubier.
15. Zeldin, T. (1958). The political system of Napoleon III. Macmillan & Co.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уварова Мария Александровна

кандидат исторических наук
доцент кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uvarova Maria Alexandrovna

PhD (History)
Associate Prof. at the Chair of History and Archives
at Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.09.2022
одобрена после рецензирования 05.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 10.09.2022
approved after reviewing 05.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 39 (392)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан)

А. А. Хохлов¹, А. А. Никитин²

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

¹kazan_molodezh@mail.ru

²anton.nikitin.14@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается общий обзор финансово-экономического положения православного приходского духовенства Казанской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Отмечается его депрессивный, неустойчивый и зависимый от значительного количества обстоятельств, характер. В работе сделан вывод о том, что приходской клир можно считать наиболее материально уязвимой частью российского социума пореформенного времени. При подготовке статьи нашли применение историко-генетический и историко-сравнительный методы. Архивные источники, представленные в работе, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова духовенство, реформы, материальное положение, клир, девиация, бедность, приход, крестьянство, консистория, Церковь

Для цитирования: Хохлов А. А., Никитин А. А. Финансово-экономическое положение сельского приходского духовенства Казанской губернии в пореформенное время (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 102–109. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

Original article

The Financial and Economic Situation of the Rural Parish Clergy of Kazan Province in the Post-Reform Period (based on the Materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan)

Aleksandr A. Khokhlov¹, Anton A. Nikitin²

^{1,2}Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹kazan_molodezh@mail.ru

²anton.nikitin.14@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a general overview of the financial and economic situation of the Orthodox parish clergy of the Kazan diocese in the second half of the XIX – early XX centuries. His depressive, unstable, and dependent on a significant number of circumstances character is noted. In a way the parish clergy can be considered the most financially vulnerable part of the Russian society of the post-reform period with full confidence. Historical-genetic and historical-comparative methods were used in the preparation of the article. The archival sources presented in the work are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: clergy, reforms, financial situation, clergy, deviation, poverty, parish, peasantry, consistory, church

For citation: Khokhlov, A., Nikitin, A. (2022). The financial and economic situation of the rural parish clergy of Kazan province in the post-reform period (based on the materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 102–109. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_102

ВЕДЕНИЕ

Преобразования Александра II оказали значительное влияние на все стороны жизни российского общества. Среди ключевых нерешенных проблем царствования Николая I (1825–1855) был «крестьянский вопрос», обнажавший глубокие социальные, политические и культурные противоречия в империи. Но назревший и перезревший вопрос о земле, правах и правовом статусе землепашцев, за энергичное решение которого взялся новый царь, неминуемо влек за собой целый комплекс последствий, затрагивавших все сословия. Сложность ситуации заключалась в том, что, несмотря на активное развитие капитализма и промышленности, Россия продолжала оставаться страной с тотальным преобладанием сельского хозяйства в его традиционных формах, а подавляющая часть населения была сосредоточена в сельской местности.

По данным Б. Н. Миронова, опирающегося на сведения 10-й ревизии, население Российской империи накануне реформы составляло 60 млн 188 тыс. чел. [Миронов, 2014, с. 511]¹. Как отмечает А. Бушен, крестьянство составляло до четырех пятых всего населения страны – 52 млн. 315 тыс. 628 чел. (в совокупности по всем категориям сельских жителей) [Статистические таблицы Российской империи, 1863, с. 306]. В Казанской губернии в начале рассматриваемого периода на 100 человек приходилось 90,76 крестьян – один из самых высоких показателей в стране [там же]. По данным первой переписи 1897 г., этот показатель был скорректирован в большую сторону – 94,3 % [Первая всеобщая перепись населения, 1904, с. 14].

В 1863 г. лица духовного звания в Казанской губернии составляли 0,88 на 100 чел., или 0,9 % от общего количества жителей [Статистические таблицы Российской империи, 1863, с. 298, 299–300]². К концу XIX в. данный показатель снизился до 0,4 % [Первая всеобщая перепись населения, 1904, с. 14]. Вероятно, за счет роста численности населения губернии в целом. На 1860 г. собственно священников в составе епархиального духовенства насчитывалось всего 534 и к 1913 г. эта цифра незначительно изменилась – 818 [Извлечение из отчета, 1864, с. 19; Всеподданный отчет, 1913, с. 24]. Примерно такое же количество составляли причетники. При этом отличие от центральных, северных и северо-западных губерний (Владимирской, Кост-

ромской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и ряда других), в которых городской клир по численности нередко вдвое превышал сельское, в Казанской он большей частью сосредотачивался именно в деревне и сохранял эту особенность на протяжении всего пореформенного периода – 62,1 % [Извлечение из отчета, 1864, с. 19; Всеподданный отчет, 1913, с. 24].

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЙ «МИР»

Приходское духовенство прочнее других социальных групп было связано с крестьянством не только общностью территории проживания. Эта связь носила более глубокий и одновременно парадоксальный характер: обладая более высоким правовым статусом, духовенство находилось в полной материальной зависимости от своих менее привилегированных прихожан [Розанов, 1882, с. 152]³. Не удивительно, что при таком раскладе оно едва ли не одновременно с запуском крестьянской реформы оказалось между молотом и наковальней, поскольку объявление и истолкование крестьянству Манифеста от 19 февраля 1861 г. легло на его плечи. Функция глашатая «государева благодеяния» при предупредительном стягивании полиции и вооруженных частей к храмам к началу оглашения судьбоносного документа, усиливали народную подозрительность и не добавляли симпатий деревенскому клиру, который легко мог сыграть (и играл) роль громоотвода. Случалось, что зачитывание Манифеста священником перед крестьянским «миром» осуществлялось чуть ли не «с телеги» в присутствии одного лишь уездного исправника [там же, с. 166]. Избиения, угрозы, укоры и оскорбления духовных лиц в тот период стали делом вполне обычным [Зайончковский, 1968, с. 172].

Закономерно, что одна часть священнослужителей не без страха, но всё же исполняла возложенную на нее государственную обязанность [Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина, 1967, с. 67], тогда как другая предусмотрительно занимала «демократическую» позицию, из чувства самосохранения, не желая выделяться из крестьянской массы и самоотверженно противоречить ее настрою [Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина, 1949]⁴.

¹Ревизии затронули не всю территорию государства. Они не распространялись на Закавказье, Западную и часть Восточной Сибири, включая Дальний Восток, Оренбургские степи. Однако принципиально это на наш вопрос не влияет, так как подавляющая часть населения империи проживала в Европейской части России.

²Тем не менее по данному показателю Казанская губерния занимала одну из низовых позиций, что обуславливалось значительной долей инорелигиозного населения.

³Свидетель того времени священник А. Розанов видел в этом своеобразную форму крепостничества.

⁴В архивных материалах см.: (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 94. Д. 59). О неблагоприятности сельских священников Богословского, Левицкого, Тюмеревского и др., восстанавливающих крестьян против распоряжения правительства (1862), 101 л.

Не только спонтанно-эмоциональная, но и вполне осознанная реакция крестьян на реформу не заставила себя долго ждать и вскоре Церковь стала одним из основных объектов их негодования. Фонды Казанской консистории пестрят делами о росте саботажных настроений в народе, ширившейся практике неуплаты приходскому духовенству руги¹, нежелании крестьян жертвовать частью своего скудного урожая в пользу сельских причтов, спорах с последними о состоятельности этого обычая. «Два последних источника содержания – руга и доходы, – докладывал мамадышский благочинный Евгений Антеноров, – непостоянны и по разным обстоятельствам уменьшаются и даже иногда, например, ныне по случаю неурожая хлебов, совсем прекращаются. Вообще же священно-церковнослужители жалуются, что руга собирается ими с прихожан с великими затруднениями и неприятностями от прихожан, из коих многие не отдают оной и затем она остается в недоимке и со временем пропадает окончательно» (Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (1871) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об)).

Попытки епархиального начальства организовать попечительства, кассы помощи и выдачу ссуд на устройство приходского хозяйства ожидаемого эффекта не приносили (*О выдаче сельским священникам пособия на обзаведение сельским хозяйством* (1862). Начато 31 января 1861 г., завершено 12 января 1862 г. 32 Л. (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5658)). При сравнительной многочисленности клира эта поддержка могла быть только адресной, sporadической и, как следствие, малоэффективной. Конструктивные инициативы архиереев и консисторий наткнулись на местные реалии, поскольку выделение причтам земель, с которых духовенство могло бы кормиться, находилось в руках сельских общин. Кризисные процессы в аграрной сфере не способствовали передаче крестьянами духовенству добротных и плодородных участков, располагавшихся вблизи храмов. Так, земельный вопрос становился острым камнем преткновения не только между помещиками и крестьянами, но и между причтами и прихожанами. К тому же, в пореформенное время последние в качестве мести всё чаще пускали в ход неправомерное изъятие ранее выделенных церквам наделов.

¹Руга – первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. Были приходы, как сельские, так и городские, в которых сами прихожане назначали церковным причтам ежегодную ругу хлебом или деньгами, о чем и заключали с причтами «порядные записи». Церковь, получавшая ругу, называлась ружной.

ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО РУКОВОДСТВА

Стремление государства поставить духовенство на казенное обеспечение, обозначившееся еще в первой половине XIX в., полномасштабного воплощения вплоть до конца века так и не получило. Однако, когда на рубеже столетий некоторые причты всё же были осчастливлены скромным, но стабильным государственным жалованием, причитающиеся им суммы, вопреки правительственным распоряжениям, перманентно застревают на уровне земских чиновников – то ли в силу коррупции, то ли негативного отношения последних к духовному сословию². К замене натуральных выплат в пользу духовенства денежными суммами и без того задавленное налогами крестьянство оказалось не готовым.

Примечательно, что эта схема была предложена самими священнослужителями, окончательно прижатые недоимками и нуждой и надеявшиеся хоть как-то поправить свое материальное положение. В 1873 г. священник Петр Сартов писал в Казань: «Духовенство озабочено в вопросах своего материального обеспечения на более прочных и рациональных основах. Так, на благочинническом съезде, бывшем 5 марта сего 1873 г., общим мнением было постановлено, по добровольном соглашении с прихожанами, обложить последних в пользу духовенства взамен всех сборов по одному рублю с ревизской души, на что в настоящее время духовенство ждет содействия и утверждения со стороны Епархиальной власти»³.

Благословение сверху было получено, но инициатива пришлась не ко времени. Казавшаяся спасительной идея наткнулась на жестокую реальность. «Так как ружный сбор есть важный источник к обеспечению духовенства, то оно первые свои надежды возлагает на ружное содержание. И надобно сознаться, что эти виды духовенства до 1876 г. удовлетворялись, хотя сбор руги и сопровождался нравственным унижением и усиленными трудами. Но, с переложением руги на денежный сбор, этот источник содержания так изменился, что духовенство стало положительно голодать. Крестьяне и хлеба не дают и денег не платят. Если духовенство просит хлеба, крестьяне отвечают, что такое положение изменено, а если оно требует деньги, то крестьяне отзываются, что они казенные подати и разные земские сборы еще не уплатили», – жаловался

²Покорнейший рапорт благочинного 3-го округа Казанского уезда села Алат священника Павла Измайловского (1899) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 212).

³Покорнейший рапорт 2-го благочиннического округа Ядринского уезда благочинного села Убеева Петра Сартова (1873) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 53).

в консисторию священник казанской Духосошественской церкви Иоанн Черкасов¹.

В судорожном поиске путей решения набравшей остроту и масштабы проблемы дело доходило до курьезов, когда консистории запрашивали в архивах справки о древности, а, следовательно, обоснованности ружного сбора, рассчитывая на этом основании на правительственное принуждение прижимистых крестьян. Но наивная ретроспективность епархиальных властей свидетельствовала лишь о их растерянности и отсутствии ресурсов для организации системной поддержки служащих духовного ведомства. Государство, вопреки ожиданиям иерархов, поспешило самоустраниться от насущных проблем Церкви, тогда как воздействия на обремененных крестьян архивная аргументация закономерно не возымела [Яковлев, 2008; Римский 1999 ; Валуев, 1861].

Обоснованно возникает вопрос, готовилась ли церковь к крестьянской реформе? Принимая во внимание степень ее зависимости от крестьянства, ответ должен казаться очевидным. Однако не все так однозначно. Действительно, церковь выступала одним из акторов преобразований. Авторитетный иерарх Филарет (Дроздов), обладавший широко известным литературным и проповедническим талантом, без особой инициативности, но выполнил-таки поручение властей о составлении текста манифеста. Митрополит также стал автором и специальной инструкции для священнослужителей на предмет грядущей реформы, лейтмотивом которой явилось вменение в обязанность последних убеждать крестьян не выходить за границы повиновения властям и землевладельцам. Этим внешне ориентированным актом подготовка иерархии, в целом, и ограничивалась. Иными словами, в эпоху реформ Российская церковь внутренне вступала без четкого плана, прежде всего, в вопросе экономических перспектив рядовой и наиболее многочисленной части клира. Исследователи отмечают ее непоследовательность и по ряду неэкономических направлений. Довольно скоро стало очевидным, что опустошенная Крымской войной государственная казна, стремится переложить бремя преобразований на плечи податных сословий. Однако, по состоянию обстоятельств, те же являлись и главным источником доходов для духовенства. Очевидно, что ресурсы населения были не безграничны, а в условиях ухудшавшейся экономической ситуации имели тенденцию и к критическому сокращению. Как отмечает С. В. Римский, ключевой ориентацией церкви в этих тяжелых условиях оставалась необоснованная надежда на государственную финансовую поддержку при косметической шлифовке старых методов получения доходов с населения. Однако даже эта насущная активность стала проявлять себя только к 1863 г. – спустя два (!) года после начала реформы. Да и та, по признанию министра внутренних дел П. А. Валуева, на плечи которого легла вся тяжесть церковных преобразований, выглядела «жалко». Не удивительно, что крестьянская реформа очень скоро чрезвычайно больно ударила по приходскому духовенству. Исключение составлял, пожалуй, епископат, статусное монашество и часть городского соборного клира.

Парадоксально, однако, что тяжелейшая экономическая ситуация, в которой оказалось сельское духовенство, не избавляло его от всевозможных епархиальных взносов и сборов

¹Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосошественской церкви священника Иоанна Черкасова (1879). (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 203).

(духовно-учебных, канцелярских, благотворительных и т. д.), последовательно повышавшихся в течение всего пореформенного времени, и порой доводивших приходы до полного финансового истощения [Беглов, 2019]. Иногда пожертвования в добровольно-принудительном порядке собирались для постройки храмов для братских поместных церковью чуть ли не в Африке².

Впрочем, даже в этих условиях клир отнюдь не представлял собой имущественный монолит и палитра уровней его благосостояния была довольно пестрой. Как отмечают современники, экономическая состоятельность представителей сословия зависела от ряда факторов, ключевыми из которых были многодетность, количество прихожан или населенность прихода, исправность получения руги или ружных денег, а также качество обрабатываемой земли, принадлежавшей причту³. Судя по всему, существенной разницы между сельскими и небольшими городскими приходами вплоть до конца пореформенного периода не было, а их причты испытывали идентичные проблемы с той лишь разницей, что городское духовенство до начала XX в. объективно не имело возможности дополнительно кормиться с приходской земли и содержалось исключительно за счет прихожан.

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ НА БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЕПАРХИАЛЬНОГО КЛИРА

Однако по мере распространения капиталистических отношений, в усиление имущественной дифференциации клира стала вносить вклад экономическая специализация поселений: земледельческие, торговые, фабричные⁴. Вследствие оттока части крестьян в поисках лучшей доли в немногочисленные крупные и богатые промышленные и торговые центры, редееющее трудоспособное уездное городское и сельское население уже было не в силах содержать свое духовенство⁵. Постоянный же рост потребительских цен⁶, продовольственная инфляция и усиление налогового гнета превращали для

²См. например: О призыве духовенства Казанской епархии к жертвованию на сооружение храмов в Александрии египетской и других богоугодных заведений (1862) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5847. 92 Л.).

³Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосошественской церкви священника Иоанна Черкасова (1879) (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 203).

⁴Рапорт благочинного 2 округа Мамадышского уезда священника Константина Богоявленского (1899) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 12 об.).

⁵Отчет благочинного Свияжских городских и сельских уезда оно-го благочиннических церквей протоиерея Петра Фалькова (1874) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 133 об.).

⁶Отчет по ведомству благочинного города Тетюш протоиерея Михаила Ястребского за 1879 год (ГА РТ. Ф. 4 Оп. 111. Д. 5. Л. 70).

последнего ситуацию в безвыходную. Периодические неурожай и голод 1891, 1899, 1901–1902, 1905 гг., эпидемии холеры 1871 и 1892 гг. также вносили свою лепту в обнищание причтов.

В нашем распоряжении имеется примечательный документ – рапорт одного из благочинных Лаишевского уезда священника Александра Скворцова, датированный 1871 г. Донесения священника, отличающиеся откровенностью, беспрецедентны по своей информативной ценности. «Считаю нелишним коснуться материального положения духовенства и домашней его обстановки, – писал отец Скворцов. Домашний быт духовенства при нынешней дороговизне на все необходимое для жизни вообще весьма неудовлетворителен. В лучшее время духовенство пользуется жалованием от казны, землею, ругою, хлебными сборами и денежными доходами от прихожан за разные требоисправления. О недостаточности жалования, на которое, между прочим, указывают прихожане как достаточное обеспечение, мною было говорено и писано. Всякий сельский писарь жалование получает большее, чем сельский священник в первоклассном приходе...»¹.

Сравнивая положение сельского духовенства и тех выходцев из семинарий, которые не связали свою судьбу с Церковью, священник отмечает, что многие из последних неплохо, а порой и весьма прочно устроились в жизни. Этот контраст представителей одного социального класса, с его слов, не мог укрыться от глаз даже рядового обывателя, не посвященного в тонкости приходской жизни. Тем временем всеобщая осведомленность о неравенстве порождала зависть и напряжение в среде клира, выдвигая на передний план имущественные противоречия, никак не способствуя изменению ситуации в лучшую сторону и «одухотворению» причтов. «Чашка муки, даваемая крестьянином священнику, равна чашке, которая дается и нищему. И одна только горькая нужда заставляет некоторых ходить с двора на двор и униженно просить себе подаяния»².

Несложная калькуляция средних церковных доходов, которую приводит священник Скворцов, завершается неутешительным выводом: причетник в большом приходе получает столько же, сколько священник в малом [Миронов, 2012, с. 456].

Для детализации картины обратимся к конкретным цифрам. А. Скворцов сообщает, что в общей сложности, всех денежных доходов священника выходило (при учете количества прихожан) от 50 до 200 руб. годовых. А с жалованием и доходами от земли с приходской школой – от 200 до 500 руб.

У причетников – от 75 до 200 руб. Для сравнения, воспользуемся данными Б. Н. Миронова о средней поденной зарплате сельскохозяйственного рабочего за интересующий нас 1871 г. В Приволжском районе она составляла 43,5 коп. Иными словами, в годовом выражении (при учете вольной поправки на воскресные и праздничные дни) сельский труженик получал в пределах 130 руб. За тридцать лет (в период с 1871 по 1901 гг.) доходы причтов изменились несущественно. Городской священник имел в среднем 300 руб. государственного жалования, псаломщик – 100 руб. (Отчет о состоянии церкви, причтов и приходов 1-го округа Чебоксарского уезда за 1901 г. *ГА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 42. Л. 121*). Но получали его не более трети городских причтов. Однако в начале XX в. городские приходы были подкреплены приходскими деревнями. Сельский священник в 1901 г. имел от государства около 160 руб., диакон – 53 руб., псаломщик – 40 руб. (там же, *Л. 121 об.*). В крайне редких случаях они могли рассчитывать на ругу. За этот же тридцатилетний период подорожание основных продуктов и самого необходимого произошло в несколько раз, на что указывают как отчеты приходов, так и многочисленные статистические данные. Таким образом, если материальное положение духовенства в пореформенный период в среднем и было несколько лучше крестьянского, то незначительно. Особенно при учете того факта, что требоисполнение являлось статьей неустойчивой. Отнюдь не в каждом приходе были приходские школы, тем более приносящие доход, а также пригодные сельскохозяйственные земли. Следует учитывать, что духовенство не могло полностью посвятить себя работам на земле даже при наличии таковой, поскольку исполнение обязанностей по крещению, венчанию, отпеванию, соборованию, ведению метрических книг отнимали львиную долю его дневного времени. Нередки были случаи выделения сельскими общинами приходам отдаленных, либо малоплодородных земель, путь до которых и их обработка занимали большую часть дня.

«Естественным и неизбежным следствием такого порядка является крайняя бедность священно-церковнослужителей, отражающаяся на всем домашнем быте»³. Последний не мог похвастаться не только состоятельностью и лоском, но хотя бы основательностью и скромной упорядоченностью.

Описывая стандартное жилище сельского пастыря и образ его владельца, о. Скворцов откровенен: «Помещения их, за редким исключением, весьма тесные и, по неимению, и за дороговизною, кров без надмокающего отопления, холодный, сырой и угарный. Одежда, особливо у причетников, весьма неблаговидна. Некоторые священники

¹Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (*ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 185*).

²Там же, *Л. 186*.

³Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова (*ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 186 об.*).

поэтому стесняются брать с собой причетника в дом помещика, когда идут к нему по делам службы. Это было, например, в Масловке... и в других местах, где причетники имеют только по одному полукафтани, в которых пребывают бессменно в праздники и в будние дни: и в Церкви, и дома, и везде, где придется быть»¹. Пища клира по скудости подстать жилищу. Некоторые причетники «продовольствуются по несколько дней одним черным хлебом, который зачастую занимают у соседей крестьян <...> Вследствие бедности, некоторые священники не могут дать должного образования своим детям в учебных заведениях»².

С мрачными выводами пастыря были солидарны и благочинные других округов – Мамадышского³, Чистопольского⁴. И это при том, что тот же Чистополь, имевший выгодное положение на р. Кама, был одним из крупнейших и состоятельных уездных центров губернии, осуществлявших торговлю хлебом. Но если здесь ситуация была далека от благополучной, то об отдаленных или малолюдных приходах в положительном ключе говорить в принципе не приходится.

Позднейшие донесения А. Скворцова свидетельствуют, что и через десятилетие ситуация не улучшилась. В 1880 г. Священник писал о своих сослуживцах: «Эту безотрадность своего положения одни переносят равнодушно, другие высказывают недовольство прихожанам и выражают большее желание прихожанам за свой труд, вследствие чего добрые отношения между пастырями и пасомыми

нарушаются» (Рапорт священника Александра Скворцова) (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 112. Д. 4. Л. 126).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, экономическое положение подавляющей части пореформенного приходского причта имело депрессивный оттенок. Менялись внешние условия, но не благосостояние клира, трудившегося «на земле». Безучастным к его судьбе в равной степени оставалось как государство, так и церковное священноначалие, не принимавшее необходимых подготовительных мер в преддверие великих реформ. Нелишним будет вспомнить, что противоречивый образ приходского священно- и церковнослужителя начинает активно культивироваться в российской журналистике, беллетристике и искусстве именно в рассматриваемый период [Леонтьева, 2010]. В этом видится отнюдь не только следствие либерализации общественного творчества, сделавшей доступными ранее табуированные темы, но и неприглядное положение сельского клира, перманентно стоявшего с протянутой рукой и не пробуждавшего чувство уважения и почтения.

«Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство, и тем более грустно и больно, что само оно некоторым образом поддало и подает повод к этому и не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради» – писал один из современников [Белюстин, 1858, с. 3]. Маргинальное положение приходского клира стало благодатной почвой для различных поведенческих девиаций в среде духовенства, на рубеже XIX – начала XX вв. ставших серьезной проблемой для Церкви. Так, что данное явление уже само по себе по праву может рассматриваться как феномен.

¹Там же.

²Там же, Л. 187.

³Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217 об).

⁴Рапорт Чистопольского Николаевского Собора протоиерея Тихона Рождественского (там же, Л. 345).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.
2. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра внутренних дел Центральным статистическим кабинетом. СПб. : Типография К. Вульфа, 1863.
3. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. XVI.
4. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг., 1915.
6. Розанов А. И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб. : Русская старина, 1882.
7. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968.

8. Рапорт № 1 свитского генерал-майора графа А. С. Апраксина Александру II из с. Бездны Спасского у. и о волнениях крестьян в Спасском уезде и расстреле их в с. Бездны от 15 апреля 1861 г. // Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. Ч. 1, 2.
9. Яковлев И. А. Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 24–41.
10. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1999.
11. Валуев П. А. Дневник: в 2 т. Т. 1. 1861–1864. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1861.
12. Беглов А. Л. Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2019.
13. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в Российской империи: XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012.
14. Леонтьева Т. Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник ТвГУ, 2010. Вып. 1. С. 32–44.
15. Беляustin И., свящ. Описание сельского духовенства. Berlin: A. Asher et C°, 1858.

REFERENCES

1. Mironov, B. N. (2014). Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu = The Russian Empire: from Tradition to Modernity. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
2. Statisticheskie tablicy Rossijskoj imperii, izdavaemye po rasporyazheniyu Ministra Vnutrennih Del Central'nym statisticheskim kabinetom = Statistical tables of the Russian Empire issued by order of the Minister of Internal Affairs by the Central Statistical Cabinet. Saint-Petersburg: Tipografy of K. Wulf. (In Russ.)
3. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya 1897 g. Kazanskaya guberniya = The first general population census of 1897 year. Saint-Petersburg. (In Russ.)
4. Izvlechenie iz otcheta po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1861 god = Extract from the report on the Department of Orthodox Confession for 1861 year. Saint-Petersburg. (In Russ.)
5. Vsepoddanejsij otchet ober-prokurora Svyatejshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 god = The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1913. Petrograd. (In Russ.)
6. Rozanov, A. I. (1882). Zapiski sel'skogo svyashchennika. Byt i nuzhdy pravoslavnogo duhovenstva = Notes of a village priest. The life and needs of the Orthodox clergy. Saint-Petersburg: Russkayastarina. (In Russ.)
7. Zajonchkovskij, P.A. Otmena krepostnogo prava v Rossii = Abolition of serfdom in Russia. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
8. Raport № 1 svitskogo general-majora grafa A. S. Apraksina Aleksandru II iz s. Bezdny Spasskom u. i o volneniyah krest'yan v Spasskom ueзде I rasstrele ih v s. Bezdne ot 15 aprelya 1861 g. = Report No. 1 of the retinue of Major General Count A. Apraksin to Alexander II from the village of Bezdna of Spassky district and about the unrest of peasants in the Spassky district and their execution in the village of Abyss on April 15 , 1861. Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 g. posle otmeny krepostnogo prava. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
9. Yakovlev, I. A. (2008). Mitropolit Filaret (Drozdov) = Metropolitan Filaret (Drozdov). Voprosy istorii (pp. 24–41). (In Russ.)
10. Rimskij, S. V. (1999). Rossijskaya cerkov' v epohu velikih reform = The Russian Church in the Era of Great Reforms. Moscow: Krutickoe Patriarshee podvor'e. (In Russ.)
11. Valuev, P. A. (1861). Dnevnik. V dvuh tomah. Tom 1. 1861–1864 = Diary. In two volumes. Vol. 1. 1861–1864. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
12. Beglov, A. L. (2019). Pravoslavnyj prihod Rossijskoj imperii na rubezhe XIX – XX vv.: sostoyanie, diskussii, reformy: dissertaciya na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk = The Orthodox parish of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries: state, discussions, reforms: dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. (In Russ.)
13. Mironov, B. N. (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v Rossijskoj imperii: XVIII – nachalo XX veka = Welfare of the Population and Revolutions in the Russian Empire: XVIII – early XX century. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
14. Leont'eva, T. G. (2010). Pravoslavnyj svyashchennik v literaturno-hudozhestvennyh obrazah «svoego» vremeni: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. = The Orthodox priest in Literary and artistic images of «his» time: the second half of the XIX – early XX century. In Vestnik TvGU (pp. 32–44). (In Russ.)

15. Belyustin I., priest (1858). Opisanie sel'skago duhovenstva = Description of the rural clergy. Berlin: A. Asher et C°. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук
доцент кафедры антропологии и этнографии
Казанского (Приволжского) Федерального университета

Никитин Антон Андреевич

магистрант Казанского (Приволжского) Федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

PhD (History), Associate Professor
of the Department of Anthropology and Ethnography of Kazan (Volga Region) Federal University

Nikitin Anton Andreevich

Master's degree student of Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию 18.07.2022
одобрена после рецензирования 19.09.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 18.07.2022
approved after reviewing 19.09.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 94(470)-058

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_110

Проблемы определения владельцев территории Верхней Оки на рубеже XI–XII столетий

Д. Л. Цыбаков

Академия гражданской защиты МЧС России, г. Химки, Россия
d413839@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение истории включения территорий Верхней Оки в состав Древнерусского государства, а также выявление этапов освоения правителями Черниговского и Новгород-Северского княжеств земель племенного союза вятичей. Особое внимание уделено правлению Владимира Мономаха и междоусобной войне 1146–1154 гг. При помощи использования ретроспективного сравнительного методов предпринимается попытка установить принадлежность вновь открытых в 1988–2021 гг. поселений и городищ новгород-северскому князю Святославу Ольговичу.

Ключевые слова: вятичи, волость, Верхняя Ока, Новгород-Северское княжество, Владимир Всеволодович Мономах, Святослав Ольгович Северский, междоусобная война 1146–1154 гг.

Для цитирования: Цыбаков Д. Л. Проблемы определения владельцев территории Верхней Оки на рубеже XI–XII столетий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 110–117. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_110

Original article

Problems of Determining the Medieval Owners of the Upper Oka Territory at the Turn of the XI–XII Centuries

Dmitry L. Tsybakov

Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia,
d413839@yandex.ru

Abstract. The history of the inclusion of the territories of the Upper Oka into the Ancient Russian state is considered, as well as the development of the lands of the Vyatichi tribal union by the rulers of the Novgorod-Seversky principalities. Special attention is paid to the reign of Vladimir Monomakh and the internecine war of 1146–1154. By using retrospective, comparative methods, the affiliation of newly discovered in 1988–2021 is established settlements of the possessions of Novgorod-Seversky Prince Svyatoslav Olgovich.

Keywords: Vyatichi, volost, Upper Oka, Novgorod-Seversk Principality, Vladimir Vsevolodovich Monomakh, Svyatoslav Olgovich Seversky, internecine war of 1146–1154

For citation: Tsybakov, D. L. (2022). Problems of determining the medieval owners of the Upper Oka territory at the turn of the XI–XII centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 110–117. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_110

ВВЕДЕНИЕ

В 2015–2021 гг. российскими археологами был сделан ряд открытий, интерпретация которых позволяет существенно расширить представления исторической науки о характере территориально-политического устройства региона Верхней Оки (Орловская, Калужская, Тульская области) в период развитого Средневековья. Указанный регион неоднократно проявлял себя в качестве автономного актора в различные эпохи отечественной истории, от эпохи зарождения Древнерусского государства до Смуты начала XVII столетия. Не менее драматические события происходили на данной территории и в период феодальной раздробленности. Наиболее известное из них – это междоусобная война между представителями княжеских династий Ольговичей и Мономашичей, пришедшаяся на 1146–1154 гг. Именно с описанием ее перипетий связаны первые упоминания на страницах летописей «градов» и поселений ряда областей Центральной России, как существующих в настоящее время, так и канувших в Лету истории. Поэтому результаты работы Сейминско-Суджинской экспедиции Института археологии РАН и предшествующих археологических работ в верховьях Оки требуют развернутого анализа и обобщения с учетом имеющихся текстовых источников. В свете чего актуализируется вопрос о принадлежности региона Верхней Оки конкретному княжению и правящей династии в конце XI – первой половине XII столетий.

РЕГИОН ВЕРХНЕЙ ОКИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ И РАСЦВЕТА ДЕРЖАВЫ ЮРИКОВИЧЕЙ

Рассматриваемый в настоящей работе регион в значительной мере совпадает с районом, который весьма обоснованно обозначается А. А. Майоровым как «Верховская историко-географическая провинция» [Майоров, 2015, с. 56]. К таковой исследователь относит земли, включающие бассейн Верхней Оки, а также территории между истоками Дона и Десны, ограниченные с юга течением реки Сейм.

Сделанные не столь давно открытия способны существенно прояснить историю «верховских земель» в средневековый период. Осенью 2021 г. экспедиция Института археологии РАН обнаружила на месте слияния Оки и Орлика доказательства глубокой древности поселения, существовавшего на месте современного города Орла. Еще ранее некоторые из сделанных в 1988–2019 годах находок – остатки жилого помещения, шиферные пряслица, костяные гребни, керамика отнесены

экспертами к XII столетию [Провоторов, 2019]. Двумя годами спустя археологами Сейминско-Суджинской экспедиции были обнаружены предметы, датированные серединой XI века. Речь идет о наборе монет, отчеканенных в германских землях примерно в 40–50-е годы XI века. Не меньшую значимость имеет найденная здесь же печать с надписью «св. Николай», изготовленная, по мнению экспертов, в конце XI – первой половине XII века.

Найденные осенью 2021 г. предметы материальной культуры со всей очевидностью относятся к средневековому поселению, располагавшемуся на месте известного с 1566 г. города-крепости. Однако на сегодняшний день между протогородом XII века и крепостью XVI столетия не установлена историческая преемственность. Единственное, что не вызывает сомнений – раннее городище на слиянии Оки и Орлика было утрачено в XIII–XIV столетиях. Поэтому результаты работы Сейминско-Суджинской экспедиции (руководитель – канд. ист. наук О. Редюш), поддержку которой в 2020–2022 гг. оказывал клуб дайверов «Диво» из г. Орла (руководитель – С. Куликов), способны существенно расширить научные представления о хронологии освоения «верховских земель» в первой половине XII столетия.

Очевидно, что присоединение Земли Вятичей к Древнерусскому государству происходило в несколько этапов, первые из которых приходятся на времена правления Святослава Игоревича и его сыновей – Ярополка и Владимира. О каких-либо эксцессах между этим племенным союзом и владевшим половиной Руси по левому берегу Днепра в 1024–1036 гг. великим воителем князем Мстиславом Владимировичем Храбрым сведений в письменных источниках не зафиксировано. В правление Ярослава Мудрого о вятичах также не встречается ясных летописных свидетельств. Ясно только, что с выделением в 1054 г. Черниговского княжения этот племенной союз оказался в основном в пределах его границ. Таким образом, Земля Вятичей переходит во владение Черниговского княжения и того из правителей, кто находился на его столе в конкретный период времени. Термин «княжеское владение» широко используется в научной и справочной литературе. Так, его применяет известный российский историк А. А. Горский, отождествляя с подвластными русским князьям «волостями» периода XII–XIII вв. [Горский, 2004].

А. А. Горскому принадлежит обоснование процесса трансформации в определении таких ключевых территориально-политических образований средневекового периода, как «земля» и «волость». По его мнению, оба этих субъекта в значительной

мере «измельчали» как фактически, так и терминологически: под «землями» в период феодальной раздробленности понимали самостоятельные крупные княжения, а под «волостями» – их отдельные части.

С 1054 до 1073 г. в Чернигове правил князь сын Ярослава Мудрого Святослав Ярославич. Затем Черниговская земля переходит его брату, Всеволоду Ярославичу. Однако в последней трети XI столетия верховья Оки продолжают оставаться вне фактического контроля их формальных сюзеренов – о чем свидетельствует упоминание Владимира Мономаха о проезде «через Вятичи» в 1060 г. как о весьма опасном предприятии [Библиотека литературы Древней Руси, 1997].

Вероятнее всего, именно Владимир Мономах в бытность князем Черниговским (что пришлось на 1078–1094 гг.) и привел в покорность значительную часть вятических земель. Закономерно предположить, что князь Владимир Всеволодович, известный не только как полководец, но и как талантливый политический деятель своего времени, должен был закрепить достигнутый военный успех соответствующими управленческими решениями.

Характер взаимоотношений между князьями и населением подвластных территорий применительно к периоду первой половины XII столетия остается дискуссионным вопросом исторической науки. Основоположник советской медиевистики Б. Г. Греков признавал «лоскутность» древнерусской государственности и влияние на нее центростремительных тенденций. Им также определялась диалектическая взаимосвязь между опорой землевладельческой знати на ресурс великокняжеской политической организации и обращением интересов этой социальной группы против государственного единства, что привело к распаду Руси на отдельные княжения [Греков, 2012].

Весьма взвешенным в определении значения княжеской власти отличается творческое наследие академика И. Я. Фроянова. Одним из первых в рамках советской исторической традиции он указывал на недопустимость констатации открытого антагонизма между Рюриковичами и их подданными. В развитие чего обосновывались функции князя как регулятора общественных отношений, столь необходимого в условиях разложения родоплеменного строя. В XI–XII вв. доказывалась неразрывная связь между княжеской властью и союзами общин – волостями, землями, что превращало рассматриваемый институт в неотъемлемый элемент социально-политической организации средневекового социума [Фроянов, 2012]. Особенно важен вывод ученого о трансформации системы

вассалитета из типичного родового обычая в политический институт, что находит свое завершение к XII столетию.

Материальной основой вассалитета И. Я. Фроянов называл переход от пожалований даней с каких-либо волостей к передаче таких территорий в кормление, называя такую практику «вассалитетом без фьефов» [Фроянов, 2018, с. 63]. Еще одна специфическая черта вассалитета на Руси, по И. Я. Фроянову, – это так называемый субвассалитет, представленный обладателями измельчавших владений или служилыми князьями. По крайней мере, двое представителей этой категории, князь-изгой Иван Берладник и выходец из рязанского правящего дома Владимир Святославич, оказались на стороне Святослава Северского во время междоусобной войны в «верховских землях» 1146–1147 гг.

ПОДЧИНЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ВЯТИЧЕЙ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОМУ КНЯЖЕНИЮ

К указанному времени, т. е. к XII столетию, основной внутренней административно-территориальной единицей Черниговской земли стали «волости». С большой вероятностью еще в конце XI века, после двух военных предприятий Владимира Мономаха, складываются контуры Лесной волости с центром в Карачеве, а также утверждается власть черниговских посадников над округой, включающей будущие Мценск, Спашь, Кром и Домагощ.

С. Д. Краснощекова и Л. Н. Красницкий указывали, что две из административно-податных единиц Черниговского княжения – Лесная волость и Земля Вятичей – охватывали верховья Оки и Десны в пределах современных Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей [Краснощекова, Красницкий, 2006].

Известный специалист по истории Черниговского княжества А. Зайцев полагает, что в середине XII в. междуречье Оки и Десны таких волостей было не две, а больше: помимо области Вятичи, ученый относит к самостоятельным волостям Карачев как административный центр Лесной волости», а также Мценск, Домагощ и другие топонимические объекты, упоминаемые в летописании как ключевые районы междоусобной войны 1146–1154 гг. [Зайцев, 2009].

Среднее течение Оки, приходящееся на современные Калужскую и Тульскую области, даже к середине XII в. контролировалось черниговскими, а позднее новгород-северскими владетелями весьма опосредовано. С одной стороны, именно здесь складывается особая волость, именуемая в документах как Вятичи, к которой исследователи

относят древние грады середины XII столетия Козельск, Деягорск, Дедославль. Управление на местах производится посадниками, которые упоминаются в Ипатьевской летописи под 1147 г. [Полное собрание русских летописей, т. II, 1843]. С другой стороны, весомая честь властных полномочий в ее пределах остается в распоряжении местной племенной знати. Еще в 1146 г. упоминается сбор вятических старейшин в Дедославле, с которыми вели переговоры князя Давидовичи, враждующие в ту пору со Святославом Ольговичем [там же].

Несмотря на расхождения в оценках структуры административно-территориального деления региона Верхней Оки, российские медиэвисты сходятся в том, что будущие «верховские земли» после 1097 г. отошли именно к границам вновь учрежденного Новгород-Северского княжения. Его выделение из Черниговской земли произошло после многолетней войны между двоюродными братьями, давшими начало известным впоследствии княжеским домам русского Средневековья – Владимиром Всеволодовичем Мономахом и Олегом Святославичем / Гориславичем. После долгой борьбы последнему приходится покинуть черниговский «стол» в обмен на образование в 1097 г. под его сюзеренитетом княжества в Новгороде-Северском.

Это княжение в домонгольский период на деле оставалось дочерним по отношению к «великому столу» в Чернигове, однако новгород-северские князья имели известную самостоятельность в отношениях с иными центрами древнерусской средневековой политики. Особый статус Новгород-Северского княжения по отношению к более влиятельному Чернигову неоднократно подтверждался и в XII в. Соглашения между кланами Ольговичей и Давыдовичей в середине XII в. о размежевании территорий между Новгород-Северским и Черниговом исследователь возводит к более ранним договоренностям между отцами – родными братьями Олегом «Гориславичем» и Давыдом Святославичем в конце XI столетия. Сыновья обоих владетелей впоследствии подтверждали прежние соглашения, вновь закрепив их в 1142 г. и в 1151 г. [Зайцев, 1975, с. 51]. Что и дает основания для отнесения региона Поочья или Земли Вятичей к юрисдикции новгород-северской династии.

Однако способность княжеской аристократии определять территориальные границы своих владений не сопровождалась стабилизацией системы феодальной власти. Примечательно, что примером для трансформации отношений сюзеренитета – вассалитета Л. В. Мининкова избрала конфликт внутри династии Ольговичей. Поводом к нему стало распределение княжений после возведения

на «стол» в Киеве Всеволода Ольговича в 1139 г. [Мининкова, 2007, с. 23]. При этом позиция вероятного владетеля земель Верхней Оки Святослава Ольговича заключалась, по мнению исследователя, в восприятии великого киевского князя в первую очередь не как правителя всей Руси, а в качестве сюзерена по отношению к своим ближайшим родственникам. Именно нестабильность отношений сюзеренитета-вассалитета в среде династии Ольговичей и подготовила почву для постоянного внешнего вмешательства в дела Черниговской и Северной земель, следствием чего и стала феодальная война 1146–1154 гг., непосредственно затронувшая «верховские земли».

В то же время новгород-северские князья не стремились к полной сецессии из состава Черниговского княжения – второго по значимости в XII столетии после Киевской земли. Как только позволяла обстановка, правители Северщины пытались закрепиться и в стольном Чернигове.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ ОЛЬГОВИЧ СЕВЕРСКИЙ – СЮЗЕРЕН ЗЕМЕЛЬ ВЕРХНЕЙ ОКИ

Обращает внимание и еще на одно обстоятельство: на изображение и надпись о святом Николае на обнаруженной при раскопках 2021 г. в городе Орле княжеской печати. Самый младший из трех сыновей Олега Гориславича – будущий новгород-северский и черниговский князь Святослав Ольгович в крещении носил имя угодника Николая.

Сегодня исторической науке известны и родовые и крестильные имена представителей ветви Ольговичей на черниговском и новгород-северском «столах» в первой половине XII века. Так, родоначальник черниговской династии Олег Святославич / Гориславич был наречен в честь св. Михаила. В 1115–1127 гг. ему наследовал сын Всеволод Ольгович, крещенный как Кирилл, в 1127–1139 гг. новгород-северская земля отошла племянникам Олега Гориславича Владимиру или Изяславу Давыдовичам. В 1139–1146 гг. княжение вновь отходит сыновьям Олега – здесь имело место правление Игоря Ольговича, который в крещении именовался Георгием. Последнему наследует младший брат – Святослав / Николай, отстаивавший свое право на Северщину и верховские земли в ожесточенной феодальной войне с двоюродными братьями – Давыдовичами, а с 1157 г. добившийся и «стола» в Чернигове. На новгород-северском престоле его сменяет племянник Святослав Всеволодович, правивший здесь до 1164 г. и именуемый в крещении Михаилом.

Таким образом, княжеская печать, найденная на месте слияния Оки и Орлика в 2021 г., имеет основания быть соотнесенной с владельцем Новгород-Северского княжения Святославом Ольговичем – ни у кого из его предшественников, современников и последователей, связанных с верховскими землями в первой половине XII столетия, не имелось крестильного имени Николай. Печати с этим именем до 2021 г. на территории средневековых Северщины и Черниговщины не обнаруживались ни в ходе организованных раскопок, ни во время стихийных поисков [Михеев, 2017].

Личность Святослава Ольговича (около 1106–1164 гг.) к настоящему времени не становилась предметом обстоятельных научных работ. О нем обычно вспоминают как об отце героя «Слова о полку Игореве». Однако сохранившиеся свидетельства о жизненном пути говорят о неординарности этого человека как исторической фигуры. Будучи самым младшим, четвертым по счету сыном Олега Святославича / Гориславича он не имел шансов, согласно «лествичному праву», занять не то, что киевский, но даже и новгород-северский «стол». Поэтому, в отличие от известных современников, его деяния не носили общерусского масштаба. В междоусобной борьбе Святослав Ольгович всегда выступал как младший союзник более могущественных властителей – сначала своего старшего брата Всеволода, позднее, в 1140–1150-е – Юрия Владимировича Долгорукого, а в 1160-е – и киевского князя Ростислава Мстиславовича.

По своей бурной биографии Святослав во многом повторил судьбу своего родителя, Олега Святославича / Гориславича. Однако характером он скорее напоминал не отца, а троюродного дядю – Владимира Всеволодовича Мономаха. Святослав всегда оставался верен заключенным соглашениям, был щедр, не покушался на слабейших, привлекал князей-изгнанников, призывал своих соратников и соперников воздерживаться от чрезмерного кровопролития. Исследователи, с подачи Василия Татищева, полагают, что уже в 1107 г. или в 1108 г. самый младший из сыновей Олега «Гориславича» принимает участие в важном политическом событии – замуж за Святослава отдают дочь одного из половецких ханов.

Однако самостоятельное княжение он получает только в 1139 г., по решению старшего брата, великого киевского князя Всеволода, отправившись править в Новгород. Обратим внимание, что представителю высшего правящего сословия после заключения брака требовалось и материальное подкрепление его повысившегося социального и юридического статуса. Интересно, что в летописных сообщениях о Святославе Ольговиче

постоянно упоминается его щедрость и весьма высокое материальное положение; это князь не упускал возможности одаривать всех тех, кто был близок к нему как вассал или союзник. Только он один, как доносит Ипатьевская летопись, дважды преподносил великим князьям-сюзеренам такой экзотический подарок, как охотничий гепард-«пардус» [Полное собрание русских летописей, т. II, 1843].

В связи с чем правдоподобным выглядит предположение, что начало такому благосостоянию было положено весьма рано и накапливалось оно многие годы. Младший из Святославичей мог получить в «кормление» верховья Оки по достижению совершеннолетия или же после бракосочетания, т. е. около 1107 г. Содержание Святослава за счет доходов от погостов из верховских земель продолжалось до 1127 г., когда Новгород-Северский перешел во временное владение дома Давидовичей. Если же принять аргументацию советского и российского медиевиста М. В. Свердлова, то княжич мог иметь в этом районе и некие домениальные владения, обладавшие экстерриториальным статусом. Указанный автор приводит развернутую аргументацию возможности рассредоточения княжеских доменов, которые могли располагаться в ареале сразу нескольких княжений. Со второй половины XI в. отмечается появление княжеских владельческих волостей, зачастую не зависящих от существующих политических границ [Свердлов, 2012].

Другая версия, по мнению автора более основательна, но она смещает время пользования печатью со св. Николаем на десятилетия вперед: к 1146–1164 гг. К тому времени Святослав Ольгович после многих перипетий окончательно закрепляется в Новгород-Северском. Именно во время его правления и появляются первые письменные упоминания о городах средневекового Верхнего Поочья, обозначенных в качестве княжеских владений одновременно с междоусобицей и визитом князя в Москву в апреле 1147 г.

Все сообщения синхронизируются в летописных сводах с периодом феодальной войны 1146–1154 гг. Она началась как борьба за обладание великокняжеским столом между Святославом и Игорем Ольговичами и группировкой под предводительством переяславского князя Изяслава Мстиславовича. Основными событиями того времени стали поражение Ольговичей под Киевом и последующее отступление Святослава (его брат оказался в плену) в Новгород-Северский. Вслед за чем на сторону победителя перешли двоюродные братья Святослава – черниговские Давыдовичи. Новгород-северский князь выдержал осаду своей столицы, после чего 16 января

1147 г. нанес поражение своим противникам близ Карачева. Однако их общее превосходство вынудило Святослава Ольговича уйти на Верхнюю Оку, в Вятичи, а затем и в земли Ростово-Суздальского княжества.

По случаю переговоров новгород-северского князя с Юрием Долгоруким, которые состоялись 4–5 апреля 1147 г., впервые упоминается Москва. Получив поддержку от владыки Ростово-Суздальской земли и союзных половецких ханов весной 1147 г. Святослав Ольгович двинулся вверх по Оке, где в мае в месте, именуемом в Ипатьевской летописи Спашем, а в Никоновской летописи – Кромом, было заключено перемирие с противостоящей коалицией черниговских князей [Полное собрание русских летописей, т. III, 1842].

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВЕРХНЕОКСКИХ «ГРАДОВ» СЕРЕДИНЫ XII ВЕКА

Именно к описанию военных действий декабря 1146 – весны 1147 г. относится первое в истории упоминание целого ряда городов или феодальных замков верховских земель, расположение многих из них до сих пор остается неразрешимой загадкой. Если такие грады, как Корачев / Карачев, Козельск, Меченеск / Мценск, Кром / Кромы обладают несомненной исторической привязкой, то расположение Дедославля, Девягорска, Облови или Спаша (Спаши) до настоящего времени остается до конца не выясненным.

В качестве ключевых пунктов весеннего похода упоминается утраченный ныне Дедославль, предполагаемая столица волости Вятичи, а также забытый теперь Девягорск. После занятия, которых усиленное ростово-суздальскими дружинами, «дикими половцами» и «бродниками» войско Святослава прошло через Мценск, Домагощь, Спашь и Кром. Под Домагощью сегодня понимают село Городище, расположенное на границе Орловской и Тульской областей напротив слияния реки Зуши с Окой. Местонахождение города Спашь, в котором состоялись переговоры о перемирии между сторонами, соотносится с селом Спасское, или с городищем у д. Большая Круглица (также известно, как Спасское) Мценского района Орловской области [Неделин, 2001]. Заметим, многие заброшенные городища Верхней Оки исследовались археологами достаточно полно, однако атрибутов, связанных с княжеской или боярской властью ни в одном из тех городищ Верхней Оки, обнаружено не было. Что придает еще большую ценность находкам монет и княжеской печати с ликом св. Николая на месте открытого в 2012–2021 гг. *предОрла*.

В свете чего имеет смысл скептически оценить вероятность соотнесения поселения на слиянии Оки и Орлика с легендарной столицей вятичей городом Крдно. Согласно наиболее распространенной гипотезе, Крдно являлся племенным центром вятичей, где пребывал их вождь Ходота, против которого дважды выступал в поход Владимир Всеволодович Мономах [Майоров, 2015, т. 21]. Преемником Крдна иногда называют также не обнаруженный на сегодня Дедославль, который соотносят с территорией нынешней Тульской области. В то же время многие исследователи указывают, что топоним *Крдно* упоминается лишь единожды, и не в летописях, а в литературном источнике – «Поучении к чадам» Владимира Мономаха [Владимир Мономах, 2014, с. 93]. Необходимо принять во внимание доводы Д. С. Лихачева, который объясняет появление в сообщении о войне с Ходотой упоминания некоего *Крдна* неверным прочтением или же технической текстовой ошибкой.

Обращается внимание, что в «Поучении», где великий князь досконально описал все свои главные военные свершения, не нашлось места упоминанию о его успешном походе на торков, который точно датируется в летописных текстах. Экспедиция против кочевников приходится ровно на тот же год, когда князь Владимир Всеволодович имел дело с восставшими вятичами. Тогда же происходило усмирение федератов – *переславских торков*, которые *заратились* в 1080 г. (6588). [Полное собрание русских летописей, т. I, 1846]. Исходя из приводимых фактов, Д. С. Лихачев приходит к выводу о том, что Крдно – это не наименование мифической столицы одного из племенных союзов восточных славян, а искаженный переписчиками или комментаторами термин, имеющий под собой тюркское происхождение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет заключить, что освоение территорий Верхней Оки представителями династии Рюриковичей происходило поэтапно и не было завершено ко времени расцвета Древнерусского государства. В X–XI столетиях земли племенного союза вятичей имели статус данников великих киевских князей. На втором этапе, который приходится уже на время существования Черниговского княжества, после походов Владимира Мономаха (правил в Чернигове в 1078–1094) против вождя вятичей Ходоты в 1080 г., южные земли этого восточнославянского союза подчиняются княжеской администрации. Тогда как их соплеменники,

проживавшие в труднодоступных, покрытых лесными массивами и заболоченными поймами, районах Средней Оки, составили особую волость Вятичи, которая контролировалась в основном через систему *погостов* при сохранении реликтов племенного самоуправления.

С начала XII столетия, на третьем этапе освоения, регион Верхней Оки входит в границы Новгород-Северского княжения. О принадлежности верховских земель свидетельствует, в частности и находка княжеской печати с изображением св. Николая на территории *предОрла* в 2021 г. Ее обладателем, вероятнее всего, являлся князь новгород-северский и черниговский Святослав Ольгович, отец героя «Слова о полку Игореве».

Истина о реальном положении древнерусских городищ верховских земель, упоминаемых в связи с событиями 1146–1147 гг. может быть установлена после возобновления археологических раскопок у сел Гать, Спасское, Звягинки и Большая Круглица. Основной задачей по-прежнему остается выяснение статуса поселения при слиянии Орлика и Оки, а также окончательная идентификация летописного Спаша. Дальнейшие комплексные исследования на основе сопоставления археологических и письменных источников позволят приблизиться к определению статуса и принадлежности давно известных и вновь открытых городищ и селищ первой половины XII столетия на Верхней Оке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майоров А. А. Верховская историко-географическая провинция и её включение в состав Московского государства // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 56–60.
2. Провоторов Е. В. Новые археологические исследования на территории города Орла // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 171–177.
3. Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры. 2004.
4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. : XI–XII век / под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997.
5. Греков Б. Д. Грозная Киевская Русь. М. : Алгоритм, 2012.
6. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1980.
7. Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Орел : Вешние воды, 2006.
8. Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII в.: избранные труды. М. : Квадрига, 2009.
9. Полное собрание русских летописей. Том II. СПб. : Типография Э. Праца, 1843.
10. Зайцев А. К. Черниговское княжество // Сборник. Древнерусские княжества X–XIII вв. М. : Наука, 1975.
11. Мининкова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
12. Михеев С. М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей X–X // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2017. № 4. С. 17–41.
13. Свердлов М. В. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Ленинград : Наука, 1983.
14. Неделин В. М. Орел изначальный Орел : Вешние воды, 2001.
15. Майоров А. А. Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. Т. 21. С. 8–12.
16. Владимир Мономах. Русская Правда. Устав. Поучение. М. : Эксмо. 2014.
17. Полное собрание русских летописей. Том I. СПб. : Типография Э. Праца, 1846.
18. Полное собрание русских летописей. Том III. СПб. : Типография Э. Праца, 1842.

REFERENCES

1. Majorov, A. A. (2015). Verkhovskaya Historical and geographical Province and its incorporation into the Moscow State. Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 6(69), 56–60. (In Russ.)
2. Provotorov, E. V. (2019). New archaeological research on the territory of the city of Orel. Arheologiya Evrazijskih stepej, 5, 171–177. (In Russ.)
3. Gorskiy, A. A. (2004). Rus'. Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva = Russia. From Slavic Settlement to the Moscow Kingdom. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
4. Lihachev, D. S. (et al) (1977). Biblioteka literatury Drevnej Rusi = Library of literature of Ancient Russia. Vol. 1. XI–XII. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.)

5. Grekov, B. D. (2012). Groznaya Kievskaya Rus' = The terrible Kievan Rus. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
6. Froyanov, I. Ya. (1980). Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii = Kievan Rus. Essays on socio-political history. Leningrad: Izd-vo LGU. (In Russ.)
7. Krasnoshchekova, S. D., Krasnickij, L. N. (2006). Arheologiya Orlovskoj oblasti = Archeology of the Orel region. Orel: Veshnie vody. (In Russ.)
8. Zajcev, A.K. (2009). Chernigovskoe knyazhestvo X–XIII v.: izbrannye Trudy = Chernigov principality. X–XIII: selected works. Moscow: Kvadriga. (In Russ.)
9. Polnoe sobranie russkih letopisej = The complete collection of Russian Chronicles. (1843). Vol. II. St. Petersburg: Tipografiya E. Praca. (In Russ.)
10. Zajcev, A. K. (1975) Chernigovskoe knyazhestvo = Chernigov principality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Mininkova, L. V. (2007). Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoj Rusi. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Rostov on Don. (In Russ.)
12. Miheev, S. M. (2017). Princely seals with tamgas and attribution of the signs of the Rurikovich X–X. Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki, 4, 17–41. (In Russ.)
13. Sverdllov, M. V. (1983). Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi = Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
14. Nedelin, V. M. (2001). Orel iznachal'nyj Orel = Orel is the original Orel. Orel: Veshnie vody. (In Russ.)
15. Majorov, A. A. (2015). Ancient Vyatichi and their special place among the East Slavic tribes of the IX–XI centuries. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova, 21(6), 8–12. (In Russ.)
16. Vladimir, Monomah (2014). Russkaya Pravda. Ustav. Pouchenie = Russian Truth. Regulation. A lesson. Moscow: Eksmo (In Russ.)
17. Polnoe sobranie russkih letopisej = The complete collection of Russian Chronicles. (1846), Vol. I. St. Petersburg: Tipografiya E. Praca (In Russ.)
18. Polnoe sobranie russkih letopisej = The complete collection of Russian Chronicles. (1842). Vol. III. St. Petersburg: Tipografiya E. Praca. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыбаков Дмитрий Леонидович

доктор политических наук, профессор Академии гражданской защиты МЧС России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsybakov Dmitry Leonidovich

Doctor of Political Sciences

Professor of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Статья поступила в редакцию 20.08.2022
одобрена после рецензирования 22.09.2022
принята к публикации 03.10.2022

The article was submitted 20.08.2022
approved after reviewing 22.09.2022
accepted for publication 03.10.2022

Научная статья

УДК 316.023.5+ 316.648

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_118

Лояльность персонала инфекционной службы в период пандемии: ключевые факторы и некоторые вопросы управления

И. В. Богдан¹, А. А. Дренева², В. А. Кузьменков³, Д. П. Чистякова⁴

^{1,2,3,4}Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

¹bogdaniv@zdrav.mos.ru, ²dreneva@zdrav.mos.ru, ³kuzmenkov@zdrav.mos.ru, ⁴chistyakovadp@zdrav.mos.ru,

Аннотация: Лояльность медицинского персонала – важный элемент эффективной деятельности организаций здравоохранения. С целью определения факторов, способствующих лояльности в работе, проведено социологическое исследование в двух инфекционных больницах г. Москвы. Выявлен рост лояльности медицинского персонала службы в период пандемии. Ключевым фактором, обеспечивающим это явление, стала психоэмоциональная обстановка в коллективе. Рассмотрены ее предикторы: профессионализм сотрудников, поддержка Правительства, отношения с руководством и пациентами. Даны рекомендации по повышению лояльности медицинских работников.

Ключевые слова: лояльность, медицинский персонал, пандемия, инфекционная служба, факторы лояльности персонала, eNPS

Для цитирования: Богдан И. В., Дренева А. А., Кузьменков В. А., Чистякова Д. П. Лояльность персонала инфекционной службы в период пандемии: ключевые факторы и отдельные вопросы управления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 118–126. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_118

Original article

Loyalty of Infection Service Personnel during the Pandemic: Key Factors and Management Issues

Ignat V. Bogdan¹, Anna A. Dreneva², Vladimir A. Kuzmenkov³, Darya P. Chistyakova⁴

^{1,2,3,4}State Budgetary Institution "Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department", Moscow, Russia

¹bogdaniv@zdrav.mos.ru, ²dreneva@zdrav.mos.ru, ³kuzmenkov@zdrav.mos.ru, ⁴chistyakovadp@zdrav.mos.ru

Abstract. The loyalty of medical personnel is an important predictor of the effective operation of healthcare organizations. In order to determine the factors contributing to work loyalty, a sociological study was conducted in two infectious diseases hospitals in Moscow. It revealed an increase in the staff loyalty of the infectious disease service during the pandemic. The psycho-emotional environment in the personnel was a key factor that ensured growth. Predictors of the environment are personnel values, government support, relationships with management and patients. The study provides recommendations on how to increase loyalty of the medical workers.

Keywords: loyalty, medical personnel, pandemic, infectious disease service, personnel loyalty factors, eNPS

For citation: Bogdan, I. V., Dreneva, A. A., Kuzmenkov, V. A., Chistyakova, D. P. (2022). Loyalty of infection service personnel during the pandemic: key factors and management issues. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 118–126. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_118

ВВЕДЕНИЕ

В условиях распространения новой коронавирусной инфекции система здравоохранения приняла на себя основной удар: от ее готовности, скорости реагирования, адаптивности к постоянным изменениям зависела возможность и эффективность оказания помощи населению. Благодаря профессионализму и самоотверженности медицинских работников удалось противодействовать пандемическим угрозам. Видится важным вынести уроки из сложившейся ситуации: осмыслить влияние кризисной ситуации, способов реагирования на нее, а также понять, как можно использовать эти знания в «обычное», посткризисное время. Один из таких уроков – отношение и мотивация персонала медицинских организаций к работе.

Для подробного изучения этого вопроса представляется важным определить комплексный показатель, который будет «связывать» работу системы здравоохранения и ее кадры, а также позволит выявить динамику процессов в данной области. В качестве такого показателя выбрана лояльность, под которой мы понимаем «высший уровень положительного отношения, доверия и удовлетворенности по отношению к объекту лояльности» [Богдан и др., 2021, С. 25]. В исследованиях она рассматривается как сочетание материальных и нематериальных условий профессиональной деятельности и оказывает значимое влияние на производительность труда. Применительно к системе здравоохранения этот вопрос особенно актуален, поскольку результатом эффективной деятельности данной системы является укрепление здоровья населения. Исходя из этого была сформулирована следующая цель: определить уровень и основные факторы лояльности медицинских работников в кризисное пандемическое время.

Ввиду незначительного количества работ, посвященных именно лояльности медицинского персонала, при обзоре литературы мы расширили область поиска и рассматривали работы близкие по тематике, посвященные удовлетворенности, доверию и общим вопросам мотивации, что соотносится с принятым нами подходом. При этом они являются со своей стороны необходимым условием лояльности, поэтому определяющие их факторы можно также считать и факторами лояльности.

Рассмотренные исследования свидетельствуют в пользу того, что предикторы удовлетворенности, доверия и лояльности в значимой степени дифференцированы на основании странового контекста. Например, исследование, сопоставившее факторы удовлетворенности работой в Германии и США, продемонстрировало важность

наличия возможностей для продолжения образования, гарантий занятости, объема административной работы, коллегиальных отношений и доступа к специализированным технологиям для Германии, в то время как в выборке США важными предикторами общей удовлетворенности стали гарантии занятости, финансовые стимулы, взаимодействие с коллегами и сотрудничество с руководством [Janus et al., 2008]. Исследования в развивающихся странах обнаруживают иной набор факторов. На первый план чаще выходят материальные условия. Среди факторов снижения удовлетворенности медицинских работников называется низкий заработок, переработки, недостаток необходимого оборудования, отсутствие возможностей для непрерывного медицинского обучения и профессионального развития [Kuburovic et al., 2016; Zhou H. Et al., 2018; Bui Nhat et al., 2021].

Таким образом, мы видим, что для решений в области управления лояльностью медицинского персонала желателен учет страновой специфики (и, вероятно, региональной, потому что культурно и экономически регионы нашей страны значимо различаются). В этой связи обратимся к данным отечественных исследований.

Они также свидетельствуют о значимости материальных факторов, а некоторые авторы отмечают их первостепенную роль [Сергеева, 2017]. Однако мы не можем согласиться с позицией об абсолютном материализме работников отечественной системы здравоохранения. Другие исследования демонстрируют значимость таких позитивных факторов, как удовлетворенность условиями труда, морально-психологический климат в коллективе, общение в организации и эффективная работа с пациентами, а также соблюдение системы менеджмента качества; негативными факторами чаще всего называются большой объем бумажной работы, отсутствие перспективы карьерного роста, низкая заработная плата, переработки [Давыдов, Артемьева, Нагибин, 2019; Кацова и др., 2019; Мерзлякова, Кулигина, 2019]. Обращает на себя внимание концентрация нематериальных аспектов именно среди положительных мотивирующих факторов.

Также важно учитывать не только сами факторы лояльности, но и внешние условия, в рамках которых они реализуются. Исследования показывают, что существует несогласованность в оценках условий и организации труда, полученных от руководства медицинских организаций и рядовых сотрудников [Кирик, 2018]. Информационный, ценностный и другие «разрывы» могут создавать препятствия для создания эффективной системы формирования лояльности персонала.

Помимо страновых, также может наблюдаться ряд социально-демографических «расколов»: например, в литературе отмечаются различия в лояльности молодых, только что пришедших на работу медицинских работников, поколения «миллениалов», и старших поколений работников [Shufutinsky, Cox, 2019].

В связи с многообразием факторов, определяющих лояльность, видится, что для принятия корректных управленческих решений необходимо выбирать ориентир как можно более близкий к изучаемой организации: из одного региона (или хотя бы страны), сопоставимой организации, сопоставимой выборочной совокупности (по социально-демографическим, профессиональным параметрам) и т. д. Это порождает запрос на увеличение числа «точечных» исследований, создающих пул информации, позволяющий делать выводы как об основных тенденциях, так и отдельных аспектах лояльности персонала. В частности, в проведенном нами исследовании объектом были выбраны сотрудники инфекционной службы Москвы, выступившей во многом «флагом» борьбы с пандемией. Ожидалось увидеть подтверждение обнаруженных в литературе тенденций в области лояльности, например, значимость нематериальных факторов, а также сегментацию лояльности и ее предикторов внутри изучаемой совокупности медицинских работников¹.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В статье использованы материалы исследований, проведенных в сентябре 2020 г. в городских больницах инфекционной службы Москвы (два инфекционных стационара). Анкеты раздавались через координаторов-сотрудников медицинских организаций, анкетирование было проведено в заочной форме (самозаполнение). Проводился контроль полученных данных на фальсификации (на основании выявленной схожести ответов, одного и того же почерка), которые происходили, несмотря на предварительный инструктаж с сотрудниками². Сфальсифицированные анкеты отбраковывались.

Проводился сплошной опрос присутствовавших в течение срока исследования на рабочем

месте клинических сотрудников, итоговая выборка составила 451 сотрудника инфекционной службы (остальные отказались от участия).

Дополнительно для того, чтобы проследить динамику изменений, были использованы данные двух волн опроса в одной из инфекционных больниц, которые были проведены до пандемии (август, октябрь 2019 г.; № 282, № 221). При указании динамики приводятся только данные по одной больнице (однако в целом стоит отметить, что данные исследования высоко гомогенны, и результаты в среднем по службе сильно не отличаются от данных по отдельной больнице).

Выбрана методология eNPS, предложенная Ф. Райхельдом, измеряющая степень лояльности в рамках своей шкалы как разницу между процентом лояльных и нелояльных респондентов [Райхельд, Марки, 2013]. Сама методология видится хорошим выбором для данного исследования, с одной стороны, позволяя выявить степень приверженности работе / лояльности, с другой – в компактной форме определить не только показатель лояльности, но и его факторы.

При этом следует отметить, несмотря на популярность методологии, ее малую академическую изученность (среди редких примеров: [Богдан и др., 2021; Куприянов, Жаркова, Хайруллин, 2018; Маругина и др., 2013]).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. ПОКАЗАТЕЛИ ЛОЯЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ

Результаты исследования показывают, что уровень лояльности сотрудников больниц инфекционного профиля оценивается как высокий. В среднем по службе он составил eNPS = 20 без значимой разницы в исследуемых организациях.

Сравнение данных в динамике по одной из больниц продемонстрировало существенный рост: за год индекс вырос с eNPS = 1,8 (на момент последнего замера в октябре 2019 г.) до eNPS = 20,9. Имеющиеся данные говорят в пользу резкого качественного изменения в пандемию, а не поступательной трансформации: два допандемических замера в 2019 г. не показали статистически значимой динамики данного индекса. Полученный результат видится крайне важным, так как демонстрирует то, что тяжелые условия пандемии не являлись причиной для нелояльности. Более того, мы можем с осторожностью говорить о возможности генерализации данного вывода на другие специализации – исследования в многопрофильном стационаре в Москве примерно в то же время (конец 2020 г.) показали

¹Часть тезисов исследования в кратком виде была отражены в коллективной монографии «Лояльность персонала медицинских организаций» [Богдан и др., 2021]. Данная работа представляет собой развернутое описание результатов проекта и иной ракурс изложения.

²Сотрудники организаций, как показывает наш опыт, зачастую воспринимают такие опросы как тестирование, на которое обязательно нужно дать «правильный» ответ.

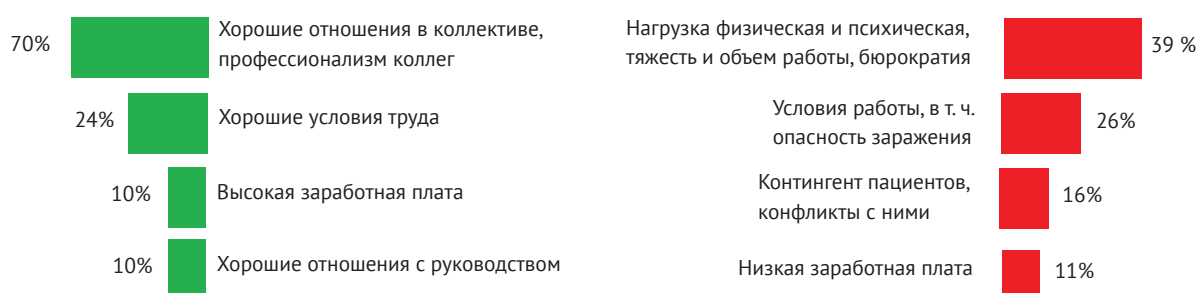

Рис. 1. Факторы лояльности сотрудников

аналогично высокий уровень лояльности [Богдан, Маленкова, Малышева и др., 2021].

При этом были получены различия в уровне лояльности в зависимости от должности: среднее значение eNPS для врачей в обеих больницах составило 47,7, среднего медперсонала – 6,3, что можно было наблюдать и в других исследованиях [Богдан и др., 2021]. Такой разрыв также наблюдался и в допандемическое время. Качественного изменения ситуации в данном аспекте в связи с пандемией не произошло, несмотря на часто отмечаемый медицинскими работниками рост сплоченности [Медики и общество: беседы во времена коронавируса, 2021]. Для понимания причин такой ситуации крайне важным видится обнаружение факторов лояльности.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

Основные факторы лояльности в среднем по службе показаны на рисунке 1. Данные приведены в процентах от опрошенных, предоставивших положительные / отрицательные отзывы. Учтены факторы, упомянутые более 10 % респондентов. Сумма ответов превышает 100 %, так как респондент мог упомянуть несколько категорий.

Среди позитивных факторов с большим отрывом упоминается психологический климат в коллективе (ощущение которого обусловлено, в частности восприятием коллег как высокопрофессиональных). Негативные факторы распределены более равномерно, среди них преобладает большая физическая и психическая нагрузка, объем и тяжесть работы. Важным негативным фактором выступила специфика работы в инфекционной службе, в том числе высокая вероятность заразиться, которая являлась в пандемию объективным неустраняемым фактором. Сравнение данных с допандемическим исследованием в одной из больниц говорит в пользу того, что структура факторов лояльности за год пандемии не претерпела изменений. В то же время нельзя исключать и временной фактор: вероятно, прошло недостаточно

времени для системной трансформации структуры лояльности и ее факторов с течением пандемии, и дальнейшие исследования продемонстрируют динамику в данной области.

Поскольку не было выявлено других негативных факторов по сравнению допандемическим периодом, можно предположить, что именно с ведущей ролью психологических факторов как позитивного фактора лояльности, их большей интенсивности можно связать наблюдаемый рост лояльности. При этом фактор психологического климата является интегральным и многосоставным. Рассмотрим те компоненты, которые могут вносить в него вклад.

ЦЕННОСТНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Исследование показало, что среди работников инфекционной службы существенно преобладают условно названные «коллективисты». Это сторонники равенства, считающие, что успех подразделения – это общая заслуга, и поэтому вознаграждение за работу должно распределяться равномерно между всеми сотрудниками: вариант «полностью согласен» и «скорее согласен» с таким мнением выбрали почти 80 % сотрудников, тогда как позицию распределения вознаграждения в зависимости от вклада работника поддержали лишь 11 % респондентов.

Такую ситуацию можно рассматривать как фактор сплоченности коллектива, что, безусловно, могло внести свой вклад в рост уровня лояльности после пандемии, по сравнению с допандемическим уровнем. Однако не исключена и другая трактовка: «коллективизм» как запрос на справедливость (ввиду, например, ряда сложных аспектов в распределении вознаграждений между врачами и медсестрами или между «зеленой» и «красной» зонами [Медики и общество: беседы во времена коронавируса, 2021]).

Аналогичный вопрос о согласии с высказываниями, отражающими дихотомию «ориентация на

коллектив – ориентация на дело», вновь показывает преобладание «коллективистов», для которых хорошие отношения в коллективе важнее эффективности и результативности в работе: соотношение согласных (сумма ответов «полностью согласен» и «скорее согласен» и несогласных (сумма ответов «абсолютно не согласен» и «скорее не согласен») с этим высказыванием составило 63 % и 6 % соответственно.

С одной стороны, коллективизм как ценностная основа может давать прирост лояльности за счет улучшения психологического климата в более сплоченном коллективе, с другой – проблемой может стать поиск инициативных лидеров, которые мотивированы на достижение целей и улучшение службы («ориентированных на дело»).

ОТНОШЕНИЯ С РУКОВОДСТВОМ И ПАЦИЕНТАМИ

Другим важнейшим фактором для климата на работе можно назвать отношения с руководством. Фокус-группы с сотрудниками в пандемию говорят о важности личного примера руководителя, когда он в явной форме показывает, что в тяжелой ситуации пандемии он на стороне сотрудника [Богдан и др., 2021]. Возможно, именно такая картина наблюдалась в инфекционной службе, так как отношения с руководителем сотрудники в обеих организациях оценивали достаточно высоко: средняя оценка составила 4,3 из 5.

При этом вопрос об уверенности в поддержке руководства в сложной ситуации выявил почти четверть несогласных с данным тезисом. В качестве наиболее распространенных причин сомнений указывались излишняя и потенциально необоснованная ориентация на мнение пациента (39 %), предыдущий опыт аналогичных ситуаций (18 %), недооценка и негативное отношение к сотрудникам (14 %), первостепенность интересов самого руководства (8 %) и обстоятельства конкретной ситуации (4 %). Опять же, среди названных негативных факторов мы видим процессы, характерные и для допандемического здравоохранения.

Говоря об ориентации на пациента со стороны самих медработников, определено, что имеющиеся между ними конфликты, по-видимому, носят единичный характер. Общая оценка отношения пациентов к сотрудникам достаточно высокая по обеим изученным медицинским организациям – 4,2 из 5. Более того, сравнение оценки частоты возникновения конфликтов с пациентами в пандемическом и допандемических замерах показало отрицательную динамику: 65 % до пандемии и 75 %

медработников в период пандемии говорили о том, что такие конфликты возникали у них «редко» или «никогда». С одной стороны, это позитивный момент для психологического самочувствия медработника, с другой – мы подозреваем, что подобное улучшение во взаимоотношениях может быть обусловлено «героизацией» врачей, которая впоследствии начнет спадать. Таким образом, по мере «рутинизации» пандемии видится, что в постпандемическом здравоохранении проблема, скорее всего, актуализируется вновь. Это будет требовать поиска путей построения системы, балансирующей интересы медиков и пациентов на основании взаимной ответственности.

Исследование демонстрирует потенциал развития коммуникации с пациентами. Например, лишь 6 % медработников считает, что жалобы пациентов, не имеющие прямого отношения к медицинским симптомам, – это непрофильный для них запрос. При этом половина респондентов ответила, что учитывать такие жалобы можно, однако не в первую очередь. Это говорит о том, что несмотря на отмечаемую медработниками важность запроса пациентов на человеческое отношение, эмпатию (46 % медицинских работников отмечают, что это основное ожидание пациента при взаимодействии с медработником) медицинские работники не считают это основной своей обязанностью. В целом ситуация пандемии, если рассматривать динамику, значимым образом на данный аспект не повлияла.

Улучшению отношений пациент – медицинский работник могут способствовать курсы пациентоориентированности. До половины опрошенных в различных больницах имеют опыт их посещения. В целом оценка пройденных курсов пациентоориентированности скорее положительная (6,4 из 10). Были отмечены такие достоинства, как получение новых знаний, улучшение понимания и взаимодействия с пациентами, реальные изменения субъективных установок после тренинга, в целом приятные эмоции от тренингов, в частности из-за возможности обмена опытом с коллегами. Однако почти столько же человек назвали недостатки курсов, среди них основной – отсутствие связи преподаваемого материала с реальным опытом (почти половина от числа респондентов, давших негативную оценку). Например, респонденты высказывали мнение, что в материале курса не нашла достаточного отражения специфика пациентов инфекционной больницы. Также говорилось о неудобном формате проведения тренинга в рабочее время, слишком общей подаче материала (без конкретики) и отсутствии новой информации. Представленные негативные замечания показывают «зону роста» для такого рода тренингов в инфекционных

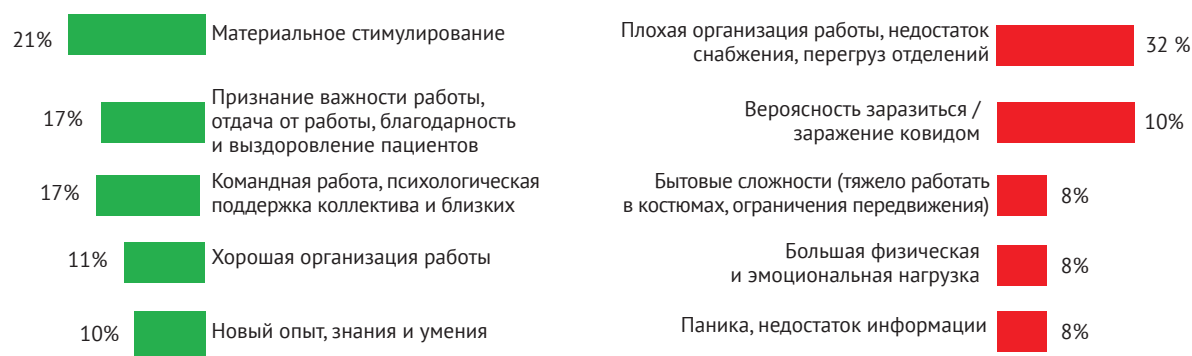

Рис. 2. Факторы оценки инфекционной службы

больницах – необходимость адаптации материала к специфике службы, привлечение реальных практиков и т. д. После «работы над ошибками» такого рода курсы могут занять свою важную нишу в постпандемическом здравоохранении.

Не только улучшение отношений с пациентами, но и в целом общественную поддержку можно рассматривать среди факторов высокой лояльности. Например, поддержка близких и общественное признание назывались на втором месте среди факторов, определяющих оценку инфекционной службы в период исследования¹ (см. рис. 2).

Данные приведены в процентном отношении от числа респондентов, предоставивших положительные / отрицательные отзывы. Факторы, упомянутые более 8 % респондентов не учитывались.

В целом можно говорить о позитивном тренде улучшения отношений медицинский работник – общество, будь то пациенты, близкие люди или социум в целом (как минимум, в начальный период пандемии).

ПОДДЕРЖКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Кроме поддержки руководства и изменения отношений с населением, видится еще один важнейший фактор хорошего климата в коллективе – поддержка правительства. Напрямую такой вопрос в данном исследовании задан не был, однако данные позволяют дать косвенную оценку этому параметру. В этой связи представляют интерес факторы оценки службы сотрудниками больниц (рис. 2).

Высокой оценке (7 из 10 баллов) в первую очередь способствовала удовлетворенность материальным стимулированием, что, как правило, не является характерным для медицинских работников в нашей стране. Данный факт можно связать

с беспрецедентными мерами финансового стимулирования медицинских работников, принятым на федеральном и московском уровне в пандемию.

Несмотря на то, что организационные сложности были основным фактором неудовлетворенности медслужбой в пандемию, хорошая организация работы была названа на четвертом месте среди причин удовлетворенности, это свидетельствует, что после напряженного начала пандемии удалось нормализовать ситуацию.

Также показательно, что среди направлений, в которых должны предприниматься действия по развитию медслужбы, были именно те (связанные с пандемией и нет), на которые в своей деятельности делало упор Правительство Москвы в последние годы и в период пандемии: улучшение снабжения больниц, в том числе материалами, лекарствами и оборудованием (61 %), и перестройка больниц в соответствии с современными требованиями (48 %). Что касается последнего, строительство нового инфекционного корпуса в ИКБ № 1 совпало с началом пандемии.

Можно предполагать, что выработанная в пандемию методика оперативного реагирования, учитывающая выявленные слабые стороны снабжения, психологического состояния, информирования, в дальнейшем, при появлении новых аналогичных вызовов позволит службе функционировать более эффективно, поддерживая высокий уровень удовлетворенности персонала. С одной стороны, данный раздел носит дискуссионный формат, с другой – представленные выводы сопоставимы с аналогичными исследованиями системы здравоохранения Москвы в период пандемии [Богдан и др., 2021].

ОБЩИЙ УРОВЕНЬ СТРЕССА

Наконец, в контексте психологического состояния обращает на себя внимание достаточно высокий уровень стресса, о котором сообщили респонденты обеих медицинских организаций: за последнее

¹«Как Вы оцениваете работу инфекционной службы Москвы в целом по 10-балльной шкале, где 0 – ужасно, 10 – отлично?»

время стресс иногда или постоянно испытывали более половины медработников, причем для трети уровень стресса сохранялся неизменным и еще для трети – повысился. Бесспорно, пандемия сыграла в этом значимую роль, и данные о повышенном стрессе и других психических проблемах встречаются и в других исследованиях [Aumerich et al., 2022].

Такой результат указывает на необходимость выявления потребности в психологической помощи и психологического сопровождения работников инфекционной службы (особенно в ситуации пандемии), тем более что всего 18 % указавших способы справляться со стрессом указывали о факте владения психологическими техниками. Анализ пандемических практик показывает, что построение систем психологической поддержки сотрудников получает распространение в пандемию.

Другим способом поддержания психологического здоровья сотрудников, кроме психологического сопровождения, ранее здесь не упомянутым, является простое признание, выраженное в нематериальном поощрении. Данные исследования показывают, что сегодня оно используется в недостаточной мере. Например, когда мы просили напрямую оценить ряд факторов лояльности, наиболее низкую оценку сотрудники поставили «нематериальному поощрению, признанию ваших заслуг» («3,3» из «5», тогда как другие аспекты оценивались на «3,9» и выше), что говорит о необходимости обратить внимание на эту форму поощрения и повышения уровня лояльности сотрудников, которая, среди прочих своих преимуществ, не требует значительных трат ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует подчеркнуть в качестве одного из самых важных результатов то, что пандемия, несмотря на тяжёлые условия труда, не обязательно должна становиться поводом для заметной нелояльности персонала. Показатель лояльности в нашем исследовании не только не уменьшился, но даже существенно вырос.

Интересным является то, что данные могут выглядеть противоречивыми по сравнению с теми исследователями, которые говорили о важнейшей роли материального стимулирования. Видится, что расхождение можно объяснить, во-первых, региональной спецификой Москвы, в значительной мере нивелировавшей проблему достаточной оплаты труда в медицине, во-вторых, кейсом самой пандемии, который здесь видится даже ведущим, в-третьих, видится, что возможно именно лояльность как высшая степень удовлетворенности и доверия в большей мере зависит от психологических факторов, чем, например, удовлетворенность условиями труда, акцент на которой был сделан в обзоре.

Показанная в кейсе ведущая роль психологического климата не говорит, что материальное стимулирование не важно, безусловно, установление достойной заработной платы является важнейшей задачей. Однако мнение о том, что материальные стимулы являются основными и подавляюще важными, которое авторы могли нередко встретить среди ряда управленцев в области московского здравоохранения, не проходит эмпирической проверки. В этом видится основная ценность данного кейса.

Исследование показало социологический срез в рамках инфекционной службы на конец первого года пандемии, однако не менее интересным является вопрос того, удалось ли сохранить данный «всплеск» лояльности в системе здравоохранения, с учетом спадания дискурса о «врачах-героях» и остались ли также неизменными факторы лояльности персонала. Ведущая роль в развитии данного аспекта видится у главного врача, в том числе в исследовании было показано, что набор стимулов для создания высокой лояльности еще не исчерпан.

Вне зависимости от результатов дальнейших исследований такой во многом «случайный» кейс собранности, солидарности, воодушевления в тяжелый период (индикаторами которых является рост лояльности) видится важнейшим объектом дальнейшего изучения в текущий период непростых социальных трансформаций, когда российский социум ищет новые формулы солидарности и не только в области здравоохранения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богдан И. В. [и др.]. Лояльность персонала медицинских организаций / И. В. Богдан, А. А. Дренева, А. В. Праведников, Д. П. Чистякова ; под общ. ред. И. В. Богдана. М. : НИИОЗММ ДЗМ, 2021.
2. Janus K. et al. Job satisfaction and motivation among physicians in Academic Medical Centers: insights from the Cross-National Study / K. Janus, V. E. Amelung, L. C. Baker, M. Gaitanides, F. W. Schwartz, T. G. Rundall // *Journal of Health Politics, Policy and Law*. 2008. # 6. Vol. 33. P. 1133–1167.
3. Kuburovic N. B. et al. Determinants of job satisfaction of healthcare professionals in public hospitals in Belgrade, Serbia – Cross-sectional analysis / N. B. Kuburovic, V. Dedic, S. Djuricic, V. Kuburovic // *Srp Arh Celok Lek*. 2016. # 3-4. Vol. 144, P. 165–173.

4. Zhou H. et al. Job Satisfaction and Associated Factors among Medical Staff in Tertiary Public Hospitals: Results from a National Cross-Sectional Survey in China / H. Zhou, X. Han, J. Zhang, J. Sun, L. Hu, G. Hu, Sh. Wu, P. Zhao, F. Jiang, Y. Liu // *Int J Environ Res Public Health*. 2018. # 7. Vol. 15. P.15–28.
5. Bui Nhat V. et al. Determinates of factors influencing job satisfaction and organizational loyalty / V. Bui Nhat, T. Dao Duy, T. Hasanuzzaman, N. Q. Tran, K. G. Ha Nam // *Management Science Letters*, 2021.
6. Сергеева Н. М. Мотивация медицинских кадров как фактор развития учреждений здравоохранения // *Инов: электронный научный журнал*. 2017. № 3 (32). URL: <http://www.innov.ru/science/economy/motivatsiya-meditsinskikh-kadrov-ka/>
7. Давыдов А. Ю., Артемьева Г. Б., Нагибин О. А. Оценка удовлетворенности условиями труда медицинских работников акушерско-гинекологической службы в сельской местности (на примере Рязанского района) // *Российский медико-биологический вестник им. академика И. П. Павлова*. 2019. № 2. Т. 27. С. 237–244.
8. Кацова Г. Б. [и др.]. К вопросу о факторах, определяющих профессиональную удовлетворенность медицинских сестер-руководителей / Г. Б. Кацова, Л. В. Попова, М. К. Дмитриева, Н. П. Малеева // *Вестник науки*. 2019. № 2 (11). Т. 3. С. 113–120.
9. Мерзлякова С. В., Кулигина Н. В. Исследование связи мотивации и удовлетворенности трудом медицинского персонала // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2019. № 4. С. 265–278.
10. Кирик Ю. В. Оценка условий труда работниками здравоохранения государственных медицинских организаций на Дальнем Востоке России // *Архив внутренней медицины*. 2018. № 2. С. 127–136.
11. Shufutinsky A., Cox R. Losing Talent on Day One: Onboarding Millennial Employees in Health Care Organizations // *Organization Development Journal*. 2019. № 4. Vol. 37. P. 33–52.
12. Райхельд Ф., Марки Р. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь. М. : Манн, Иванов и Фарбер. 2013.
13. Куприянов Р. В., Жаркова Е. В., Хайруллин Р. Н. Использование методики NPS для оценки лояльности пациентов (опыт МКДЦ) // *Менеджер здравоохранения*. 2018. № 8. С. 38–45.
14. Маругина Т. Л. [и др.]. Взаимосвязь уровня лояльности с показателями работы персонала стоматологической поликлиники КрасГМУ / Т. Л. Маругина, А. К. Яркин, В. В. Федотов, Е. С. Загородних // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. *Modern Research of Social Problems*. 2013. № 9 (29).
15. Богдан И. В. [и др.]. Сотрудники многопрофильных стационаров в условиях пандемии COVID-19: условия работы, лояльность и эмоциональное состояние / И. В. Богдан, Н. Л. Маленкова, Е. С. Малышева, А. В. Праведников, Е. А. Сирина, Д. П. Чистякова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. № 2. Т. 29. С. 1264–1270.
16. Медики и общество: беседы во времена коронавируса / А. А. Ослон и др. М. : Институт Фонда общественное мнение (инФОМ). 2021.
17. Aymerich C. et al. COVID-19 pandemic effects on health worker's mental health: Systematic review and meta-analysis / C. Aymerich, B. Pedruzo, J. L. Pérez, M. Laborda, J. Herrero, J. Blanco, G. Mancebo, L. Andrés, O. Estévez, M. Fernandez, de Pablo G. Salazar, A. Catalan, M. Á. González-Torres // *European Psychiatry*. 2022. №1(65).

REFERENCES

1. Bogdan, I. V. et al. (2021) Loyal'nost' personala meditsinskikh organizatsij = Loyalty of the personnel of medical organizations. Moscow: NII OZMM DZM. (In Russ.)
2. Janus, K. et al. (2008). Job satisfaction and motivation among physicians in Academic Medical Centers: insights from the Cross-National Study. *Journal of Health Politics, Policy and Law*, 6(33), 1133–1167.
3. Kuburovic, N. B. et al. (2016). Determinants of job satisfaction of healthcare professionals in public hospitals in Belgrade, Serbia-Cross-sectional analysis. *Srp Arh Celok Lek*, 144(3–4), 165–173.
4. Zhou, H. et al. (2018). Job Satisfaction and Associated Factors among Medical Staff in Tertiary Public Hospitals: Results from a National Cross-Sectional Survey in China. *Int J Environ Res Public Health*, 15(7), 15–28.
5. Bui, Nhat V. et al. (2021). Determinates of factors influencing job satisfaction and organizational loyalty. *Management Science Letters*, 11.
6. Sergeeva, N. M. (2017). Motivation of medical staff as a factor in the development of health facilities. *Innov: electronic scientific journal*, 3(32). <http://www.innov.ru/science/economy/motivatsiya-meditsinskikh-kadrov-ka/> (In Russ.)
7. Davydov, A. Yu., Artemeva, G. B., Nagibin, O. A. (2019). Assessment of satisfaction of medical workers of obstetric service in rural areas with working conditions (on example of Ryazan region). *I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*, 27(2), 237–244. (In Russ.)
8. Kaczova, G. B. et al. (2019). To the question of the factors that determine the professional satisfaction of nurses-leaders. *Vestnik of Science*, 3(2), 113–120. (In Russ.)
9. Merzlyakova, S. V., Kuligina, N. V. (2019). Research of the connection of motivation and labor satisfaction of healthcare personnel. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 4, 265–278. (In Russ.)

10. Kirik, Yu. V. (2018). Evaluation of labor conditions by public health workers in the Russian Far East. *The Russian Archives of Internal Medicine*, 8(2), 127–136. (In Russ.)
11. Shufutinsky, A., Cox, R. (2019). Losing Talent on Day One: Onboarding Millennial Employees in Health Care Organizations. *Organization Development Journal*, № 37(4), 33–52.
12. Raichheld, F., Marki, R. (2013). *Iskrennyaya loyalt'nost'*. Klyuch k zavoevaniyu klientov na vsyu zhizn' = Physicians and Society: Conversations in Sincere Loyalty. The key to winning customers for life. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. (In Russ.)
13. Kupriyanov, R. V., Zharkova, E. V., Khajrullin, R. N. (2018). Use of the NPS method for patient loyalty assessment (ICDC experience). *Health Manager*, 8, 3–45. (In Russ.)
14. Marugina, T. L. et al. (2013). Relationship of the staff loyalty and the performance of the dental clinic of the KrasSMU named V. F. Vuyno-Yasenetsky. *Modern Research of Social Problems*, 9(29). (In Russ.)
15. Bogdan, I. V., et al. (2021). Hospital employees in the COVID-19 pandemic: working conditions, loyalty and emotional state. *Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*, 29(2), 1264–1270. (In Russ.)
16. Oslon, A. A. (ed.) (2021). *Mediki i obshchestvo: besedy vo vremena koronaVirusa* = Doctors and Society: Conversations in Times of the CoronaVirus Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (inFOM). (In Russ.)
17. Aymerich, C. et al. (2022). COVID-19 pandemic effects on health worker's mental health: Systematic review and meta-analysis. *European Psychiatry*, 65(1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богдан Игнат Викторович

кандидат политических наук, начальник отдела медико-социологических исследований
ГБУ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения г. Москвы

Дренева Анна Александровна

старший аналитик ГБУ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы

Кузьменков Владимир Александрович

кандидат философских наук, аналитик ГБУ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы

Чистякова Дарья Павловна

аналитик II категории ГБУ Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bogdan Ignat Viktorovich

PhD (Political Sciences), Head of medical and social research division,
Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department

Dreneva Anna Alexandrovna

Senior analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management
of Moscow Healthcare Department

Kuzmenkov Vladimir Alexandrovich

PhD (Philosophy), analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow
Healthcare Department

Chistyakova Daria Pavlovna

2nd category analyst, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Health-
care Department

Статья поступила в редакцию 30.05.2022
одобрена после рецензирования 30.06.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 30.05.2022
approved after reviewing 30.06.2022
accepted for publication 20.10.2022

Обзорная статья

УДК 364.1

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_127

Родительское благополучие в контексте социологических исследований

Т. Л. Маркова¹, П. Е. Акулова²

^{1,2}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹markova_tl@usue.ru

²polina.ackulowa@yandex.ru

Аннотация. Вопросы социального благополучия приобретают особую значимость на современном этапе развития общества. Целью данной статьи является уточнение и систематизация понятийного аппарата родительского благополучия. Авторы обобщают подходы современных отечественных и зарубежных исследователей к рассмотрению объективных / субъективных аспектов благополучия. Полученные данные будут использованы при разработке авторской методики оценки влияния цифровизации занятости на субъективные и объективные аспекты родительского благополучия.

Ключевые слова: благополучие, социальное благополучие, субъективное благополучие, объективные индикаторы благополучия, субъективные индикаторы благополучия, родительство, родительское благополучие, концептуальные подходы

Благодарности: Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда №22-18-00614. <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

Для цитирования: Маркова Т. Л., Акулова П. Е. Родительское благополучие в контексте социологических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 127–136. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_127

Original article

Parental Well-Being in the Context of Sociological Research

Tatiana L. Markova¹, Polina E. Akulova²

^{1,2}Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

¹markova_tl@usue.ru

²polina.ackulowa@yandex.ru

Abstract. Issues of social well-being are of particular importance at the present stage of society development. The article aims to clarify and systematize the conceptual apparatus of parental well-being. The authors summarize the approaches of modern Russian and foreign researchers to the consideration of objective / subjective aspects of well-being. The data obtained will be used in the development of the authors' methodology for assessing the impact of employment digitalization on the objective and subjective aspects of parental well-being.

Keywords: well-being, social well-being, subjective well-being, objective indicators of well-being, subjective indicators of well-being, parenthood, parental well-being, conceptual approaches

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00614. <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

For citation: Markova, T. L., Akulova P. E. (2022). Parental Well-Being in the Context of Sociological Research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 127–136. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_127

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия благополучие общества, социальных групп и каждого отдельного человека всё чаще поднимается как проблема на различных дискуссионных площадках международного, государственного и регионального уровнях, а также в научном и академическом сообществе.

Уровень развития государства оценивается самочувствием социального населения, что определяет приоритеты государственной политики в современных условиях. Социальное благополучие видится через расширение выбора, рост продолжительности жизни, повышение уровня образования, здоровья и доходов. Согласно опросу ВЦИОМ¹, благосостояние и благополучие наиболее часто назывались респондентами как главные цели России в XXI веке.

В апреле 2022 г. в Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина состоялся Международный форум «Благополучие человека в условиях цифровой трансформации» (Международный конвент УГИ – 2022). Доклады и дискуссии на площадках форума продемонстрировали широту подходов в экспертном сообществе к вопросам благополучия современного общества, а также разнообразие предлагаемых решений в поиске драйверов роста благополучия в российском обществе. Проведение столь масштабного международного форума еще раз акцентирует значимость и актуальность исследований в сфере благополучия общества и различных сфер жизни современного человека.

Сегодня обострились демографические проблемы, стало очевидно, что их решение невозможно без комплексного подхода. Актуальность приобретают более точечная и глубинная проработки отдельных аспектов благополучия, связанных с родительством и семейными отношениями. В период кризиса родители, воспитывающие детей, как никто другой нуждаются в поддержке государства, особенно те из них, кто столкнулся с потерей работы, источника средств к существованию. Социологический мониторинг «Как дела, Россия?», проводимый Центром социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований ФНИЦ РАН с 1992 г., показал, что в 2021 г. доля респондентов, положительно оценивших меры государства по охране материнства и детства, стала самой высокой за весь период мониторинга [Левашов, 2021]. Судя по всему, на результаты опроса повлияли те проекты, которые были направлены на оказание помощи семьям с детьми, матерям и детям в период пандемии коронавируса. Запрос общества на социально ответственное государство, ставящее благополучие человека в центр своей политики как никогда актуален.

Целью данной статьи является уточнение и систематизация понятийного аппарата родительского благополучия, рассмотрение объективных / субъективных аспектов благополучия, а также обобщение результатов современных зарубежных и отечественных проектов по исследованию родительского благополучия.

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН

Для более глубокого и точного понимания феномена «родительское благополучие» считаем необходимым рассмотреть его в контексте более широкого понятия «благополучие» и «социальное благополучие».

В научной среде нет единого подхода к определению феномена «благополучие». Понятия «благополучие», «качество жизни», «счастье», «удовлетворенность жизнью» и «благосостояние» часто используются как синонимы [Ali, 2010], хотя некоторые авторы проводят между ними различия [Галияхметова, 2015; Сушко, 2020]. Так, А. С. Лысухо считает, что «социальное благополучие характеризует условия жизнедеятельности человека в социуме, представляя собой совокупность факторов, необходимых индивиду для реализации собственных возможностей, а понятия «качество и уровень жизни» лишь являются характеристиками условий, в которых протекает жизнь человека» [Лысухо, 2020, с. 10].

В научной литературе можно обнаружить целый спектр подходов к изучению как благополучия общества в целом, так и благополучия в различных сферах жизни. Так, американские исследователи выделяют в качестве элементов благополучия профессиональное, физическое, социальное и финансовое благополучие, а также благополучие в среде проживания [Rath, Harter, 2010].

В англоязычной литературе в контексте анализа социально-экономических факторов благополучия общества используются термины «societal well-being» и «social welfare» [Ali, 2010], которые переводят на русский язык «общественное благополучие / благосостояние» и «социальное

¹Цели России в XXI веке: аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10542>

благополучие / благосостояние». В западном социологическом дискурсе больше распространен термин «social well-being» [Nomaguchi, Milkie, 2020].

Исследователи И. В. Бабаян и Е. И. Пашина понимают под социальным благополучием комплексную характеристику социального положения и самочувствия человека в соответствии с личными и общественными представлениями об оптимальном удовлетворении материальных и социальных потребностей, доступности возможностей для обеспечения и развития человека, его функционирования в параметрах уровня и качества жизни [Бабаян, Пашина, 2016].

Анализируя сущность социального благополучия, Е. Ю. Костина делает вывод о двойственном характере данного феномена, который, с одной стороны, помогает определить, насколько благоприятны условия существования в социуме, а с другой – социальное благополучие является целью реализации социальной политики государства [Костина, 2015]. Исследователи раскрывают характер социального благополучия «как характер того, к чему следует стремиться и что станет гарантом стабильности и устойчивости» [Лысухо, 2020, с. 8].

С методологической точки зрения на социальное благополучие оказывают влияние различные характеристики, поэтому изучение социального благополучия требует комплексного и многомерного подхода. Основные факторы, детерминирующие социальное благополучие (культурные, социальные, психологические, физические, экономические и духовные), определяют ракурс научных исследований [Галиахметова, 2015].

В зарубежной и отечественной литературе в сфере социологии и экономики изучению социального благополучия посвящен большой пласт литературы, что говорит о комплексности и многомерности данного феномена [Бабаян, Пашина, 2016; Воронин, 2009; Попов, 2010; Ali, 2010; How's Life? Measuring well-being, 2011].

Для оценки уровня благополучия используют показатели объективного и субъективного благополучия [Воронин, 2009; Карабчук, Сальникова,

2016]. К объективным показателям благополучия традиционно относят ВВП на душу населения, уровень безработицы, долю бедности, минимальный размер оплаты труда. Г. Е. Воронин рассматривает в качестве объективных показателей благополучия количество самоубийств и убийств, количество зарегистрированных браков и уровень рождаемости в стране [Воронин, 2009]. П. Е. Сушко включает в универсальные критерии благополучия безопасность, здоровье, экологию, развитую инфраструктуру, материальный достаток, возможность самореализации и т. д.) [Сушко, 2020].

Исследователи единодушно отмечают, что анализ исключительно экономических показателей не дает объективной картины истинного благополучия общества и социальных групп населения. Этот факт объясняет интерес к анализу индикаторов субъективного благополучия общества и социальных групп населения.

Так, Э. Динер был первым, кто ввел понятие «субъективное благополучие», состоящее из трех основных компонентов: удовлетворение, комплекс приятных эмоций (pleasant affect) и комплекс неприятных эмоций (unpleasant affect) [Diener, 1984]. По его мнению, субъективное благополучие является компонентом психологического благополучия. Э. Динер заложил основы гедонистического направления, в котором благополучие в основном трактуется в терминах удовлетворенности / неудовлетворенности. В то же время как приверженцы эвдемонистического понимания данной проблемы считают, что личностный рост – главный и самый необходимый аспект благополучия. Одной из ярких представительниц данного направления является К. Рифф, которая сформулировала теоретическую модель психологического благополучия, охватывающую шесть различных аспектов хорошего самочувствия (автономия, овладение окружающей средой, личностный рост, позитивные отношения с другими, цель в жизни, самопринятие) [Ryff, 1989; Ryff, Keyes, 1995].

Западные социологи [Umberson, Pudrovska, Reczek, 2010] рассматривают субъективное

Рис. 1. Социальные институты, в большей степени влияющие на формирование патриотизма

благополучие как один из компонентов феномена «благополучие». В широком понимании благополучие также включает эмоциональное здоровье (например, гнев, чувство вины), психическое здоровье (например, депрессия, тревога) и физическое здоровье. К. Кейс, Д. Шмоткин и К. Рифф [Keyes, Shmotkin, Ryff, 2002] рассматривают «субъективное благополучие» как оценку жизни с точки зрения удовлетворенности и баланса между положительными и отрицательными эмоциями. Исследователи акцентируют необходимость учитывать влияние внешней социальной среды при оценке субъективного благополучия и выделяют пять измерений социального благополучия. Российские ученые также зачастую рассматривают субъективное благополучие как аналогичное понятиям «счастье» и «удовлетворенность жизнью» [Галиахметова, 2015; Сушко, 2020], выделяя в данном понятии когнитивный и эмоциональный компоненты.

ОЭСР в своих рекомендациях [OECD, 2011] высказало точку зрения, что субъективное благополучие необходимо рассматривать как один из ключевых показателей наряду с ВВП. В качестве факторов (индикаторов) субъективного благополучия обычно используют удовлетворенность жизнью, работой, материальным положением, уровнем счастья, стресса и одиночества. Дж. Холл, Э. Джованнини, А. Морроне и Дж. Рануцци относят к факторам субъективного благополучия физическое и психическое здоровье, свободу и самоопределение, хорошую работу, удовлетворительные межличностные отношения, материальное благополучие, знание и понимание мира [Hall, Giovanini, Morrone, Rannuzi, 2009]. Г. Л. Пучкова считает, что «высокий уровень субъективного благополучия, являясь одновременно и фактором, и результатом самоактуализации, оказывает влияние на общий ее уровень, определяет выбор эффективных стратегий решения жизненных проблем и способствует сохранению психологического здоровья личности» [Пучкова, 2003, с. 4].

Можно сделать вывод, что объективное благополучие характеризует материальные и социальные обстоятельства, которые способствуют росту или снижению чувства благополучия индивида или сообщества. Субъективное благополучие связано с самооценкой человеком своего благополучия.

Между объективным и субъективным благополучием нет прямой взаимосвязи. Н. А. Батурин, С. А. Башкатов и Н. В. Гафарова отмечают, что часто при достаточно высоких объективных показателях социального благополучия, человек не дает высокой субъективной оценки своего благополучия (материальное положение, социальный статус, здоровье, удовлетворенность жизнью, уровень

счастья, стресса, одиночества и т. п.) [Батурин, Башкатов, Гафарова, 2013]. По мнению исследователей, этот факт обусловлен личностными характеристиками, которые выступают в качестве внутреннего фактора благополучия / неблагополучия человека [Батурин, Башкатов, Гафарова, 2013; Лысухо, 2020].

Интегрирование объективных и субъективных аспектов благополучия нашли свое отражение в докладе ОЭСР [How's Life? Measuring well-being, 2011], в котором сформулированы три основных подхода при оценке благополучия людей:

- 1) материальные условия жизни;
- 2) качество жизни;
- 3) устойчивость.

Для измерения текущего состояния благополучия необходимо оценивать материальные условия жизни (доход и богатство; работа и заработок; жилье) и качество жизни (состояние здоровья; баланс работы и жизни; образование и навыки; гражданское участие и управление; социальные связи; качество окружающей среды; личная безопасность и субъективное благополучие). Устойчивость благополучия во времени требует сохранения различных видов капитала (природный, экономический, человеческий, социальный).

Таким образом, обзор подходов и концепций, отражающих различие и единство в понимании природы благополучия человека, позволяет авторам сформулировать основную смысловую нагрузку термина «благополучие»: успешное функционирование личности, самореализация, опыт счастья и удовлетворения жизнью. Этот нарратив учитывался авторами при формулировании понятия «родительское благополучие». Уточнение его смысла необходимо для разработки методики, направленной на изучение причинно-следственных связей между уровнем родительского благополучия и параметрами оплачиваемой занятости – основной цели авторского научного проекта.

РОДИТЕЛЬСТВО И РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Существует множество причин, почему люди принимают решение стать родителями; однако это одно из самых важных решений, принимаемых в жизни. В российской социологии «родительство» – относительно новая предметная сфера изучения. Только с конца 1980-х гг. российские исследователи начали проявлять интерес к этой предметной области, при этом некоторые аспекты родительства исследовались на эмпирическом уровне (мотивация рождаемости, материнские семьи с детьми подростками,

участие матерей и отцов в жизни подростков, совместный отдых детей и родителей и др.). Разработку этих идей можно найти в работах А. И. Антонова, Н. Г. Аристовой, А. М. Демидова, М. С. Мацковского, М. Г. Панкратовой, И. Ф. Дементьевой и ряда других авторов. Неоценимый вклад в разработку проблематики родительства внесла российский социолог Т. А. Гурко, специалист в области семьи и гендерных отношений. В своей статье 1997 г. она отмечала, что в отечественной социологии термин «родительство» не распространен, так как советские исследователи в основном занимались вопросами «семейного воспитания» [Гурко, 1997]. Считалось, что основная роль родителей – социализация ребенка, следовательно, родители выступали субъектами влияния, а дети – объектами. В настоящее время родительство как вид деятельности, направленной на воспитание и социализацию детей, является предметом исследования социологии детства и педагогической науки, где феномен родительства рассматривают на институциональном и личностном уровне [Шапошникова, 2010].

В западной социологии обнаружены разнообразные подходы к изучению родительства [Umberson, Pudrovska, Reczek, 2010; Nomaguchi, Milkie, 2020]. В англоязычной литературе широко используется два термина «parenthood» и «parenting». Первый термин «parenthood» используется в значении «быть родителем», а не оставаться бездетным (childless). Родительство (parenthood) предполагает наличие статуса родителя и выполнение родительских обязанностей перед детьми и обществом. «Parenting» относится к тому, что родители делают с точки зрения воспитания, поддержки и социализации детей на протяжении всей их жизни [Nomaguchi, Milkie, 2020]. Т. А. Гурко в своей монографии также отмечает, что термин «parenting» чаще употребляется для раскрытия содержания родительских ролей и отношения к детям, и предлагает интерпретировать этот термин как «практики родительства» [Гурко, 2008].

Выделение родительства в самостоятельный объект изучения в российской социологической науке было продиктовано масштабными трансформационными процессами в сфере семьи, брака и родительства [Гурко, 2008; Гурко, 2017]: изменения в распределении семейных ролей, рост внебрачной рождаемости, денуклеаризация домохозяйств, рост доли расширенных (многопоколенных) домохозяйств, рост числа приемных родителей и др. В результате существенных трансформаций в сфере родительства и брака, в том числе разделение этих институтов, возникла методологическая проблема, связанная с разнообразием подходов в определении «родителей»

и «неродителей» [Nomaguchi, Milkie, 2020] и типологизации семей [Гурко, 2008].

В современной социологии родительство анализируется на макро- и микроуровнях. На институциональном уровне анализируются функции родителей, культурные нормы, социальный капитал родителей, а также взаимосвязь родительства с другими социальными институтами [Гурко, 2008; Антонов, 2007]. На личностном уровне социологи рассматривают родительство с точки зрения мотивов, установок и ценности родительства, распределения ролей, родительские стили, поведения по отношению к детям [Безрукова, 2016].

Исследователь И. С. Кон предпринял попытку интегрировать изучение родительства на макро- и микроуровне. По его мнению, «родительство» состоит из трех взаимосвязанных компонентов и выступает как «система взаимосвязанных явлений: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические социальные роли и нормативные предписания культуры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания и т. д.» [Кон, 1999, с. 560]. Мы солидарны с Н. В. Шабровой и Г. Е. Зборовским, что в данном определении автор делает попытку объединить субъективно-личностное восприятие родительства и институционализацию родительства, предлагая выход на некий «средний уровень» повседневности [Шаброва, Зборовский, 2016].

Несмотря на возросший интерес к проблематике родительства, исследователи указывают на трудности в определении сущностных характеристик данного понятия. Т. А. Гурко считает необходимым рассматривать феномен «родительство» с двух точек зрения: влияние родительства на формирование личности ребенка и влияние родительства на благополучие самих родителей [Гурко, 2008].

Исследования показывают, что роль родителя может как повышать, так и снижать благополучие людей [Lauinger, 2015]. Термин «родительское благополучие» используется в повседневной разговорной практике, однако в научном плане его содержание не уточняется, понимается неоднозначно. Есть публикации, в которых показатели семейного и родительского благополучия рассматриваются как очень похожие, идентичные. А. А. Тараданов рассматривает семейное благополучие со способностью семьи эффективно выполнять свои функции [Тараданов, 2014]. Л. Ньюленд рассматривает благополучие семьи как интегрированный показатель, включающий благополучие родителей, самодостаточность семьи и устойчивость семьи [Newland, 2015]. На наш взгляд, семейное и родительское благополучие – близкие, но не тождественные конструкты.

С психологической точки зрения родительское благополучие – это здоровый баланс положительных и отрицательных эмоций по поводу переживания родительского жизненного пути и способности хорошо выполнять родительские функции [Орлова, 2015]. Родительское благополучие отражает реализацию личностных потребностей в рождении, воспитании и общении с детьми, сопровождающееся чувством психофизиологического удовольствия от телесного контакта с детьми. Дж. Бельски рассматривает психологическое благополучие родителя как наиболее значимый фактор, влияющий на детско-родительские отношения [Belsky, 1984].

С экономической точки зрения родительское благополучие характеризуется наличием финансовых и временных условий для удовлетворения потребностей развития детей [Mullis, 1992]. Экономическая составляющая родительского благополучия достигается за счет сбережений, имущества, других источников дохода родителя и / или участия в оплачиваемых трудовых отношениях.

Понимание социальных факторов родительского благополучия жизненно важно, потому что благополучие родителей оказывает влияние не только на них самих, но и на развитие ребенка, рождаемость, и следовательно на общее здоровье общества. Зарубежные социологи [Nomaguchi, Milkie, 2020] рассматривают родительство как трансформирующий опыт, в котором тесно переплетаются радостные события и тяжелая физическая и эмоциональная нагрузка, связанная с уходом за детьми и их воспитанием. Анализируя широкий пласт научных публикации в западных изданиях, авторы концептуализируют родительское напряжение и родительское благополучие, используя перспективу требования-вознаграждения (demands-rewards perspective). По мнению авторов, родительство сопряжено как с определенными требованиями (demands), так и вознаграждением (rewards), от баланса которых зависит родительское благополучие. Влияние родительства на благополучие варьируется в разные периоды жизни. Так, например, в структуре благополучия родителей, воспитывающих маленьких детей, требования перевешивают вознаграждения. В то же время взрослые дети положительно влияют на благополучие родителей.

Структура жизненного цикла используется для анализа влияния родительства и бездетности на благополучие на протяжении всей взрослой жизни [Umberson, Pudrovska, Reczek, 2010]. Особое внимание уделяется таким факторам родительского благополучия, как семейное положение, пол, раса / этническая принадлежность и социально-экономический статус. Заслуживает внимания вывод

авторов о том, что родительство и родительский опыт оказывают значительное влияние на благополучие на протяжении всей жизни, потенциально способствуя кумулятивному преимуществу для одних и неблагоприятному родительскому благополучию для других.

На наш взгляд, родительское благополучие имеет наибольшее значение с точки зрения его контролирующего воздействия на репродуктивное поведение населения с целью повышения рождаемости. Это мнение подкрепляется изменениями в семейных ценностях, увеличением количества разводов и частоты выбора одиночества, распространения нетрадиционных типов семей. В этом социальном контексте актуализируются научные исследования, направленные на выявление факторов, влияющих на родительское благополучие.

Родительство и участие в оплачиваемой занятости является важными элементами жизни взрослых людей. Способы сочетания профессиональных, семейных и родительских обязанностей зависит от имеющихся ресурсов и индивидуального выбора родителей. Особую значимость балансирование профессиональных и семейных обязанностей приобретает в ситуации, когда оба родителя заняты профессиональной деятельностью [Чернова, 2012]. В нашем исследовании особое внимание уделяется факторам баланса / конфликта между работой и домом и влиянию цифровой занятости на родительское благополучие.

Пандемия COVID-19 выявила потенциал цифровизации занятости, в частности, удаленной работы и дистанционной занятости. Исследования, проведенные до пандемии, выявили различное влияние цифровых практик занятости на субъективное благополучие в зависимости от родительского статуса и пола [Tonkikh, Chudinovskikh, Markova, 2019]. Вынужденные сдвиги в формате занятости во время пандемии привели к изменениям в динамике отношений между родителями и детьми, что, в свою очередь, оказало многомерное влияние на их эмоциональное благополучие [Wang et al., 2021]. В целом, можно признать, что характер влияния цифровой занятости на благополучие родителей является актуальной исследовательской идеей, которая до настоящего времени глубоко не изучалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный обзор научных источников позволяет сделать несколько выводов в отношении концептуальных подходов к изучению родительского благополучия. Концепт

родительского благополучия представляет собой сложную содержательно-смысловую структуру, которая может быть охарактеризована как объективно измеримыми социально-экономическими и демографическими показателями, так и субъективными оценками родителей, основанными на самоощущении состояния счастья и удовлетворенности своей жизнью. Для решения задач проекта «Исследование влияния

цифровой занятости на фертильность и родительское благополучие» будут отобраны объективные метрики материального благополучия (доход, обеспеченность жильем, система школьных и дошкольных учреждений, социальная поддержка родителям, и др.) и авторские метрики субъективного благополучия, которые авторы планируют определить в результате социологического исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левашов В. К. Динамика устойчивости российского государства и потенциал гражданского общества // Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 г. / отв. ред. В. К. Левашов и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 134–148.
2. Ali A. J. Measuring societal well-being // Competitiveness Review. 2010. Vol. 20. № 1. P. 4–22. DOI 10.1108/cr.2010.34720aaa.001
3. Галиахметова Л. И. Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 1114–1118.
4. Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1(29). С. 48–62. DOI 10.19181/snsp.2020.8.1.7094
5. Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // Информационно-аналитический бюллетень. 2020. № 1. С. 7–17. DOI 10.19181/INAB.2020.1.1.
6. Rath T., Harter J. Wellbeing: The Five Essential Elements. New York: GALLUP PRESS, 2010.
7. Nomaguchi K., Milkie M. A. Parenthood and well-being: a decade in review // Journal of marriage and family. 2020. Vol. 82. № 1. P. 198–223. DOI 10.1111/jomf.12646.
8. Бабаян И. В., Пашинина Е. И. Социальное благополучие современной молодежи (вторичный анализ данных всероссийских опросов) // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 1. С. 121–132.
9. Костина Е. Ю. Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // Universum: общественные науки. 2015. № 6 (16). С. 11.
10. Воронин Г. Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54.
11. Попов Е. А. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 16–23.
12. How's Life? Measuring well-being / OECD. Paris: OECD Publishing, 2011. DOI 10.1787/9789264121164-en.
13. Карабчук Т. С., Сальникова Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 96–109.
14. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 3. Vol. 95. P. 542–575.
15. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 6. Vol. 57. P. 1069–1081. DOI 10.1037/0022-3514.57.6.1069.
16. Ryff C. D., Keyes C. L. M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 4. Vol. 69. P. 719–727. DOI 10.1037/0022-3514.69.4.719.
17. Umberson D., Pudrovska T., Reczek C. Parenthood, childlessness, and well-being: a life course perspective // Journal of Marriage and Family. 2010. № 3. Vol. 72. P. 612–629.
18. Keyes C. L. M., Shmotkin D., Ryff C. D. Optimizing well-being: the empirical encounter of two traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. № 6. Vol. 82. C. 1007–1022. DOI 10.1037/0022-3514.82.6.1007.
19. Hall J., Giovanini E., Morrone A., Rannuzi G. A framework to measure the progress of societies. Paris: OECD Publishing, 2009. DOI 10.1787/18152031.
20. Пучкова Г. Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003.
21. Батурин Н. А., Башкатов С. А., Гафарова Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. № 4. Т. 6. С. 4–14.
22. Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.
23. Шапошникова Т. Е. Родительство как педагогический феномен // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. 2010. № 2. Т. 11. С. 86–91.
24. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.
25. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI 10.7868/S0132162517110113.

26. Антонов А. И. Семейный образ жизни в сельской России (по результатам социолого-педагогического опроса родителей и детей). М.: Ключ-С, 2007.
27. Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127.
28. Кон И. С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999.
29. Шаброва Н. В., Зборовский Г. Е. Родительство как социальная общность // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. Т. 1. С. 217–221.
30. Lauinger W. A framework for understanding parental well-being // *Philosophia*. 2015. Vol. 43. P. 847–868. DOI 10.1007/s11406-015-9600-z.
31. Тараданов А. А. Семейное благополучие на Урале: теория, история, современность. М.: Директ-Медиа, 2014.
32. Newland L. A. Family well-being, parenting, and child well-being: Pathways to healthy adjustment // *Clinical Psychologist*. 2015. № 1. Vol. 19. P. 3–14. DOI 10.1111/cp.12059.
33. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1. «Психологические и педагогические науки». 2015. № 1. С. 28–36.
34. Belsky J. The determinants of parenting: a process model // *Child development*. 1984. P. 83–96.
35. Mullis R. J. Measures of economic well-being as predictors of psychological well-being // *Social Indicators Research*. 1992. № 2. Vol. 26. P. 119–135. DOI 10.1007/BF00304395.
36. Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. Т. 10. С. 295–308.
37. Tonkikh N. V., Chudinovskikh M. V., Markova T. L. Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy. *Advances in Economics Business and Management Research*. 2019. Vol. 81. P. 160–163. DOI 10.2991/mtde-19.2019.30.
38. Wang, M. T. [et al.]. COVID-19 employment status, dyadic family relationships, and child psychological well-being / M. T. Wang, D. A. Henry, J. del Toro, C. L. Scanlon, J. D. Schall // *Journal of Adolescent Health*. 2021. № 5. Vol. 69. P. 705–712. DOI 10.1016/j.jadohealth.2021.07.016.

REFERENCES

1. Levashov, V. K. (2021). Dinamika ustoychivosti rossiiskogo gosudarstva i potentsial grazhdanskogo obshchestva = Dynamics of stability of the Russian state and the potential of civil society. In V. K. Levashov et al. (eds.), *Vyzovy pandemii i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2021 g.* (pp. 134–148). Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Ali, A. J. (2010). Measuring societal well-being. *Competitiveness Review*, 20(1), 4–22. <https://doi.org/10.1108/cr.2010.34720aaa.001>
3. Galiakhmetova, L. I. (2015). Wellbeing, subjective wellbeing, life satisfaction: interrelation problems. *Bulletin of Bashkir University*, 20(3), 1114–1118. (In Russ.)
4. Sushko, P. E. Happiness and social well-being in the estimates of Russians – the problem of differentiation of concepts. *Sociological Science and Social Practice*, 1(29), 48–62. (Vol. 8). [Doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094) (In Russ.)
5. Lysukho, A. S. (2020). Obzor rossiiskikh issledovaniy po teme sotsial'noe blagopoluchie: osnovnye issledovaniya i rezul'taty = Review of Russian research on the topic «social well-being»: main studies and results. *Informatsionno-analiticheskii byulleten'*, 1, 7–17. <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1.1> (In Russ.)
6. Rath, T., Harter, J. (2010). *Wellbeing: The Five Essential Elements*. New York: GALLUP PRESS.
7. Nomaguchi, K., Milkie, M. A. (2020). Parenthood and well-being: A decade in review. *Journal of Marriage and Family*, 1, 198–223. (Vol. 82). <https://doi.org/10.1111/jomf.12646>
8. Babayan, I. V., Pashinina, E. I. (2016). Social well-being of contemporary youth (a secondary data analysis of all-Russian polls). *Actual Problems of Economics and Management*, 1, 121–132. (In Russ.)
9. Kostina, E. (2015). Social wellbeing and social security in the context of globalization of modern society. *Universum: obshchestvennye nauki*, 6(18), 11. (In Russ.)
10. Voronin, G. L. (2009). Objective and subjective indicators of societal wellbeing. *Sociological Journal*, 3, 41–54. (In Russ.)
11. Popov, E. A. (2010). Sotsial'noe blagopoluchie cheloveka v nauchnom diskurse = Human social well-being in scientific discourse. *Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity*, 2, 16–23. (In Russ.)
12. OECD. (2011). *How's Life? Measuring well-being*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264121164-en>

13. Karabchuk, T. S., Salnikova, D. V. (2016). Objective and subjective well-being: a comparative analysis of central Asian countries, Russia and Belarus. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 5, 96–109. (In Russ.)
14. Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575.
15. Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57(6), 1069–1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
16. Ryff, C. D., Keyes, C. L. M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
17. Umberson, D., Pudrovska, T., Reczek, C. (2010). Parenthood, childlessness, and well-being: a life course perspective. *Journal of Marriage and Family*, 72(3), 612–629. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00721.x>
18. Keyes, C. L. M., Shmotkin, D., Ryff, C. D. (2002). Optimizing well-being: The empirical encounter of two traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 1007–1022. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.1007>
19. Hall J., Giovanini E., Morrone A., Rannuzi G. (2009). A framework to measure the progress of societies. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/18152031>
20. Puchkova, G. L. (2003). Subektivnoe blagopoluchie kak faktor samoaktualizatsii lichnosti = Subjective well-being as a factor of personality self-actualization: dissertation abstract for the degree of candidate of psychological sciences. Khabarovsk. (in Russ.)
21. Baturin, N. A., Bashkatov, S. A., Gafarova, N. V. (2013). The theoretical model of personal welfare. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 6(4), 4–14. (in Russ.)
22. Gurko, T. A. (1997). Parenting in changing sociocultural conditions. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1, 72–79. (In Russ.)
23. Shaposhnikova, T. E. (2010). Parenthood as a pedagogical phenomenon. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika*, 11(2), 86–91. (in Russ.)
24. Gurko, T. A. (2008). Brak i roditel'stvo v Rossii = Marriage and parenthood in Russia. Moscow: The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (in Russ.)
25. Gurko, T. A. (2017). New family forms: tendencies of spreading and concepts. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 11, 99–110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113> (In Russ.)
26. Antonov, A. I. (2007). Semeinyi obraz zhizni v sel'skoi Rossii (po rezul'tatam sotsiologo-pedagogicheskogo oprosa roditelei i detei) = Family lifestyle in rural Russia (according to the results of a sociological and pedagogical survey of parents and children). Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)
27. Bezrukova, O. N. (2016). Values of parenthood: structure, types, resources. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 3, 118–127. (In Russ.)
28. Kon, I. S. (1999). *Sotsiologicheskaya psikhologiya. Izbrannye psikhologicheskie trudy* = Sociological psychology. Selected psychological works. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. (in Russ.)
29. Shabrova, N. V., Zborovsky, G. E. (2016). Parenthood as a social community. *Proceedings of the Second International Conference 'Strategies for the development of social communities, institutions and territories'*, vol. 1 (pp. 217–221). Ekaterinburg: Ural Federal University.
30. Lauinger, W. (2015). A framework for understanding parental well-being. *Philosophia*, 43, 847–868. <https://doi.org/10.1007/s11406-015-9600-z>
31. Taradanov, A. A. (2014). Semeinoe blagopoluchie na Urale: teoriya, istoriya, sovremennost' = Family well-being in the Urals: theory, history, modernity. Moscow: Direkt-Media. (in Russ.)
32. Newland, L. A. (2015). Family well-being, parenting, and child well-being: Pathways to healthy adjustment. *Clinical Psychologist*, 19(1), 3–14. <https://doi.org/10.1111/cp.12059>
33. Orlova, D. G. (2015). Psychological and subjective well-being: definition, structure, researches (review of current publications). *Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 1: Psychological and Pedagogical Sciences*, 1, 28–36. (In Russ.)
34. Belsky, J. (1984). The determinants of parenting: A process model. *Child Development*, 83–96.
35. Mullis, R. J. (1992). Measures of economic well-being as predictors of psychological well-being. *Social Indicators Research*, 26(2), 119–135. <https://doi.org/10.1007/BF00304395>
36. Chernova, Zh. V. (2012). Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei = Family and work balance: policies and individual strategies of mothers. *The Journal of Social Policy Studies*, 10(3), 295–308. (in Russ.)
37. Tonkikh, N. V., Chudinovskikh, M. V., Markova, T. L. (2019). Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy. *Advances in Economics Business and Management Research*, 81, 160–163. <https://doi.org/10.2991/mtde-19.2019.30>
38. M. T. Wang, D. A. Henry, J. del Toro, C. L. Scanlon, J. D. Schall. (2021). COVID-19 employment status, dyadic family relationships, and child psychological well-being. *Journal of Adolescent Health*, 69(5), 705–712. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2021.07.016>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Татьяна Леонидовна

кандидат социологических наук, доцент
доцент кафедры делового иностранного языка
Уральского государственного экономического университета

Акулова Полина Евгеньевна

магистрант очной формы обучения
Уральского государственного экономического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Markova Tatyana Leonidovna

PhD (Sociology), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Business Foreign Language
of the Ural State University of Economics

Akulova Polina Evgenievna

Master's student at the Ural State University of Economics

Статья поступила в редакцию 26.06.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 26.06.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 20.10.2022

Факторы, влияющие на формирование патриотизма российской молодежи: социологический и эмпирический анализ

П. В. Разов¹, Ф. Ф. Фарисов²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

PVRazov@fa.ru

²Централизованная мусульманская религиозная организация «Совет муфтиев России», Москва, Россия

politologia@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, оказывающие влияние на формирование патриотизма. Изучено понятие «патриотизм», а также описан механизм его воспитания у молодого поколения. Даны рекомендации по повышению эффективности действий, направленных на патриотическое воспитание молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, эмпирический анализ, социологический анализ, образовательные программы, молодежь, ценностные ориентации

Для цитирования: Разов П. В., Фарисов Ф. Ф. Факторы, влияющие на формирование патриотизма российской молодежи: социологический и эмпирический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 137–141. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_137

Original article

Factors Influencing the Formation of Patriotism of Russian Youth: Sociological and Empirical Analysis

Pavel V. Razov¹, Farit F. Farisov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

PVRazov@fa.ru

²Centralized Muslim religious organization "Council of Muftis of Russia", Moscow, Russia

politologia@linguanet.ru

Abstract. The article discusses the factors influencing the formation of patriotism. The concept of "patriotism" is studied, and the mechanism of its upbringing among the younger generation is described. Recommendations are given to improve the effectiveness of actions aimed at the patriotic education of young people.

Keywords: patriotism, patriotic education, empirical analysis, sociological analysis, educational programs, youth, value orientations

For citation: Razov, P. V., Frisov, F. F. (2022). Factors influencing the formation of patriotism of russian youth: sociological and empirical analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 137–141. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_137

ВВЕДЕНИЕ

Патриотизм является одним из важнейших социальных направлений, выражающих приверженность и поддержку государству в вопросах, касающихся управления страной как единой системой взаимосвязанных социально-экономических элементов. Патриоты своей страны готовы способствовать действиям государства, которые осуществляются во имя всеобщего блага.

Однако патриотизм основан не только на чувстве причастности к своей Родине. В данном термине заложена более глубокая идея, которая берет свое начало в историческом прошлом страны, в ее культурном наследии и ее ценностях, происходящих из далекой самобытности народа.

Из-за подобной диффузии ценностей, которые закладываются в этот всеобъемлющий термин, а именно – из-за смеси исторических и политических аспектов быта у современных людей сформировано несколько неоднозначное представление о патриотизме как о методе политической пропаганды и навязывания желаемых ценностей.

Данным тезисом многие социологи и объясняют проблемы формирования патриотизма среди молодежи. Именно поэтому определение эффективных факторов, которые могут положительно сказаться на формировании внутреннего патриотизма, является весьма сложным процессом.

Целью данной статьи является определение факторов, влияющих на формирование патриотизма российской молодежи. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач:

- 1) определить сущность патриотизма;
- 2) выявить ключевые проблемы восприятия патриотизма среди молодежи;
- 3) изучить причины низкого уровня заинтересованности молодежи в патриотизме;
- 4) сформулировать рекомендации для работы над патриотическим воспитанием.

Объектом исследования является патриотизм, а предметом – факторы, влияющие на формирование патриотизма российской молодежи.

ПОНЯТИЕ ПАТРИОТИЗМА

Под патриотизмом понимается определенный нравственно-политический принцип, который раскрывается через любовь к отечеству и готовность ставить его интересы выше своих собственных. Основными ценностями патриотической идеи выступают культурные особенности, историческая память, ассоциирование себя с народом и стремление

защищать ценности своей Родины¹. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что патриотизм основывается больше на культурных ценностях, сформированных ранее, которые в определенной степени определяют менталитет и сущность людей, проживающих в определенных этнических условиях.

Молодежь, как социальная группа, находящаяся на этапе поиска и определения внутренних ценностей, нередко сталкивается с идеями максимализма и скептицизма при соприкосновении с ортодоксальными ценностями, которые лежат в основе патриотизма, в связи с чем патриотическое воспитание среди молодежи становится сложной задачей, так как неясным является формат донесения необходимой информации так, чтобы она не была воспринята в негативном ключе.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПАТРИОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Чтобы глубже разобраться в проблемах восприятия патриотизма среди молодежи, необходимо обратиться к эмпирическому методу исследования. Эмпирический анализ представляет собой изучение объекта, посредством обращения к чувственному восприятию и личному опыту. В данной работе будут использованы исследования, созданные на базе социологических принципов.

Ранее упоминалось, что проблема восприятия патриотизма в кругу молодежи связана с двумя факторами: нежеланием следовать «пережиткам прошлого» и сильной интегрированности современной политической повестки в это явление. Согласно последним исследованиям Левады-центра, около 44 % населения считают, что Россия движется по неверному пути развития, коррелируя это с действиями политиков, также 34 % не одобряют деятельность Президента РФ, что также говорит о некоторых проблемах восприятия государственных ценностей².

Следующим элементом является внутренний конфликт индивида, при котором государственные ценности не соответствуют собственным интересам молодежи. В связи с чем можно сделать вывод, что государственная деятельность скорее дискредитирует патриотизм как явление для своей молодежи. Для подтверждения данного тезиса необходимо

¹Философская энциклопедия. Патриотизм. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4658/%D0%9F%D0%90%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%9E%D0%A2%D0%98%D0%97%D0%9C

²Левада-центр. Доверие политикам, одобрение институтов и положение дел в стране. URL: <https://www.levada.ru/2021/07/30/doverie-politikam-odobrenie-institutov-i-polozhenie-del-v-strane-4/>

рассмотреть результаты еще одного исследования, проведенного Левада-центром. Среди контрольных вопросов были выделены следующие¹:

«Патриот должен поддерживать власть, какой бы она ни была?»:

Скорее не согласен – 41%;

Определенно не согласен – 24,3%.

«Можно ли критиковать действующую власть и при этом быть патриотом?»:

Да – 81,6%;

Нет – 10,5%.

Помимо этого, в исследовании приводится статистика по критериям и факторам, которые наиболее сильно влияют на формирование чувства гордости за Россию:

- 1) природные богатства;
- 2) история;
- 3) спортивные успехи;
- 4) культура;
- 5) территория;
- 6) политическая деятельность.

Данная статистика лишь подтверждает результаты предыдущего исследования о том, что политическая деятельность государства не одобряется значительной частью населения.

Основываясь на приведенных статистических данных крупнейшего независимого центра опросов на территории РФ, можно окончательно подкрепить тезис о том, что для большинства людей патриотизм и государственная политика не являются эквивалентными понятиями и, более того, последнее скорее негативно сказывается на репутации первого.

Однако следует заметить, что в России осуществляется ряд образовательных программ, которые содержат информацию об истории Отечества, формируют определенное восприятие понятия патриотизма, а также определенные патриотические ценности [Зауторова, 2018, с. 133]:

- 1) любовь к Родине;
- 2) социальная интеграция;
- 3) воспитание гордости за Родину;
- 4) воспитание толерантности;
- 5) воспитание уважения к соотечественникам.

Данные аспекты являются во многом основополагающими для любого цивилизованного общества. Таким образом, в современном мире актуальным является вопрос несоответствия данных ценностей мировоззрению молодежи, вследствие чего они игнорируются, а действия государства в отношении

формирования патриотизма у молодого поколения воспринимаются негативно.

ПРИЧИНЫ НИЗКОГО УРОВНЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ МОЛОДЕЖИ В ПАТРИОТИЗМЕ

Для изучения причин низкого уровня заинтересованности молодежи в области патриотических программ было проведено социологическое исследование, предполагающее разделение вопроса о патриотизме со стороны молодежи на компоненты для дальнейшего изучения и определения логических связей.

В первую очередь, проблема патриотического воспитания заключается в том, что молодое поколение не заинтересовано в изучении исторического наследия страны, так как более весомыми и практически доказательными являются примеры из современной реальности. Несмотря на это, современная ситуация носит для населения скорее реверсивный характер. Исходя из этого, необходимо рассмотреть систему факторов, оказывающих влияние на формирование патриотизма среди молодежи (рис. 1) [Ивченков, Сайганова, 2019].

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что на первом месте у молодежи находится семья, затем СМИ и далее внутренние ценности самого респондента. Результаты данного опроса коррелируются с тем фактором, что в иерархии приоритетов у молодежи предпочтение в большей степени также отдается институту семьи.

ОЦЕНКА МОЛОДЕЖЬЮ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

В середине 2022 г. было проведено авторское исследование, цель которого заключалась в исследовании мнения представителей молодежи о существующих патриотических программах, а также о том, как происходит разграничение между патриотическими и политическими программами. Выборка составила 559 человек, из которых 53,2 % – женщины 46,8 % – мужчины, основным методом был выбран количественный анкетированный опрос.

В ходе исследования были получены следующие ключевые показатели:

1) большинство респондентов определяют разницу между политическими и патриотическими программами (88 %). При этом в случае, если респонденты видят так называемую подмену понятий между политическими и патриотическими аспектами, то это вызывает негативные реакции (76 %);

¹ Левада-центр. Подмена понятий. Патриотизм в России. URL: <https://www.levada.ru/2014/05/27/podmena-ponyatij-patriotizm-v-rossii/>

2) самым удобным каналом получения информации о патриотических программах респонденты назвали социальные сети (46 %). Далее шли новостные интернет-издания (32 %). При этом наиболее важным каналом подавляющее большинство опрошенных считает семью (68 %);

3) в вопросе оценки существующих патриотических программ большая часть респондентов сошлась во мнении, что ее эффективность находится на низком уровне (57 %). Основными причинами такого явления были названы отсутствие четких ориентиров, на которые должна быть направлена патриотическая программа (например, культурная составляющая) (72 %), а также сильный дисбаланс в сторону военных аспектов (64 %).

РЕКОМЕНДАЦИИ

Исходя из тезиса о том, что роль формирования патриотизма в большей степени относится к неформальным социальным институтам, необходимо также определить потенциальные пути изменения сложившейся ситуации в лучшую сторону. По результатам исследования данного вопроса сформированы следующие меры по повышению патриотизма российской молодежи [Сайганова, 2020].

1) уделять патриотизму больше внимания в образовательных учреждениях – 32 %;

2) изменить освещение патриотизма в СМИ – 34 %;

3) популяризировать патриотическое воспитание в регионах – 34 %;

4) коренным образом изменить отношение к патриотизму и патриотическому воспитанию со стороны государства и правящей элиты – 52 %.

В качестве рекомендаций для работы над патриотическим воспитанием могут быть сформулированы следующие:

1) абстрагирование патриотизма от военного направления, поскольку население боится войны и подсознательно не хочет себя ассоциировать с тем, что противоречит всем моральным принципам любого разумного существа;

2) донесение исторических и культурных ценностей через релевантные для молодежи каналы и формы информационного потребления;

3) отказ от политического компонента в понятии «патриотизм», который необходим лишь для оправдания несостоятельных действий правящей элиты.

Данный список мер был предложен исключительно из-за эмпирического опыта и понимания авторами специфики исследуемого сегмента общества, а также исходя из того, что потребление и приобщение к ценностям должно быть добровольным. При активной пропаганде возникает эффект реверсивной психологии, который лишь укрепляет веру молодежи в то, что ортодоксальные ценности «взрослого поколения» деструктивны.

Таким образом, становится возможным сформулировать основные выводы:

– *во-первых*, социологические исследования показывают, что патриотизм и политическая программа государства для респондентов не являются синонимичными понятиями.

– *во-вторых*, основными источниками формирования патриотизма среди подрастающего населения являются семья, СМИ, личное мнение и друзья, что говорит об автономии восприятия патриотизма со стороны населения и самостоятельной самоидентификации, а также об отсутствии политического идеологического понимания патриотизма.

– *в-третьих*, молодежь считает, что политическая программа по прививанию патриотизма неэффективна и требует пересмотра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодежь – разумная и понимающая группа населения, которая открыта для получения новой информации и ее анализа, поэтому развитие патриотизма среди молодежи должно происходить в умеренном темпе – без использования активной пропаганды и навязывания патриотических ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зауторова Э. В., Рейма О. Я. Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности // Пени-тенциарная наука. 2018. №1 (41). С. 130–136.
2. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. №1. С. 104–119.
3. Сайганова Е. В. Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. №3. С. 286–290.

REFERENCES

1. Zautorova, E. V., Reima O. Ya. (2018). Patriotism as a social phenomenon and an integrative quality of personality. Penitentiary Science, 1 (41), 130–136. (In Russ.)
2. Ivchenkov, S. G., Saiganova, E. V. (2019). Patriotism as a component of public consciousness: generational perspective of measurement // Bulletin of the Institute of Sociology, 1, 104–119. (In Russ.)
3. Saiganova, E. V. (2020). The main factors of the formation of patriotic sentiments among the younger generation in modern social conditions. Izvestia Saratovskogo universiteta. Novaya seria. Seria Sociology. Political Science, 3, 286–290. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Разов Павел Викторович

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Фарисов Фарит Фарисович

заместитель Председателя Централизованной мусульманской религиозной организации
Совет муфтиев России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Razov Pavel Viktorovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.
Department of sociology, history and philosophy
Financial University

Farisov Farit Farisovich

Deputy Chairman of the Centralized Muslim Religious Organization Council of Muftis of Russia

Статья поступила в редакцию 05.08.2022
одобрена после рецензирования 10.09.2022
принята к публикации 20.10.2022.

The article was submitted 05.08.2022
approved after reviewing 10.09.2022
accepted for publication 20.10.2022.

Научная статья

УДК 316.485

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_142

Социальная напряженность в российском социуме в условиях санкционного давления

А. В. Саблуков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
asablukov@mail.ru

Аннотация. В современных условиях российское общество столкнулось с беспрецедентным по своему масштабу санкционным давлением. Изменение характера социальной напряженности рассматривается как реакция общества на новые вызовы. Теоретический и эмпирический анализ заявленной проблемы позволил определить формат изменений социальной напряженности в условиях санкций. Проведенный социологический анализ позволил выявить угрозы и наметить перспективы развития общества в условиях антироссийских санкций.

Ключевые слова: социальная напряженность, санкции, социально-экономические потребности, социальные ожидания, российский социум, социально-экономическое развитие, импортозамещение

Для цитирования: Саблуков А. В. Социальная напряженность в российском социуме в условиях санкционного давления // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 142–149. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_142

Original article

Social Tensions in Russian Society in the Context of Sanctions

Alexandr V. Sablukov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
asablukov@mail.ru

Abstract. In modern conditions Russian society has faced sanctions pressure on an unprecedented scale. The change in the nature of social tension is seen as the society's response to the new challenges. Theoretical and empirical analysis of the stated problem allowed us to determine the format of changes in social tension under sanctions. The sociological analysis carried out allowed us to identify the threats and outline the prospects for the development of society in the conditions of anti-Russian sanctions.

Keywords: social tension, sanctions, socio-economic needs, social expectations, Russian society, socio-economic development, import substitution

For citation: Sablukov, A. V. (2022). Social Tensions in Russian Society in the Context of Sanctions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 142–149. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_142

ВВЕДЕНИЕ

Современные геополитические вызовы, с которыми столкнулась Россия, актуализируют проблему социологического изучения социальной напряженности в российском социуме. Это связано с тем, что российское общество столкнулось с беспрецедентными по своему масштабу санкционным давлением и русофобской истерией. Как отметил Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров в отношении нашей страны «коллективным Западом» развязана тотальная «гибридная» война (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813377). Хотя официальные лица западных государств заявляют, что введенные санкции не направлены против российского народа, они фактически не скрывают, что целью санкционного давления является смена политического руководства нашей страны. В этом контексте санкции являются инструментом «гибридной» войны и технологии «цветных революций», направленным на дестабилизацию социально-экономической обстановки, подрыв доверия к власти, разжигание социальной напряженности, стимулирование протестной активности и бунтарского настроения [Шипицин, Шипицина, 2018].

Безусловно, действие санкций порождает противоречия в экономической, духовной, социальной, политической сферах российского социума, ведет к изменению привычного образа жизни и настроений людей, провоцирует тревожность, обеспокоенность, неудовлетворенность населения и социальную напряженность. Качественное своеобразие этому процессу придает поведенческая установка населения на преодоление сложившихся противоречий. В связи с этим необходимо отслеживать динамику социальной напряженности в российском социуме для превентивного реагирования на дестабилизацию социальной обстановки.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен социальной напряженности широко обсуждается в научном дискурсе как отечественных, так и зарубежных ученых. Научный интерес к проблеме социальной напряженности во многом обусловлен стремлением к поиску направлений гармоничного развития общества, тогда как социальная напряженность проявляется в нестабильных, кризисных состояниях общества, отдельных социальных институтов и социальных систем и часто становится их катализатором.

В работах социологов встречаются различные интерпретации термина «социальная

напряженность». Многообразие трактовок понятия «социальная напряженность» обусловлено сложной природой данного социального явления. Д. Мак-Грегор рассматривает социальную напряженность как результат неудовлетворенности потребностей социальных субъектов, в качестве ее детерминанты ученый выделяет разрыв между уровнем притязаний и реальным удовлетворением потребностей (<http://psgoodrich.com/pc/docs/ARTICLES/HumanSideOfEnterprise.PDF>). В работах Р. Мертона, Т. Парсонса и других ученых социальная напряженность рассматривается как следствие несовершенства институционально закрепленных средств реализации индивидуальных целей и ценностей. По мнению ученых, социальная напряженность является индикатором дисфункциональных элементов социальной системы, что позволяет рассматривать не только отрицательные, но и положительные качества изучаемого феномена [Мертон, 2006; Парсонс, 2002]. В работах Р. Дарендорфа Л. Козера и других ученых социальная напряженность рассматривается в тесной взаимосвязи с социальным конфликтом, как два взаимообусловленных социальных феномена [Дарендорф, 2002; Козер, 2000].

В отечественной социологии пик активности изучения социальной напряженности пришелся на кризисный период постсоветской трансформации российского общества. Большой вклад в научное осмысление социальной напряженности в реалиях российского социума внесли Д. И. Анисимов, Г. В. Баранова, Н. В. Губина, А. Г. Здравомыслов, А. В. Кинсбургский, И. В. Образцов, И. В. Пирогов, В. О. Рукавишников, С. С. Соловьев, Е. В. Тучков, И. А. Ульянова П. Д. Чернобай и др. Российские ученые сконцентрировали свое внимание на теоретических и прикладных аспектах преодоления социального напряжения в условиях политических, экономических, культурных и социальных изменений. В силу этого обстоятельства, накопленный российскими социологами научно-практический опыт изучения социальной напряженности является методологической и методической опорой при изучении данного феномена в российском социуме в условиях санкционного давления.

В отечественной социологии феномен социальной напряженности рассматривается преимущественно в парадигме субъектно-деятельностного подхода. С позиции такого подхода социальная напряженность рассматривается как реакция социальных субъектов на социальные изменения, проявляющаяся в виде выражения неудовлетворенности и недовольства различными сторонами общественной жизни на эмоциональном, вербальном и поведенческом уровне.

Рассматривая степень удовлетворенности потребностей людей, ученые отмечают, что уровень индивидуальных притязаний постоянно меняется в зависимости от конкретной экономической, политической, социальной обстановки, однако полностью удовлетворить потребности людей невозможно в силу человеческой природы. Существование постоянной фоновой неудовлетворенности людей обуславливает перманентность социальной напряженности в социальных системах. Рассмотренный подход лег в основу определения стадий и форм проявления социальной напряженности от латентной до критической. На начальных стадиях социальная напряженность проявляется в форме различного рода «конструктивных активностей» и выполняет положительную функцию «социального тонуса», с переходом на новые стадии формы ее проявления приобретают деструктивный характер [Баранова, Фролов, 2012]. Особое внимание при изучении социальной напряженности ученые уделяют протестной активности населения, которая возрастает с увеличением разрыва ожидаемого и реального удовлетворения потребностей, такая напряженность носит взрывной характер и под воздействием различных «социальных катализаторов» может перерасти в слабо контролируемые агрессивные формы проявления [Кинсбургский, Топалов, 2016].

Тесная взаимосвязь удовлетворенности людей с социальными ожиданиями позволяет выделить последние в качестве самостоятельного важного индикатора социальной напряженности, так как перечисление доступных для людей материальных и нематериальных благ не дает полного представления об уровне их удовлетворенности и не позволяет сделать выводы о характере социальной напряженности. Более взвешенным представляется подход учитывающий разрыв между социально

ожидаемыми и реальными достижениями человека [Чернобай, 1992].

Таким образом, анализ социальной напряженности в российском социуме в условиях санкций будет осуществляться на основе субъектно-деятельностного подхода, согласно которого базовыми качественными характеристиками являются социальные ожидания, основанные на оценке объективной действительности, уровень удовлетворенности базовых и социальных потребностей, реакция людей на вербальном и поведенческом уровне.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Стремление России вести независимую политику, отстаивать собственные национальные интересы столкнулось с противодействием стран Запада, которые взяли курс на политику сдерживания России с помощью санкций. Начиная с 2014 г., российское общество развивается в условиях санкционного давления. Исследователями эмпирически подтверждено, что в условиях санкций происходит комплексная трансформация российского социума, меняется привычный уклад жизни, ценностные ориентации и жизненные цели людей, экономическое поведение людей [Смакотина, Гусарова, 2019; Скуденков, 2020]. Однако с началом специальной военной операции на Украине число введенных против России санкций достигло беспрецедентных масштабов, в этих условиях изменился характер реакции российского социума на новые вызовы. Введение масштабных ограничений против российской экономики резко ослабило позиций рубля (см. рис. 1).

Падение курса национальной валюты вызвало определенный общественный резонанс. По данным ВЦИОМ, число людей, регулярно

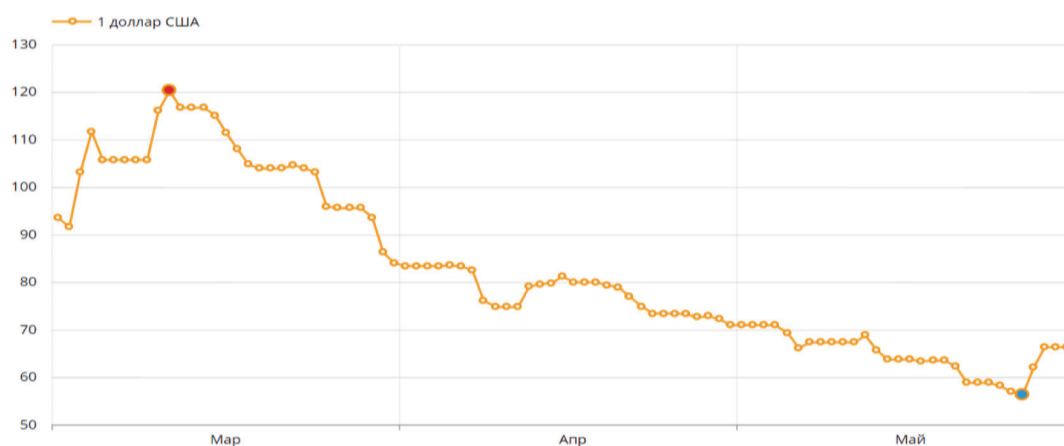

Рис. 1. Динамика изменения курса доллара США (по данным ЦБ РФ). (URL: <https://mainfin.ru/currency/cb-rf>)

интересующихся курсом валюты, с конца 2021 г. увеличилось на 5 пп. – с 19 % до 24 %. Всего респондентов, которые периодически следят за курсом валюты 60 % и 64 %, таким образом, проблема устойчивости национальной валюты для россиян весьма значима (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novoe-valjutnoe-regulirovanie-v-rossii>). На пик ослабления рубля пришелся резкий всплеск покупательской активности и увеличение спроса на отдельные категории социально значимых товаров, прежде всего продуктов питания. На некоторые позиции наблюдался панический спрос, который привел к временному дефициту (сахар, крупы и др.) Такое поведение людей объясняется следующими показателями: 85 % россиян имеют и стремятся создать продовольственные запасы, доминирующим мотивом в стремлении пополнить запасы продовольствия является опасение повышения цен на продукты – 46 %, опасаются дефицита продуктов питания 26 % опрошенных (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/produkty-vprok-ili-ob-iskusstve-delat-zapasy>). Следует отметить, что с постепенным восстановлением позиций рубля стабилизировалась и покупательская активность россиян, исчез панический спрос на социально значимые категории товаров.

Важным показателем напряженности являются социальные ожидания россиян в отношении социально-экономической обстановки в стране и их реакция на введение против России жестких ограничений. По данным опроса, проведенного ФОМ, 31 % опрошенных россиян ожидал введение против нашей страны жестких ограничительных мер, однако 32 % респондентов признались, что не ожидали столь масштабных и жестких ограничений, а 19 % опрошенных не ожидали введение каких-либо ограничений вообще. Введение ограничительных мер против РФ вызывает тревожность у россиян, которые опасаются за изменение

своего материального положения (57 %) и нарушение привычного образа жизни (41 %), при этом сильных изменений ждут 25 % и 18 % опрошенных, соответственно наибольшие опасения вызывают: ограничение на использование банковских карт Visa и MasterCard – 17 %; ограничения на поставку электроники и высокотехнологичного оборудования – 17 %; уход с российского рынка зарубежных брендов – 10 %; ограничение работы крупных банков – 10 %. При этом 31 % россиян уверены, что для их семьи санкции не будут иметь никакого значения. По мнению россиян, введение в отношении России санкций будет иметь не только негативные последствия, но и положительный эффект. Так, 49 % опрошенных считают, что санкции положительно скажутся на развитии нашей страны, при этом 74 % россиян хотели бы восстановления экономических и культурных связи России с западными странами (<https://fom.ru/Ekonomika/14709>).

Положительный эффект от санкций россияне прежде всего связывают с активизацией процесса импортозамещения и развитием экономики страны. По данным ВЦИОМ, 20 % граждан нашей страны уверены в том, что российские компании смогут полностью заменить зарубежную продукцию и услуги, 48 % респондентов отмечают, что удастся заменить большинство товаров зарубежного производства и лишь 9 % уверены в том, что заменить зарубежную продукцию не удастся (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/davai-do-svidaniya-budut-li-rossijane-skuchat-po-zapadnym-brendam>). Большинство россиян уверены, что не возникнет проблем с импортозамещением продуктов питания, предметов гигиены, бытовой химии, строительных и отделочных материалов, однако около трети опрошенных выражают опасения в области импортозамещения медикаментов, медицинского оборудования, бытовой техники и электроники, автомобилей и автозапчастей (см. табл. 1).

Таблица 1

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ, В % (ПО ДАННЫМ ВЦИОМ)

(<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/importozameshchenie-strakhi-i-nadezhdy>)

Наименование товаров	Скорее смогут	Скорее не смогут	Затрудняюсь ответить
Продукты питания	94	4	2
Предметы гигиены	91	7	2
Бытовая химия	90	7	3
Стройматериалы	86	9	5
Лекарства и медикаменты	69	24	7
Медицинское оборудование	55	34	11
Бытовая техника и электроника	54	37	9
Автомобили и автозапчасти	50	40	10

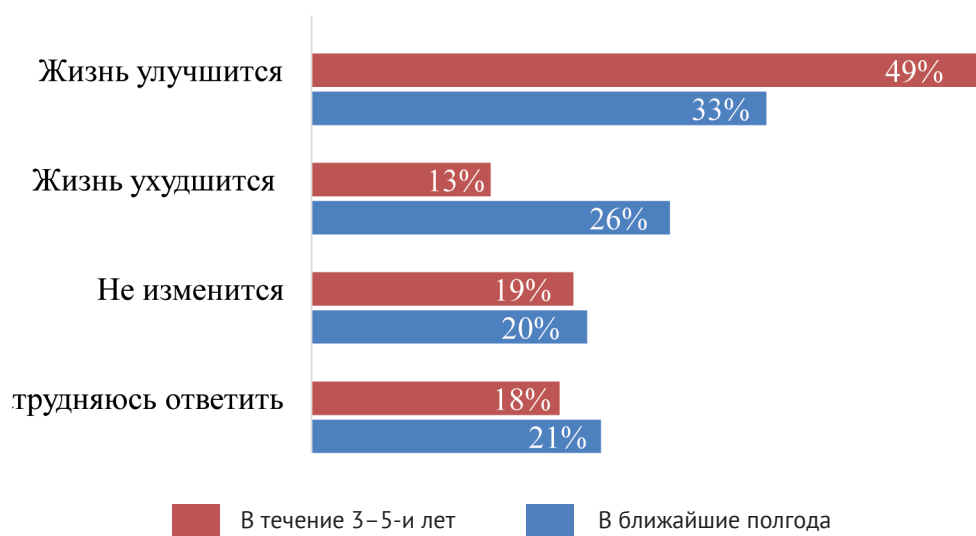

Рис. 2. Оценка перспектив изменения качества жизни на краткосрочную и долгосрочную перспективу, в % по данным ФОМ. Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14708>

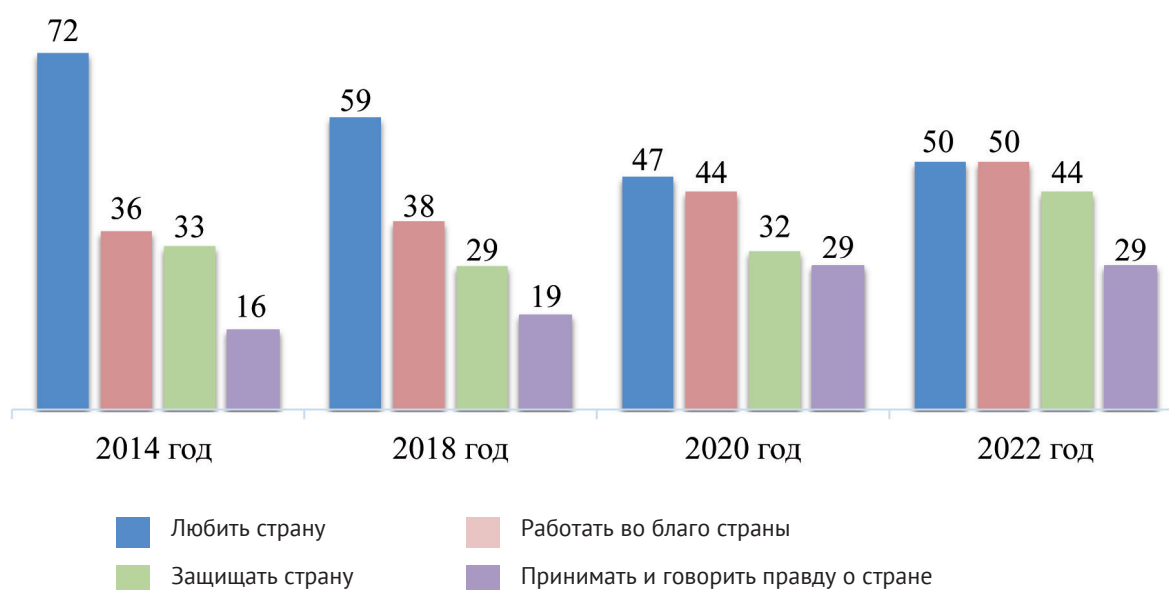

Рис. 3. Изменение качественного состояния патриотического сознания в российском обществе в условиях санкций, в % по данным ВЦИОМ. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>)

Существенным показателем социальной напряженности является оценка перспектив изменения качества жизни. Оценивая возможные изменения качества жизни, россияне более позитивно видят долгосрочные перспективы, чем ближайшее будущее. По мнению опрошенных, в целом наблюдается преобладание позитивной оценки перспективы изменения качества жизни над негативной. Опрошенные россияне считают, что в ближайшие полгода жизнь изменится в лучшую сторону – 33 %; жизнь ухудшится – 26 %, не ждут каких-либо изменений – 20 %; затруднились с ответом – 21 %. На

долгосрочную перспективу данные показатели распределились следующим образом: 49 %, 13 %, 19 % и 18 % соответственно (см. рис. 2).

Для оценки уровня и состояния социальной напряженности в российском обществе с введением санкций примечателен тот факт, что в настоящее время наблюдается тенденция изменения качественного состояния патриотического самосознания граждан. Сегодня патриотизм всё чаще стал восприниматься как работа, направленная на благо государства (50 %). На фоне санкционного давления на Россию значительно выросла доля

Таблица 2

ЖЕЛАНИЕ УЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА, В %

Официальный сайт ВЦИОМ (URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniya-monitoring>) ;

Официальный сайт ФОМ (URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14712>)

Хотите ли бы Вы уехать за границу на постоянное место жительства?	По данным ВЦИОМ		По данным ФОМ	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Скорее нет	81	88	80	89
Скорее да	16	10	16	8
Затрудняюсь ответить	3	2	2	3

тех, кто готов защищать страну от недружественных выпадов и обвинений (44 %). Треть россиян считает, что в условия санкций необходимо принимать и говорить правду о стране (29 %) и стремиться изменить положения дел обеспечения лучшего будущего (34 %). Доля тех, кто считает, что достаточно просто любить свою страну значительно снизилась (см. рис. 3).

Еще одним из важным показателем, позволяющим оценить поведенческую активность граждан, является отношения к проживанию за границей. По данным социологических опросов, с введением в отношении России жестких санкций, 89 % россиян заявили, что не желают уезжать из страны (2022 г. – 80 %), а доля, желающих постоянно проживать за границей снизилась с 8 до 10 %, тогда как в 2021 г. этот показатель составил 16 % (см. табл. 2), при этом значительно выросла степень осуждения уезжающих из страны с 18 % (2021) до 29 % (2022).

Таким образом, социальная напряженность в условиях давления на Россию со стороны Запада побудила всплеск национального самосознания россиян и консолидацию российского общества. Большинство граждан нашей страны уверены, что Россия должна развиваться по своим собственным правилам, не оглядываясь на страны Запада – 89 %, при этом 81 % опрошенных считает, что необходимо объединиться вокруг президента нашей страны (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam>). Также следует заметить, что с момента введения в отношении России жестких ограничений одобрения государственных институтов неуклонно растет (<https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве методологической базы анализ социальной напряженности в российском социуме в условиях санкций применялся субъектно-деятельностного подхода. В соответствии выбранным подходам выделены базовые качественные

характеристики социальной напряженности, к которым относятся: социальные ожидания, основанные на оценке объективной действительности; уровень удовлетворенности потребностей; реакция людей на вербальном и поведенческом уровне. Эмпирическое описание обозначенных качественных характеристик социальной напряженности позволяет сделать ряд выводов о состоянии изучаемого феномена в российском обществе в условиях санкций:

1) первый санкционный удар придавал социальной напряженности эмоциональный характер и сопровождался всплеском панического экономического поведения, особенно на рынке социально значимых товаров, около трети россиян не ожидали настолько масштабных и жестких ограничений, однако в целом устойчивая ситуация в российской экономике, достаточно быстро способствовала снижению эмоционального фона социальной напряженности и смене панических настроений на рациональное восприятие ситуации;

2) несмотря на ввод жестких ограничений, социальные ожидания россиян остаются позитивными, наблюдается преобладание положительной оценки перспективы изменения качества жизни над негативной; оценивая возможные изменения качества жизни, россияне более позитивно видят долгосрочные перспективы, чем ближайшее будущее;

3) наиболее значимым фактором снижения социальной напряженности в условиях антироссийских санкций представляется развитие экономики России и процесс импортозамещения, именно с этим россияне связывают основные надежды на будущее;

4) поведенческий компонент социальной напряженности характеризуется изменением качественного состояния патриотического самосознания, готовностью от слов перейти к делу, а также стремлением жить и работать на Родине и усилением напряженного отношения к желающим уехать из России;

5) социальная напряженность, вызванная санкциями, не нарушила целостность российского общества, а наоборот, явилась фактором его консолидации,

в условиях санкций доверие россиян органам власти значительно укрепилось.

Изменение характера социальной напряженности в обществе в условиях санкционного давления способствовало устойчивому развитию российского социума и государства, однако в ряду

значимых перспективных проблем остро стоят вопросы модернизации российской экономики, импортозамещения, открытой гласной работы органов государственной власти в области социальной защиты и поддержки гражданских инициатив населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шипицин Ю. Б., Шипицина А. Ю. «Гибридная» война: моделирование информационных полей. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проспект, 2002.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССНЭП, 2002.
5. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000.
6. Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 50–65.
7. Кинсбургский А. В., Топалов М. Н. Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1 (13). С. 20–34.
8. Чернобай П. Д. Социальная напряженность: опыт измерения // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 94–98.
9. Смакотина Н. Л., Гусарова З. В. Субъективная оценка москвичами изменения качества жизни в условиях санкций // ЭТАП. 2019. № 2. С. 128–138.
10. Скуденков В. А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.

REFERENCES

1. Shipitsin, Y. B., Shipitsina, A. Y. (2018) «Gibridnaya» vojna: modelirovanie informacionnyh polej = «Hybrid» war: modelling information fields. Yekaterinburg: Urals University Press. (In Russ.)
2. Merton, R. (2006). Social'naya teoriya i social'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow: The Guardian. (In Russ.)
3. Parsons, T. (2002). O strukture social'nogo dejstviya = On the structure of social action. Moscow: Akademicheskij prospekt. (In Russ.)
4. Darendorf, R. (2002). Sovremennyy social'nyj konflikt. Ocherk politiki svobody = Contemporary social conflict. An outline of the politics of freedom. Moscow: ROSSNEP. (In Russ.)
5. Koser, L. (2000). Funkcii social'nogo konflikta = The Functions of Social Conflict. Moscow: Idea-Press, House of Intellectual Book. (In Russ.)
6. Baranova, G. V. (2012). Methodology and methodology for measuring social tension. Sociological studies, 3, 50–65. (In Russ.)
7. Kinsburskij, A. V., Topalov, M. N. (2016). Social Tension and Mass Protest Campaigns (on The Issue of The Action Mechanism). Sociological science and social practice, 1, 20–34. (In Russ.)
8. CHernobaj, P. D. (1992). Social tensions: experience of measurement Sociological studies, 7, 94–98. (In Russ.)
9. Smakotina, N. L., Gusarova, Z. V. (2019). Subjective assessment by Muscovites of changes in quality of life under sanctions. Stage, 2, 128–138. (In Russ.)
10. Skudencov, V. A. (2020). Transformation of the life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia. Sociology, 1, 341–344. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саблуков Александр Валентинович

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sablukov Aleksandr Valentinovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate professor
professor at the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 19.09.2022
одобрена после рецензирования 10.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 19.09.2022
approved after reviewing 10.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 316.351

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_150

Гендерные особенности участия в волонтерстве во время и после олимпийских игр

М. П. Сухарькова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
msukharkova@hse.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отличия женщин и мужчин по мотивации участия в олимпийском волонтерстве и их волонтерскому опыту после игр. На материалах исследования (онлайн-опрос № 332 волонтеров) будет показано, что мотивация участия в практиках олимпийского волонтерства женщин отличается от мужской. Так, женщины чаще работали в качестве волонтеров по альтруистическим мотивам, тогда как мужчины выбирали профессиональные и личные мотивы. Женщины реже принимали участие в практиках волонтерства за последний год, но чаще желают сохранить контакты с другими волонтерами.

Ключевые слова: волонтеры, олимпийские волонтеры, мотивация волонтеров, наследие олимпийской волонтерской программы, олимпийские волонтеры после игр

Для цитирования: Сухарькова М. П. Гендерные различия участия олимпийских волонтеров в волонтерских практиках после игр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общие-ственные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 150–158. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_150

Original article

Gender Differences of Olympic Volunteer Participation in Post-Game Volunteer Practices

Marina P. Sukharkova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
msukharova@hse.ru*

Abstract. We will look at the differences between women and men in terms of motivation to participate in Olympic volunteering and their volunteering experience after Games. Based on the research materials (online survey (N = 332)), we will show that the motivation for participation in the practices of Olympic volunteering for women differs from that for men. Thus, women were more likely to work as volunteers for altruistic motives, while men were more likely to choose professional and selfish motives. Women have been less likely to take part in volunteering practices over the past year, but more often want to keep in touch with other volunteers.

Keywords: volunteers, Olympic volunteers, motivation of volunteers, legacy of the Olympic volunteer program, Olympic volunteers after the games

For citation: Sukharkova, M. P. (2022). Gender differences of Olympic volunteer participation in post-game volunteer practices. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 150–158. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_150

ВВЕДЕНИЕ

Волонтеры стали незаменимыми участниками в организации крупных спортивных мероприятий, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры. Волонтерство предполагает неоплачиваемую работу, требующую от них затрат времени и усилий, но предоставляющую им возможность развития личных и профессиональных навыков [Holmes et al., 2010]. Волонтерами на Олимпийских и Паралимпийских играх могут быть женщины и мужчины, люди разных национальностей, рас, возраста, уровня образования и т. п.

Социологические исследования, проведенные во второй половине XX века, показывают, что женщины чаще занимались неформальным волонтерским трудом, в то время как мужчины предпочитали объединяться в формализованные ассоциации и участвовать в деятельности определенных организаций [Einolf, Chambré, 2011].

Сегодня женщины играют ключевую роль в волонтерских практиках в нашей стране (<https://grans.hse.ru/news/224110035.html>). Две трети россиян, работающих безвозмездно в некоммерческих организациях и инициативах, — женщины (RBC. <https://www.rbc.ru/society/08/03/2021/60447d719a7947a2a404cd9f>).

Исследователи определили гендерные различия в интенсивности волонтерства [Mesch et al., 2011; Rosenthal, Feiring, Lewis, 1998; Wymer, 2011], мотивации для волонтерства [Maslanka, 1993; Trudeau, Devlin, 1996], предпочтение типа некоммерческой организации [Schlozman, Burns, Verba, 1994]. Вместе с этим эксперты говорят о том, что эмпирические результаты о гендерных различиях в волонтерстве противоречивы и недостаточно исследованы.

В этой статье сделан акцент на женщинах как участницах олимпийского волонтерского сообщества. Мы рассмотрим мотивацию их участия в волонтерских практиках, а также остановимся на применении олимпийского опыта за последний год, так как именно в период пандемии был зафиксирован повышенный общественный спрос на работу волонтеров, так как именно олимпийские волонтеры обладают необходимыми знаниями, навыками и предшествующим опытом для оказания волонтерских услуг высокого качества.

ОЛИМПИЙСКОЕ ВОЛОНТЕРСТВО

Эффекты волонтерства могут быть оценены в экономической, социальной, культурной и политической сфере. Эксперты подчеркивают, что волонтерское движение сокращает расходы на проведение

мероприятий, а также «волонтерство представляет собой объединение отдельных людей и их энергии для решения общих задач, что несет общественный импульс»¹ [Moreno, Moragas, Paniagua, 1999]. Более того, волонтеры отражают ценности и социальные устремления, связанные с олимпийским движением и олимпийским духом, поэтому волонтерство включает базовое образование в сфере мультикультурализма и солидарности, также способствует повышению социальной устойчивости и улучшению социальной интеграции [Minnaert, 2012; Nichols, Ralston, 2011].

Таким образом, в предшествующих исследованиях показано, что кроме того, что волонтерство предоставляет преимущества человеческого капитала и снижение материальных затрат на оплату труда, оно также вносит вклад в развитие гуманитарных и моральных ценностей общества.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОЛИМПИЙСКИХ ВОЛОНТЕРОВ

Социальный капитал – это теория индивидуально-уровня, основанная на отношениях между людьми. Есть три типа социального капитала:

а) облигационный капитал, который объясняет отношения между членами однородной группы;

б) «мостик-капитал», который выступает связующим звеном между представителями разных групп [Putnam, 2000];

в) связующий капитал между отдельными лицами и учреждениями, а также частными лицами, обладающими относительной властью [Woolcock, 1998].

Исследователи отмечают, что люди могут получить ресурсы от институционализированных отношений взаимного знакомства и признания. Следовательно, на социальные действия и взаимодействия людей влияют их отношения с другими особями и социальная принадлежность. [Granovetter, 1983]. В отличие от человеческого капитала, который воплощен в индивидуумах, социальный капитал воплощен в отношениях между людьми, учреждениями или событиями [Danes et al., 2009]. Исследование волонтерского движения на мероприятиях по развитию спорта показало, что объединение капитала и промежуточный капитал создается благодаря опыту волонтерства [Peachey et al., 2015].

Таким образом, создавая чувство общности среди социальных групп внутри, спортивные организации могут привести к накоплению социального капитала [Peachey et al., 2013].

¹Зд. и далее перевод наш. – М. С.

А. Штукас, М. Дейли и М. Коулинг предположили, что социальный капитал накапливается с большей вероятностью, когда мотивация человека соответствует реальной деятельности. Эта идея может быть переведена на волонтерство, поскольку основное внимание уделяется поведению в поддержку отношений [Stukas, Daly, Cowling, 2005]. Отношения между волонтерами, мотивы и социальный капитал также можно объяснить социальным обменом [Homans, 1958]. Польза волонтерства для отдельного человека может быть накоплением социального капитала.

Одним из важнейших параметров социального капитала является социальное доверие [Newton, 2001; Putnam, 2000]. Где есть доверие, гораздо более вероятно, что люди поделятся информацией, знаниями и навыками, а также предложат поддержку [Putnam, 2000]. Таким образом, доверие выходит за рамки спортивного мероприятия и принимает форму социального капитала. Если это произойдет, то социальное доверие принесет пользу экономической деятельности спортивного мероприятия [Khoo, Engelhorn, 2011]. Доверие и безопасность важны в развитии отношений с людьми с ограниченными возможностями [Bates, Davis, 2004]. На социальный капитал может влиять гендерная принадлежность, так как доверие определяет в том числе предпочтения и разное понимание заботы.

В нашем исследовании мы рассмотрим социальный капитал олимпийских волонтеров через их участие в практиках волонтерства после игр, использование знаний и навыков, полученных во время Олимпиады, в своей повседневной жизни и сохранении целостности сообщества олимпийских добровольцев после мероприятия.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ

В период с 24 марта по 7 апреля 2021 г. был проведен онлайн-опрос, посвященный исследованию мотивации олимпийских волонтеров и использованию социального капитала, полученного во время участия в постолимпийском движении.

Участие в исследовании приняли волонтеры, занятые в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. – всего 332 человека. Из них доля мужчин составила 59 %, доля женщин – 41 %. Среди мужчин 58 % опрошенных составили респонденты в возрасте 18–30 лет; 24 % – мужчины в возрасте 31–55 лет и 18 % – старше 55 лет. Среди женщин 61 % составили молодые девушки в возрасте 18–30 лет. Большинство респондентов отнесли себя к среднеобеспеченным; еще 20 % – к хорошо обеспеченным; 17 % – к малообеспеченным; 1 % – к живущим за чертой бедности и 18 % затруднились оценить свое материальное положение. 51 % участников опроса ответил, что проживает в областном, краевом или республиканском центре; 30 % – в мегаполисах; 11 % – в небольших городах и районных центрах; 6 % – в селах и 2 % – в поселках городского типа.

Волонтерский опыт после игр в период пандемии

Среди участников исследования 57 % респондентов ответили, что работали в качестве волонтера в течение последнего года (рис. 1). При этом 41 % женщин и 80 % мужчин ответили, что работали в качестве волонтера в течение последнего года, что свидетельствует о том, что мужчины

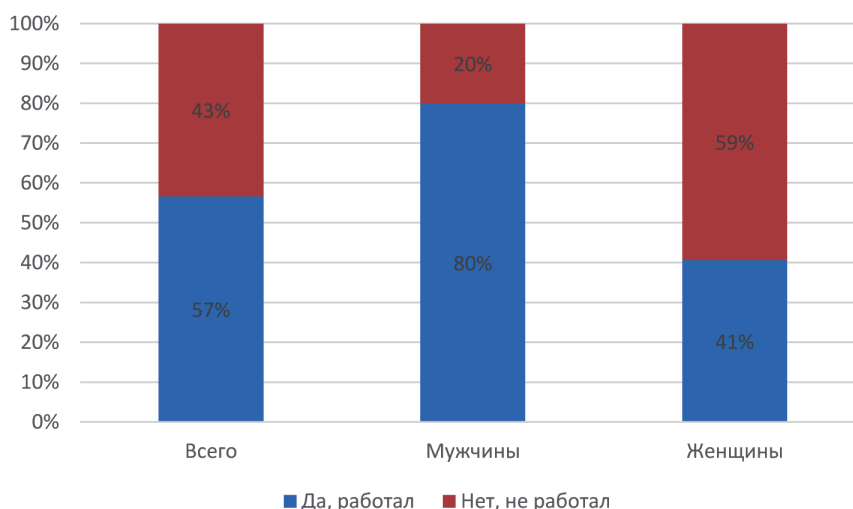

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Работали ли Вы в качестве волонтера в течение последнего года?», в %

значительно чаще обладали опытом участия в волонтерской работе за последний год.

Отвечая на вопрос: «В течение прошедшего года довелось ли Вам применить свои знания, навыки или опыт волонтерской работы в сфере здравоохранения или медицины?» 51 % волонтеров ответили, что имели опыт работы в качестве волонтера в сфере здравоохранения или медицины на протяжении последнего года, хотя 65 % мужчин сказали, что у них не было подобного опыта работы за тот же период. Также 9 % мужчин считают, что им удалось частично применить свои волонтерские навыки и опыт, хотя среди женщин этот вариант ответа выбрали только 5 % респондентов.

При ответе на вопрос: «Если в течение последнего года Вы не работали волонтером в сфере здравоохранения или медицины, не оказывали помощь пострадавшим от эпидемии или оказавшимся на самоизоляции гражданам, удалось ли Вам как-то иначе в ситуации пандемии применить свой волонтерский опыт», 83 % мужчин выбрали вариант ответа, согласно которому в ситуации пандемии им удалось применить свой волонтерский опыт, среди женщин об этом сказали 63 %. Таким образом, 37 % женщин указали, что им не удалось в ситуации пандемии применить свой волонтерский опыт, хотя среди мужчин об этом сказало только 17 % респондентов.

Отвечая на вопрос «Удалось ли Вам применить в ходе пандемии полученные знания или контакты, сформированные в рамках волонтерской деятельности?» (рис. 2), 61 % женщин и 57 % мужчин ответили, что им удалось применить полученные знания.

Сохранение целостности олимпийского волонтерского сообщества после игр

Говоря о доверии к своим товарищам по олимпийскому волонтерскому движению, 32 % женщин ответили, что полностью доверяют, 48 % – скорее доверяют, чем не доверяют; при этом среди мужчин 23 % респондентов полностью доверяют и 50 % – скорее доверяют, чем не доверяют (рис. 3). Среди женщин 17 % респондентов сказали о том, что скорее не доверяют, чем доверяют и 3 % совершенно не доверяют знакомым олимпийским волонтерам. Также среди мужчин 20 % участников исследования ответили, что скорее не доверяют, чем доверяют и 7 % сказали, что совсем не доверяют знакомым и коллегам по олимпийскому волонтерству. Кроме того, 65 % женщин ответили, что они поддерживают контакты с коллегами и знакомыми по волонтерской работе, об этом же нам сказали только 33 % мужчин (см. рис. 4).

Рассмотрим интенсивные взаимодействия между олимпийскими волонтерами после игр. Участникам исследования предлагалось ответить на вопрос о том, насколько часто они поддерживают контакты с коллегами и знакомыми по волонтерской работе. Результаты опроса показали, что 49 % женщин поддерживают контакты несколько раз в год, об этом сказали 44 % мужчин. Кроме этого 33 % мужчин ответили, что они поддерживают контакты с другими олимпийскими волонтерами не чаще одного раза в год, среди женщин этот же вариант ответа выбрали 23 % респондентов (см. рис. 5).

Олимпийские волонтеры, общаясь между собой, чаще обсуждают широкий круг вопросов, чем темы, связанные с волонтерской деятельностью

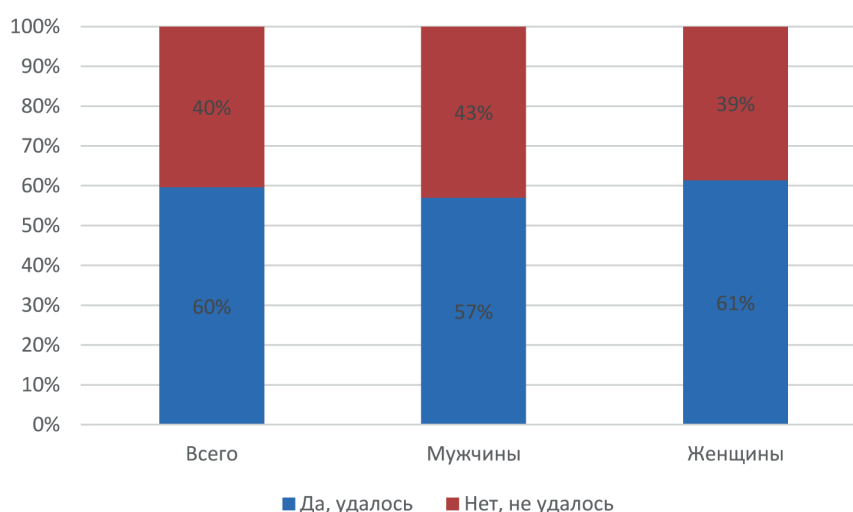

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Удалось ли Вам применить в ходе пандемии полученные знания или контакты, сформированные в рамках волонтерской деятельности?», в %

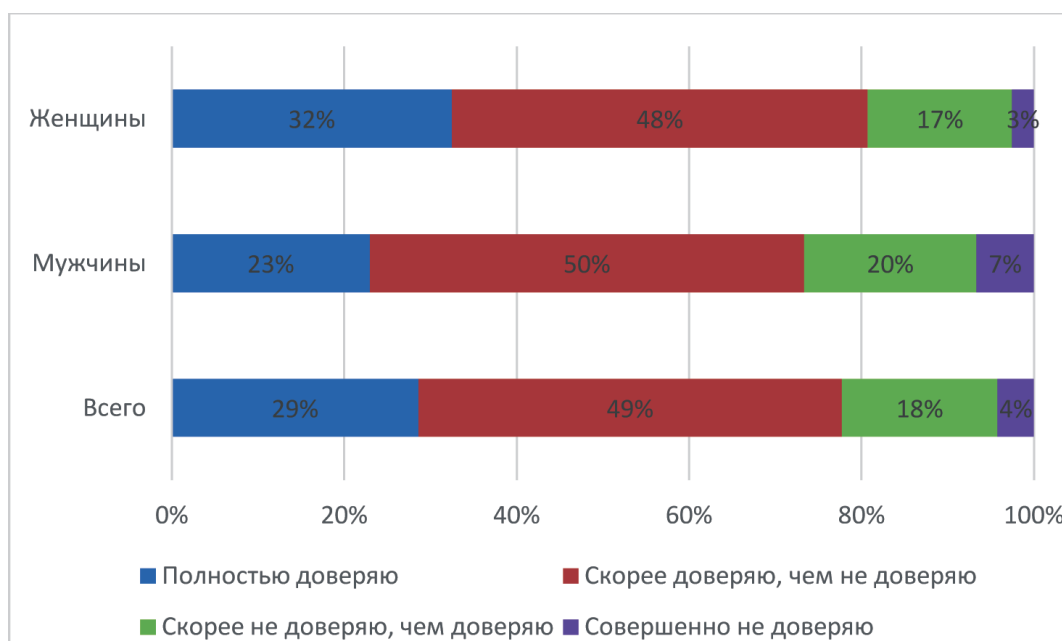

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы доверяете коллегам и знакомым по Олимпийской волонтерской работе, с которыми поддерживаете общение?», в %

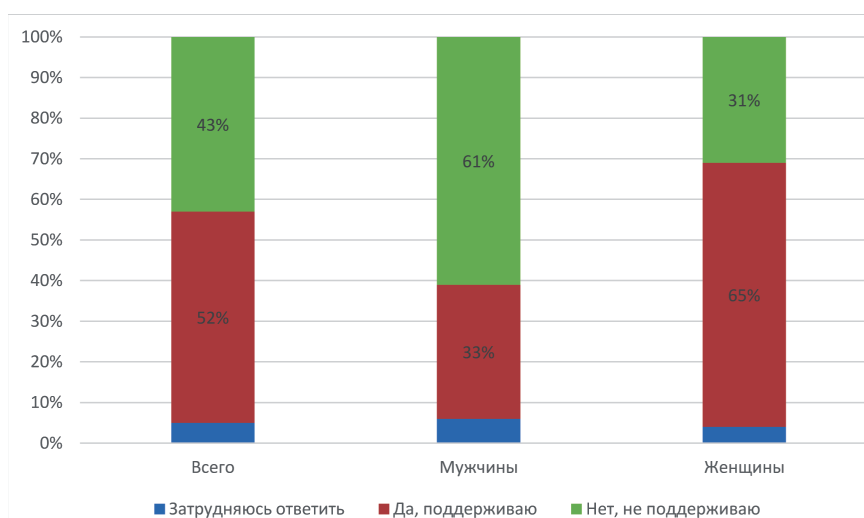

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы контакты с коллегами и знакомыми по волонтерской работе?», %

(рис. 6). Так, 24 % женщин и 18 % мужчин отметили, что они обсуждают со своими коллегами темы, касающиеся работы на Олимпийских и Паралимпийских играх; 17 % женщин и 19 % мужчин сказали, что обсуждают темы, связанные с волонтерством и другими видами общественно значимой деятельности.

Важной частью опроса волонтеров была тема ценности сохранения контактов между олимпийскими волонтерами. Так, 55 % женщин хотели бы сохранить контакты со своими коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе

(рис. 7), об этом же сказали 44 % мужчин, 37 % женщин ответили, что они скорее хотели бы сохранить контакты со своими коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе, но это не является важным. Только 8 % женщин ответили, что они не хотели бы сохранить общение и контакты с теми коллегами и знакомыми по Олимпийской волонтерской работе, среди мужчин этот вариант ответа выбрали 27 % респондентов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что женщины чаще хотят сохранить контакты с другими волонтерами.

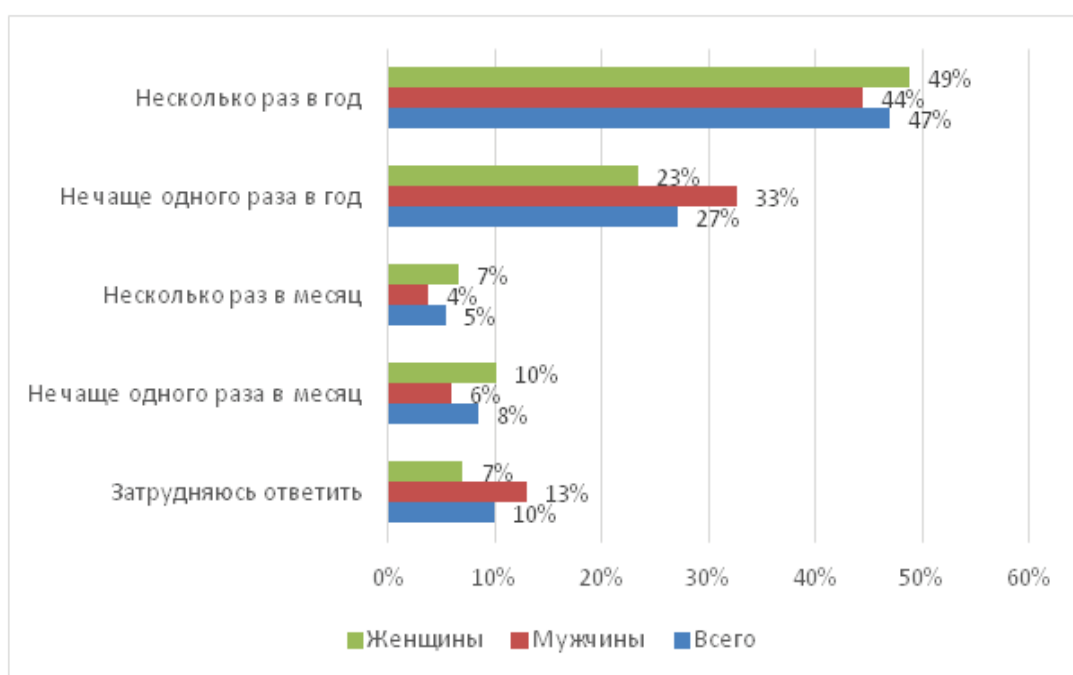

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы поддерживаете контакты с коллегами и знакомыми по волонтерской работе, то, как часто общаетесь?», %

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы поддерживаете общение с коллегами и знакомыми по волонтерской работе, то по каким поводам или в связи с какими проблемами Вы чаще всего общаетесь?», %

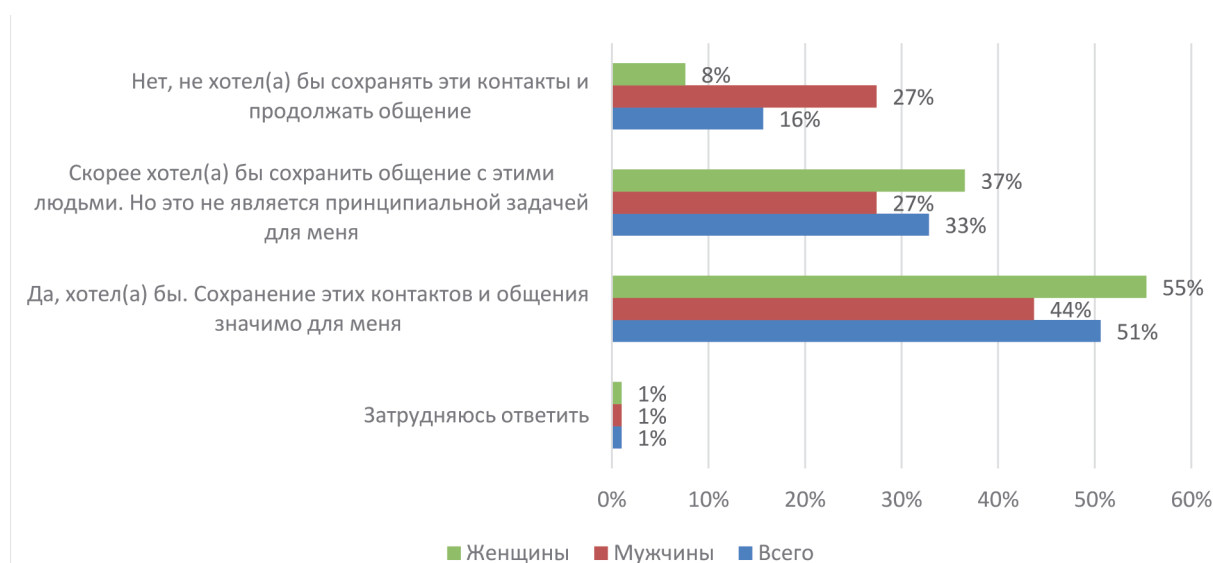

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы сохранить общение и контакты с теми коллегами и знакомыми по Олимпийской волонтерской работе, с которыми Вы сейчас поддерживаете общение?», в %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье рассмотрено олимпийское волонтерское сообщество спустя семь лет после игр. Олимпийская волонтерская программа в нашей стране представляла собой первую комплексную программу по работе с волонтерами, в содержании которой были набор, обучение, подготовка, мотивация, управление работой, сопровождение перепрофилирования и удержание волонтеров. Олимпийская волонтерская программа реализовывалась на государственном уровне с привлечением образовательных, некоммерческих и других организаций. Таким образом, рассматривая деятельность олимпийских

волонтеров после игр, мы изучаем эффективность данной программы.

В результате нами было установлено, что группа олимпийских волонтеров продолжала свою деятельность на протяжении последнего года, однако она была немногочисленна. При этом женщины реже мужчин принимали участие в волонтерстве, но чаще и интенсивнее поддерживают контакты со своими коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе.

В ситуации пандемии мужчинам и женщинам динаково успешно удалось применить свои знания и контакты, приобретенные во время волонтерской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Holmes K. et al. Developing the dimensions of tourism volunteering / K. Holmes, K. Smith, L. Lockstone-Binney, T. Baum // *Leisure Sciences*. 2010. Vol. 32. № 3. P. 255–269.
2. Einolf C., Chambré S. Who volunteers? Constructing a hybrid theory // *International journal of nonprofit and voluntary sector marketing*. 2011. Vol. 16. № 4. P. 298–310.
3. Mesch D., Brown M., Moore, A. Hayat. Gender differences in charitable giving // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2011. Vol. 16. P. 342–355.
4. Rosenthal S., Feiring C., Lewis M. Political volunteering from late adolescence to young adulthood: Patterns and predictions // *Journal Social Issues*. 1998. Vol. 54. P. 471–493.
5. Wymer W. The implications of sex differences on volunteer preferences // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2011. Vol. 22. P. 831–851.
6. Maslanka H. Women volunteers at GMHC // *Women and AIDS: Psychological perspectives: Gender & psychology series* / C. Squire (Ed.). Newbury Park, CA: Sage, 1993. P. 110–125.
7. Trudeau K., Devlin A. College students and community service: Who, with whom, and why? // *Journal of Applied Social Psychology*. 1996. Vol. 26. P. 1867–1888.
8. Schlozman K., Burns N., Verba S. Gender and the pathways to participation: The role of resources // *The Journal of Politics*. 1994. Vol. 56. P. 963–990.

9. Moreno A., Moragas M., Paniagua R. The evolution of volunteers at the Olympic Games. Paper presented at the Symposium on Volunteers, Global society and the Olympic movement, Lausanne. 1999.
10. Minnaert L. An Olympic legacy for all? The non-infrastructure outcomes of the Olympic Games for socially excluded groups (Atlanta 1996–Beijing 2008) // *Tourism Management*. 2012. Vol. 33. №2. P. 361–370.
11. Nichols G., Ralston R. Social inclusion through volunteering: The legacy potential of the 2012 Olympic Games // *Sociology*. 2011. № 45. P. 900–914.
12. Putnam R. *Bowling alone: The collapse and revival of American Community*. New York, NY: Simon Schuster. 2000.
13. Woolcock M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework // *Theory and Society*. 1998. Vol. 27. №2 P. 151–208.
14. Granovetter M. The strength of weak ties. A network theory revisited // *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. № 2. P. 201–233.
15. Danes S. M. et al. Family capital of family firms. Bridging human, social, and financial capital / S. M. Danes, K. Stafford, G. Haynes, S. S. Amarapurkar // *Family Business Review*. 2009. Vol. 22. № 3. P. 199–215.
16. Welty Peachey J. et al. Examining social capital development among volunteers of a multinational sport-for-development event / J. Welty Peachey, J. Bruening, A. Lyras, A. Cohen, G. B. Cunningham // *Journal of Sport Management*. 2015. Vol. 29. №1. P. 27–41.
17. Welty Peachey J., Cohen A., Borland J., Lyras A. Building social capital: Examining the impact of street soccer USA on its volunteers // *International Review for the Sociology of Sport*. 2013. Vol. 48. № 1. P. 20–37.
18. Stukas A., Daly M., Cowling M. Volunteerism and social capital: A functional approach // *Australian Journal on Volunteering*. 2005. Vol. 10. № 2. P. 35–44.
19. Homans G. Social behavior as exchange // *American Journal of Sociology*. 1958. Vol. 63. № 6. P. 597–606.
20. Newton K. Trust, social capital, civil society, and democracy // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. № 2. P. 201–214.
21. Khoo S., Engelhorn R. Volunteer motivations at a national Special Olympics events // *Adapted Physical Activity Quarterly*. 2011. Vol. 28. P. 27–39.
22. Bates P., Davis F. A. Social capital, social inclusion and services for people with learning disabilities // *Disability & Society*. 2004. Vol. 19. № 3. P. 195–207.

REFERENCES

1. Holmes, K. et al. (2010). Developing the dimensions of tourism volunteering / K. Holmes, K. Smith, L. Lockstone-Binney, T. Baum. *Leisure Sciences*, 32, 255–269.
2. Einolf, C., Chambré, S. (2011). Who volunteers? Constructing a hybrid theory. *International journal of nonprofit and voluntary sector marketing*, 16, 298–310.
3. Mesch, D., Brown, M., Moore, Z., Hayat, A. (2011). Gender differences in charitable giving. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, 16, 342–355.
4. Rosenthal, S., Feiring, C., Lewis, M. (1998). Political volunteering from late adolescence to young adulthood: Patterns and predictions. *Journal Social Issues*, 54, 471–493.
5. Wymer, W. (2011). The implications of sex differences on volunteer preferences. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 22, 831–851.
6. Maslanka, H. (1993). Women volunteers at GMHC. In C. Squire (ed.), *Women and AIDS: Psychological perspectives: Gender & psychology series* (pp. 110–125). Newbury Park, CA: Sage.
7. Trudeau, K., Devlin, A. (1996). College students and community service: Who, with whom, and why? *Journal of Applied Social Psychology*, 26, 1867–1888.
8. Schlozman, K., Burns, N., Verba, S. (1994). Gender and the pathways to participation: The role of resources. *The Journal of Politics*, 56, 963–990.
9. Moreno, A., Moragas, M., Paniagua, R. (1999). The evolution of volunteers at the Olympic Games. Paper presented at the Symposium on Volunteers, Global society and the Olympic movement, Lausanne.
10. Minnaert, L. (2012). An Olympic legacy for all? The non-infrastructure outcomes of the Olympic Games for socially excluded groups (Atlanta 1996–Beijing 2008). *Tourism Management*, 33, 361–370.
11. Nichols, G., Ralston, R. (2011). Social inclusion through volunteering: The legacy potential of the 2012 Olympic Games. *Sociology*, 45, 900–914.
12. Putnam, R. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American Community*. New York, NY: Simon Schuster.
13. Woolcock, M. (1998). Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. *Theory and Society*, 2, 151–208.
14. Granovetter, M. (1983). The strength of weak ties. A network theory revisited. *Sociological Theory*, 1, 201–233.
15. Danes, S. et al. (2009). Family capital of family firms. Bridging human, social, and financial capital / S. Danes, K. Stafford, G. Haynes, S. Amarapurkar. *Family Business Review*, 22, 199–215.

16. Peachey, W.J. et al. (2015) Examining social capital development among volunteers of a multinational sport-for-development event / W.J. Peachey, J. Bruening, A. Lyras, A. Cohen, G. B. Cunningham. Journal of Sport Management, 29, 27–41.
17. Peachey, W.J. et al. (2013). Building social capital: Examining the impact of street soccer USA on its volunteers / W.J. Peachey, A. Cohen, J. Borland, A. Lyras. International Review for the Sociology of Sport, 48, 20–37.
18. Stukas, A., Daly, M., Cowling, M. (2005). Volunteerism and social capital: A functional approach. Australian Journal on Volunteering, 10, 35–44.
19. Homans, G. (1958). Social behavior as exchange. American Journal of Sociology, 63, 597–606.
20. Newton, K. (2001). Trust, social capital, civil society, and democracy. International Political Science Review, 22, 201–214.
21. Khoo, S., Engelhorn, R. (2011). Volunteer motivations at a national Special Olympics events. Adapted Physical Activity Quarterly, 28, 27–39.
22. Bates, P., Davis, F. (2004). Social capital, social inclusion and services for people with learning disabilities. Disability & Society, 19, 195–207.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухарькова Марина Петровна

аналитик Научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора
Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukharkova Marina Petrovna

Analyst, Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector
Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector National Research University
Higher School of Economics

Статья поступила в редакцию 11.05.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 11.05.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 316.3

DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_159

Факторы социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда современного мегаполиса

И. В. Шишков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ilyashishkoff@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние факторов на социальную адаптацию молодого наемного работника на рынке труда мегаполиса. Автор исходит из того, что институциональное влияние рынка труда способствует фасилитации адаптации. Широкий временной охват работы делает рабочую среду ключевой для адаптации. Понимание факторов призвано способствовать однонаправленному воздействию на социальную адаптацию со стороны социальных институтов вне и внутри организации, самого сотрудника.

Ключевые слова: социальная адаптация, факторы адаптации, молодой наемный работник, мегаполис

Для цитирования: Шишков И. В. Факторы социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда современного мегаполиса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 159–165. DOI 10.52070/2500-347X_2022_4_849_159

Original article

Factors Affecting the Social Adaptation of Young Employee to the Labour Market of a Modern Megalopolis

I. V. Shishkov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ilyashishkoff@gmail.com

Abstract. The article scrutinizes the factors of the young employee's social adaptation to the megalopolis labour market. The author derives from the labour market's institutional effect facilitating the social adaptation. Amount of time spent in the corporate environment leads it to being crucial for the adaptation. Understanding the factors leads to a unified adaptation approach through social institutes functioning inside and outside the organisation, as well as through the adaptee's own efforts.

Keywords: social adaptation, adaptation factors, young employee, megalopolis

For citation: Shishkov, I. V. (2022). Factors affecting the social adaptation of young employee to the labour market of a modern megalopolis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4 (849), 159–165. 10.52070/2500-347X_2022_4_849_159.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мегаполис представляет собой крайне сложную структуру, кристаллизованную из множественности социальных, экономических, духовных, экологических процессов, связей, систем, институтов. Его население, исчисляемое миллионами жителей, становится драйвером социальной динамики, несущим преобразования урбанистического характера, и вместе с этим подвергается воздействию трансформирующих социальную реальность процессов. Житель мегаполиса – это единство субъекта и объекта социальной действительности.

Агломерационное образование способно не только воспроизводить свое население внутри своих границ, но еще привлекать жителей других территориальных единиц стать его частью. Одним из основных инструментов, способствующих интенсификации и поддержанию на определенном уровне миграционных процессов, следует считать рынок труда. Его существование и здоровое функционирование наделяют мегаполис конкурентным преимуществом, будь то конкуренция с меньшими населенными пунктами или с другими мегаполисами страны или даже мира.

Рынок труда как социальный институт трансформируется, подверженный различным процессам, протекающим во всех сферах общественной жизни. Можно аргументировать, что глобализация и цифровизация играют заметную роль в преобразовании сущности рынка труда в достаточной для научного интереса степени. Во-первых, глобализация предоставляет мегаполису доступ к новой рабочей силе, расширяет горизонт социально-экономических практик, имеющих место на иностранных рынках труда и т. п. Конечно, допустима некоторая доля скепсиса относительно их действительного воздействия на процессы в границах рынка. Например, согласно исследованию Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, опубликованному в июне 2022 г., численность трудовых мигрантов была на 19 % меньше, чем до пандемии 2019 г. Кроме того, авторы утверждают, что на момент проведения исследования кризисных явлений на рынке труда не наблюдалось [Флоринская, 2022]. Летом 2022 г. безработица на российском рынке труда осталась на историческом минимуме равном 3,9 % (*Российская газета*. 31.08.2022). Другие исследователи утверждают о стабилизации российского рынка труда после геополитических событий в начале года, оценивая динамику как менее «турбулентную» по сравнению с началом пандемии COVID-19 (*РБК*. 12.08.2022). Во-вторых, процессы цифровизации

принимают на себя некоторую вспомогательную роль, заключающуюся в установлении каналов для сбора, обработки и распространения информации, необходимой для поддержания и совершенствования социально-экономических процессов на рынке труда мегаполиса. Так как рынок труда обладает высокой экономической ценностью, то доступ к цифровым технологиям упрощен и распространен. Соответственно, более широкая доступность ведет к большей применимости среди работников, что дает возможность взаимодействия с территориально удаленными группами и социальной средой. Тем не менее недавно объявленная частичная мобилизация обладает гипотетическим потенциалом для создания «турбулентности» на рынке труда.

Данные процессы воспринимаются молодежью на уровне обыденности, так как высокая степень интегрированности цифрового и глобального в каждый день жизни этой когорты в современном мире очевидна [Слепова, 2018]. Более того, это проявляется как конкурентное преимущество над другими демографическими когортами на самом рынке труда. Однако сформировавшиеся цифровая грамотность и космополитизм молодежи обуславливают некоторые специфические изменения в динамике социальной адаптации на рабочем месте.

Проблема социальной адаптации наемных работников на рынке труда крупных городов занимает определенное место в научном и общественном дискурсе, в том числе относительно молодежи.

Ю. Ф. Флоринская, М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян в своих исследованиях предпринимают попытки понимания и толкования социально-экономической динамики рабочей силы на российском рынке труда.

Ю. А. Гударенко, М. А. Гаранин, М. А. Гнатюк, С. И. Самыгин уделяют особое внимание конкретно социальной дифференциации молодежи на рынке труда.

Дж. Хартер, М. Г. Яковлева и О. М. Слепова обращаются к социологической перспективе для выявления особенностей адаптационных процессов, участниками которых становится молодой наемный работник.

Кроме того, в общественно-научном дискурсе И. Жандарова, Т. Замахина также проявляют интерес к положению различных страт на рынке труда. Соответственно, проблематика нашей статьи представляется релевантной.

В статье автором предлагается анализ факторов, оказывающих действительное воздействие на процесс социальной адаптации молодых наемных работников на рынке труда мегаполиса, а также приводится их авторская трактовка.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ РЫНКА ТРУДА НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ НАЕМНОГО РАБОТНИКА

Рынок труда мегаполиса, принадлежащего той или иной стране, находится в постоянной конкуренции с более малочисленными населенными пунктами, где уровень конкуренции существенно перевешивает в пользу мегаполиса, и с другими мегаполисами, где уровень конкуренции варьируется не так существенно. Очевидно, допустимы aberrации, например, показатели внутренней миграции в Москву или Рио-де-Жанейро не позволяют говорить о какой-либо действительной конкуренции с другими мегаполисами внутри соответствующих стран.

Сложно отрицать, что главный фактор привлекательности того или иного мегаполиса для внутренних и внешних мигрантов – функционирующий социальный лифт. То же справедливо даже в условиях его фактического осложненного функционирования. Во многом именно социальный лифт становится стимулом для внутренних миграционных процессов среди молодежи страны. Кроме того, возникает парадокс: цифровые технологии и компетенции «сокращают» физическое расстояние, позволяя экономить время (так называемое сжатие темпорально-пространственного ландшафта), что позволяет работать удаленно из любого места с доступом к интернет-пространству и необходимому оборудованию, но при этом концентрируют человеческие ресурсы на рынках труда крупных городов, что объяснимо появлением новых технологий в первую очередь там. В таком случае возможно говорить об углублении социального неравенства как самом существенном негативном последствии. Кроме того, для внутреннего мигранта и жителя мегаполиса получение рабочего места во втором секторе, вероятно, привлекательнее первого сектора в менее крупном населенном пункте из-за различия доступности к материальным и духовным ресурсам, набору возможностей для удовлетворения потребностей [Гударенко, 2010].

Следовательно, высокая концентрация рабочих мест на мегаполисном рынке труда выражается не только в повышенной конкуренции, но и в более высокой заработной плате, и в широком спектре возможностей. Это способствует перевесу динамического баланса внутренней миграции – дисбаланса в пользу повышенного желания переезда в крупный город – в мегаполис – и пониженного желания переезда оттуда в менее крупный населенный пункт.

Так как наемный работник попадает на новый для себя рынок труда, происходит столкновение

его картины мира, набора ценностей, практик, норм, опыта при взаимодействии с множеством других социальных групп. В зависимости от совокупности личных компетенций, опыта и ценностей, их «сочетаемости» с представленными в тех новых группах, членом которых он теперь является, тех общественных и государственных институтах, с которыми он в той или иной степени взаимодействует, инициализируется и протекает процесс социальной адаптации. Его неэффективность, затянутость может привести к социальной аномии и последующей социальной депривации из-за неудавшегося встраивания в рабочую среду. Массовый характер подобного имеет вероятность привести к более масштабным последствиям – атомизации городского сообщества.

Тем не менее общественные и государственные институты, функционирующие в рамках трудовых отношений, призваны компенсировать изъяны в процессе адаптации, например, нехватку или несоответствие совокупности капиталов. При оптимальном функционировании институтов наемный работник посредством санкционирующих актов начнет ознакомление с правилами, паттернами поведения, нормами и ценностями, закрепленными на макро- или на микроуровне, и затем приступит к их усвоению – интериоризации. При достаточном показателе адаптированности работник не только повысит собственную производительность, но и примет на себя роль ретранслятора идентичности группы или слоя.

В данной статье возрастные границы молодого наемного работника определяются от 15 до 35 лет. Определяя возрастные границы, мы руководствовались следующей логикой: если нижняя граница начинается с возраста достижения общей трудоспособности – 15 лет, то верхняя – 35 лет – основывается на законодательной базе Российской Федерации (*Российская газета*. 23.12.2020) и усреднение возрастной границы для участия во многих социально-экономических и научных российских и международных программах.

Согласно статистике, основная причина миграции в возрасте 15–24 лет – это поступление в университет, а в 25–34 лет на первое место выходит трудоустройство [Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2021]. Следовательно, миграционная привлекательность крупных городов и мегаполисов очевидна: в первом случае – концентрация ведущих университетов, во втором – высокий спрос на рабочую силу и предложения рабочих мест. Интеграция в общественную жизнь мегаполиса предоставляет более динамичную социальную мобильность, что выражается в более явной социальной дифференциации.

Кроме того, справедливо подчеркнуть, по нашему мнению, ценность вспомогательного значения внутриколлективных взаимодействий. Рабочий коллектив и другие ответвления организации совмещают в себе функционал осуществления нескольких адаптационных воздействий: на микроуровне – рабочий отдел, департамент, профсоюз и др. и на макроуровне – организация по трудоустройству, социальная служба, муниципальный, региональный или федеральный органы власти и т. д. При совпадении наполнения транслируемой информации на всех уровнях проявляется эффект синергии, существенно ускоряющий адаптационный процесс наемного работника как внутри организации и ее уровней, так и к рынку труда в широком смысле.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДОГО НАЕМНОГО РАБОТНИКА В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

Мы выражаем уверенность, что рабочую среду следует расценивать в качестве самой релевантной для социальной адаптации молодого наемного работника. Естественно, можно предположить, что образовательная среда может претендовать на такое же значение. По нашему мнению, вступление в рабочую среду перекрывает адаптационное воздействие образования, потому что, как показывает практика, студенты, совмещающие работу и обучение, отдают большее предпочтение работе. Предположительным объяснением является дифференциация по экономическому статусу, т. е. студент, семья которого может позволить обучение на платной основе или которому не требуются расходы на обучение (бюджет), менее вероятно займется собственным трудоустройством в течение обучения, чем студент, семья которого не имеет возможности оплатить обучение или у которого недостаток средств.

Так, если обратиться к статистическим данным, то можно выявить, что показатель часовой нагрузки на работе достаточно высокий – в среднем за год 1 874 часа, что превышает аналогичный показатель в таких странах, как США или Япония (*РИА Новости*. 25.07.2021). При этом 57 % российских сотрудников работают сверхурочно (*Ведомости*. 18.11.2021). Разумно предположить, что рабочая среда не только играет важную роль в адаптации молодого сотрудника, но даже претендует на вытеснение других, внерабочих групп, из участия в процессах адаптации.

Высокая конкуренция на рынке труда, доступность социальной мобильности, страх перед социальной депривацией, anomией вынуждает

молодого жителя мегаполиса и тем более трудового мигранта усердно держаться рабочего места. Мы считаем, что институциональная и лично акторная оптимизация социальной адаптации приведет к фасилитации самого процесса.

На рабочем месте молодой сотрудник сталкивается с социальной адаптацией во многих проявлениях. Их можно условно разделить на прямое (взаимодействия внутри и вне отделов, по корпоративной вертикали, с клиентами и поставщиками, со стейкхолдерами) и опосредованное (взаимодействия с некоммерческими и государственными трудовыми организациями, образовательная деятельность) воздействия. Посредством подобных взаимодействий социальные и материальные акторы транслируют определенную систему норм, ценностей и паттернов, усвоение которых либо явно, либо косвенно обозначается для адаптанта. В рамках данного процесса он интериоризирует весь набор, что в случае успешности позволит ему стать типическим представителем соответствующей общности и воспроизводить сложившуюся социальную структуру.

На адаптацию молодого наемного работника в организации оказывает влияние степень развитости корпоративной культуры. Чем более четко она проявляется в трудовой деятельности коллектива, тем проще идентификация адаптационного наполнения. Соответственно, разработанные и четко выраженные положения корпоративной культуры имеют высокий потенциал для упреждения *faux pas* со стороны адаптанта.

Другой важный элемент рабочей среды – возрастная дифференциация. Имеется некоторый потенциал к осложнению адаптационных процессов в рабочей среде, типическими представителями которой являются сотрудники вне возрастной категории молодого сотрудника-адаптанта или при наличии значительного возрастного разрыва в его границах. Одним из объяснений данного осложнения становится ценностный разрыв возрастных когорт. Поэтому необходим поиск «обобщающих» оснований с последующим закреплением в материальных или нематериальных носителях организации или их трансляция через институты на макроуровне.

Помимо дезадаптационного эффекта возрастной дифференциации «межсредовое» социальное существование может быть проблематичным. Любой человек в одно и то же время является членом нескольких групп, ценностно-нормативная структура которых, вероятно, отличается по самым основным аспектам. В таком случае адаптация осложняется столкновением несовпадающих ценностей. Оптимальным решением нам кажется

осознанное понимание адаптантом проблемы и корректировки собственных паттернов поведения в достаточной мере для принятия группой при сохранении части усвоенных от другой группы ценностей. Кроме того, в таком случае акторам рабочей среды и иным агентам влияния следует занять проактивное положение, избегая пассивности в ретрансляции ценностно-нормативной структуры.

Отдельного упоминания требует цифровая социальная реальность ввиду продолжающейся интенсификации цифровизации многих сфер общественной жизни. Хотя, с одной стороны, цифровой инструментарий обладает потенциалом для фасилитации взаимодействий внутри рабочей среды, тем не менее, с другой – имеется повышенная вероятность социальной аномии. Перенос существенной части социальных взаимодействий в виртуальное пространство вызывает ощущение «нереальности» и «неважности» этих взаимодействий, особенно в условиях удаленной трудовой деятельности [Яковлева, 2021]. Поэтому у всех субъектов адаптации возникает задача восстановления реальных внутри и межгрупповых контактов, что, как правило, принимает форму развлекательных и образовательных корпоративных мероприятий на микроуровне или прикладных и образовательных событий на макроуровне.

Личные компетенции, уровень образования и предыдущий опыт могут как ингибировать, так и интенсифицировать процесс адаптации. Их релевантность и уровень оказывают прямое воздействие ввиду того, что выполнение трудовых задач занимает меньше времени, остается больше времени на непосредственную адаптацию; во время овладения ими адаптант начинает первичную интериоризацию релевантных ценностей; понимает прошлые ошибки и действует во избежание их повторения, во избежание аномии.

Социальные взаимодействия склонны к «ускорению» в мегаполисах. Насыщенность событиями приводит к субъективному восприятию ускорения временного континуума, из-за чего человеку в одно и то же время кажется, что он успевает сделать много дел и что у него всегда нехватка времени. Так, спектр возможностей в границах мегаполиса настолько широк, что адаптирующийся сталкивается с вызовом множественной параллельной адаптации: на рынке труда, в образовательной среде, в группах по интересам и др. Для трудовых мигрантов (и внутренних, и внешних) задача адаптации стоит наиболее остро, так как ее невыполнение – очевидно нежелательная социальная депривация, которой предшествует социальная аномия. Поэтому соотношения риска и награды при достаточном

понимании самим адаптантом может стать мотивацией, стимулирующей иницируемую им интенсификацию всего процесса адаптации. Помимо внутренней мотивации разумно стимулирование институциональными средствами, например, точечной и групповой профессиональной переподготовкой, дополнительным образованием и др. Некоммерческие и государственные организации осознают и внедряют данный подход в некоторых трудовых отраслях с этой целью.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДОГО НАЕМНОГО РАБОТНИКА НА РЫНКЕ ТРУДА МЕГАПОЛИСА

Факторы, оказывающие то или иное влияние на процессы социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда в мегаполисе, возможно объединить в несколько групп. Для удобства мы представили их на рисунке.

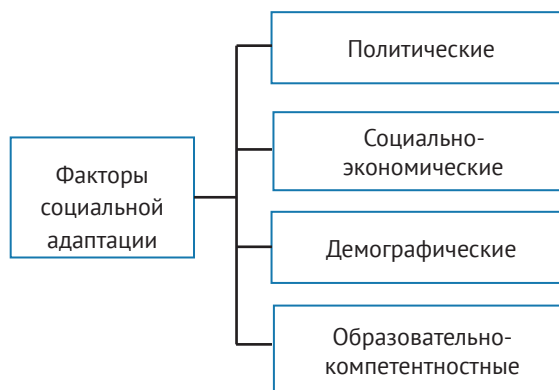

Рис. 1

Группы факторов социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда мегаполиса

К группе политических факторов относятся процессы, зависящие от отношений государства и общественности, межгосударственных отношений, идеологической повестки и др. Они могут выражаться в политически ангажированных изменениях на рынке труда, регулируемых органами власти, или в изменениях политических отношений на международной арене, внутри регионов и внутри самой страны. Например, частичная мобилизация в Российской Федерации, вероятнее всего, оставит существенный отпечаток на структуре рынка труда и комплексе социальной адаптации.

Группа социально-экономических факторов объединяет находящиеся в зависимости от

социальной динамики отношения работодателя и работника. Данные отношения влияют на трансформацию социальной структуры, изменений в ценностно-нормативном ландшафте общества. Например:

- санкционированность превышения нормативного рабочего времени внутри коллектива или на рынке труда в целом;

- тенденция к «тихому уходу» (*англ.* quiet quitting), когда сотрудники стремятся выполнять поставленные задачи исключительно без переработок или в достаточной мере, но без инициативы [Harter, 2022];

- «выраженность» и документальная закреплённость корпоративной культуры и др.

К демографической группе относятся дифференциация по возрасту, территориальной принадлежности работы, религии и т. п. Данные факторы могут оказывать как существенное, так и не существенное воздействие на социальную адаптацию молодого наемного работника. Например, «ускорение времени» оказывает влияние на социализацию в мегаполисе и ведет к более быстрой адаптации, но выражается в появлении чувства фрустрации и тревожности перед возможностью социальной депривации при неудаче на работе [Гаранин, Гнатюк, Самыгин, 2018].

Мы выносим образование, которое, как правило, приписывается к демографическим характеристикам, в отдельную группу, соединенную с личными общими и профессиональными компетенциями молодого наемного сотрудника, потому что считаем их дополняющими друг друга. Именно через образование (и опыт) формируются профессиональные и общие компетенции, кругозор, открытость к новому. Наличие релевантных компетенций выражается в более фасилизированном процессе адаптации из-за профессиональной успешности и широты кругозора, способствующих более гибкой интеграции в рабочую среду и на рынке труда в целом.

Более того, мы хотели бы выделить рабочую среду как социальное пространство, объединяющее все предложенные факторы под своей эгидой. Так, она выступает как пространство-проводник для рассмотренных факторов. Однако она может стать ингибитором для несоответствующих социальной структуре компании ценностей и норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного выше, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, успешная социальная адаптация молодого наемного работника представляет собой результат не только личных усилий адаптанта, его компетенций, образования, ценностных ориентиров, но и воздействий институционального характера. Именно поэтому «здоровье» общественных и государственных институтов, способствующих адаптации на рынке труда, должно быть действительным. Если внутриорганизационные факторы оказывают прямое воздействие на адаптационные процессы молодого работника, то институциональные опосредовано трансформируют его ценностно-нормативный набор, приводя к более фасилизированному, оптимальному процессу социальной адаптации, т. е. социальные институты должны стимулировать развитие трудовых отношений и активно, и пассивно во избежание массовой социальной депривации, ведущей к атомизации общества.

Во-вторых, рабочая среда является первичной средой адаптации, так как в современном городском обществе наибольшее количество времени проводится в его границах. В ее рамках важную роль играют факторы, связанные с личной мотивации молодого наемного сотрудника к адаптации и корпоративной заинтересованностью в том же. Соответственно, целесообразным становятся различные формы социальной защиты молодого сотрудника, инициированные организацией, например, дополнительная профессиональная подготовка, интенсифицированная вторичная социализация через регламентированное ознакомление с принятыми ценностно-нормативным набором, практиками и правилами поведения, формирование благоприятных для адаптации условий и т. п.

Таким образом, факторная насыщенность адаптации к социальному пространству рынка труда мегаполиса приводит к вынужденной интенсификации процессов социальной адаптации. Именно единое множество адаптационных воздействий внутри организации, вне ее (общественные и государственные социальные институты) и собственных мотивированных актов сотрудника должно ускорить и фасилитировать адаптацию молодого наемного сотрудника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Флоринская Ю. Ф. Социология и статистика не показывают наличие негативных трендов в трудовой миграции // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 6. С. 55–59.
2. Слепова О. М. Цифровая компетентность молодежи как условие социально-профессиональной успешности // Молодежь, устремленная в будущее: проблемы, интересы, перспективы: сборник научных трудов. 2018. С. 100–105.

3. Гударенко Ю. А. Рынок труда как социальный институт в современном российском обществе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. Вып. 124. С. 330–335.
4. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал новой экономической ассоциации. 2021. Вып. 4 (52). С. 162–180.
5. Яковлева М. Г. Проблема виртуализации реальности в постмодернистской культуре // Манускрипт. 2021. Вып. 6. С. 1185–1189.
6. Harter J. Is Quiet Quitting Real? // Gallup. 2022, September 6. URL: <https://www.gallup.com/workplace/398306/quiet-quitting-real.aspx>
7. Гаранин М. А., Гнатюк М. А., Самыгин С. И. Риски трудовой интеграции российской молодежи в условиях современного рынка труда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. Вып. 8. С. 25–28.

REFERENCES

1. Florinskay, Y. F. (2022). Sociology and statistics show no negative trends in labor migration. Economic development of Russia, 6 (29), 55–59. (In Russ.)
2. Slepova, O. M. (2018). Cifrovaja kompetentnost' molodezhi kak uslovie social'no-professional'noj uspešnosti = Digital literacy of the young people as a condition of social and professional success. (pp. 100–105). The young people, striving for future: issues, interests, perspectives: the digest of the articles from the science conference. (In Russ.)
3. Gudarenko, Y. A. (2010). Labour market as a social institute in the modern Russian society. Vestnik of Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen, 124, 330–335. (In Russ.)
4. Karceva, M. A., Mkrtyan, N. V., Florinskay, Y. F. (2021). Interregional migration of young people in Russia and construction of life strategies. The Journal of New Economic Organisation, 4(52), 162–180. (In Russ.)
5. Yakovleva, M. G. (2021). The problem of virtualization of reality in postmodern culture. Manuscript, 6, 1185–1189. (In Russ.)
6. Harten J. (2022, September 6). Is Quiet Quitting Real? Gallup. <https://www.gallup.com/workplace/398306/quiet-quitting-real.aspx>
7. Garanin, M. A., Gnatyuk, M. A., Samygin, S. I. (2018). Humanitarian, social-economic and social sciences, 8, 25–28. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишков Илья Вадимович

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkov Ilya Vadimovich

PhD student

at Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 20.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 20.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 20.10.2022

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 4 (849)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 4(849)

Над выпуском работали:
доктор экономических наук доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук профессор И. В. Образцов
А. А. Азаренкова

Редактор *М. В. Пупышева*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 31.12.22
Усл. печ. л. 14,5. Формат 60х90/8
Заказ № 80/22

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.